

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники

Р. Л. Ахмедшин
Н. В. Ахмедшина

**ТЕРРОРИЗМ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ,
ИНФОРМАЦИОННЫЕ,
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Учебное пособие

Томск
Издательство ТУСУРа
2023

УДК 323.28(075.8)
ББК 66.4я73
А 954

Рецензенты:

Ведерников Н. Т., д-р юрид. наук, профессор;
Севрюков В. В., зав. каф. уголовного процесса
ЗСФ Российской академии правосудия, доцент

Печатается по решению научно-методического совета ТУСУРа
(протокол № 5 от 01.06.23)

Ахмедшин, Рамиль Линарович

А954 **Терроризм: психологические, информационные, криминалистические аспекты: учеб. пособие / Р. Л. Ахмедшин, Н. В. Ахмедшина. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2023. – 187 с.**

ISBN 978-5-6050215-5-1

Рассматриваются актуальные проблемы противодействия терроризму. Основной акцент сделан на анализе психологического, информационного и криминалистического аспекта этого сложного современного социального явления.

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также широкого круга читателей.

УДК 323.28(075.8)
ББК 66.4я73

ISBN 978-5-6050215-5-1

© Ахмедшин Р.Л.,
Ахмедшина Н.В. 2023
© Томск. гос. ун-т систем упр.
и радиоэлектроники, 2023

Оглавление

Введение	4
Глава 1 ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМА	6
Глава 2 ТЕОРИИ ПРИЧИННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	34
Глава 3 ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ	75
Глава 4 ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	104
Глава 5 ПРОФИЛИРОВАНИЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ	134
Глава 6 О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ ПСЕВДОТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ (ОБОБЩЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА).....	139
Заключение	146
Контрольные задания	147
Приложение А. Речь Робеспьера в Национальном конвенте Франции 26 июля 1794 года.....	149
Приложение Б. Перечень основных террористических организаций современности.....	150
Приложение В. Соотношение и общая характеристика акцентуированных типов	155
Нормативные источники	171
Литература.....	173

Введение

Любая криминальная деятельность может быть иерархизирована с точки зрения общественной опасности, что, даже на взгляд человека, далекого от правовых наук, даст понимание приоритетов противодействия преступности.

Террористическая деятельность, в количественном плане несопоставимая с деятельностью «обычного» криминала, объективно занимает одно из верхних мест в этой своеобразной иерархии общественных угроз, что отмечается фактически всеми авторами.

Противодействие террористической активности не характеризуется высокой эффективностью, свидетельством чего является частота террористических актов и интенсивность террористической деятельности в целом. Однако ни в коем случае не стоит винить в этом прежде всего правоохранительные органы, так как эффективность их деятельности напрямую зависит от научно-методического обеспечения, выраженного в КОНКРЕТНЫХ инструкциях и методиках, наличие которых вполне обоснованно можно поставить под сомнение.

«Распространено заблуждение, что каждое преступление по своей природе расследуемо; что всегда есть достаточно доказательств, доступных для выявления личности преступника; что преступник всегда оставляет следы на месте преступления, которые, в руках требовательного исследователя (следователя или специалиста), неизбежно приведут к двери преступника. Поэтому гражданин, который не может определить, какой из его трех детей открыл банку печенья, может возмущаться неспособностью полиции определить местонахождение преступника, совершившего грабеж, среди нескольких миллионов жителей его города» [136, с. 6]. Приведенное утверждение, прежде всего, актуально для так называемых неочевидных преступлений, к числу которых вполне можно относить и преступления террористической направленности.

Однако еще более глубокое понимание природы терроризма приходит с осознанием истинности слов Д. Шиплера: «Терро-

ризм – это театр. Его истинная цель – не невинные жертвы, а зрители. Он стремится повлиять на ситуацию, и поэтому должен произвести яркое впечатление. Он основывается на драматическом эффекте, он преуспевает, приковывая к себе внимание» [41, с. 26].

Именно пониманию театральности террористической деятельности, образующей её информационную, психологическую, криминологическую и криминалистическую основу, посвящено данное пособие.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМА

Терроризм. На сегодняшний день данный термин заполонил пространство не только научных изданий, но и различных СМИ, включая интернет-источники, и исходит как от людей, излагающих свою позицию с профессиональной точки зрения, так и от любителей, использующих терминологию совершенно произвольно, в угоду желаемым «лайкам».

Вспомним, что очень часто термины меняют свое не только содержательное значение, но и трансформируют свой эмоциональный контекст. Рассмотрим, к примеру, изменение эмоционально-содержательного наполнения термина «острог». Изначально «острог» обозначал отдельно стоящее опорное военное укрепление – крепость, и ассоциировался с эмоциональной гаммой – надежность, безопасность, позитивность. Впоследствии содержательная составляющая термина «острог» изменилась и стала ассоциироваться скорее со словами одиночество, уединенность, отдаленность, в меньшей степени сохраняя за собой содержательную характеристику надежность и позитивность. Наконец, на третьем этапе термин «острог» стал скорее соотноситься со словом «тюрьма» и полностью свелся к эмоциональной оценке одиночества, заброшенности, потери смысла, обреченности.

Неудивительно, что и в разговорной речи, и в научном терминологическом обороте термину «острог» сейчас присуще одно из трёх вышеперечисленных значений, поэтому, если исследователи не договорятся о едином понимании эмоционально-смыслового содержания данного термина, любая дискуссия применительно к нему становится бессмысленной.

Само наполнение термина «острог» в контексте мировосприятия в целом не несёт какого-то принципиального значения в отличие от многих других терминов, эмоционально-содержательное понимание которых варьируется крайне широко, что совершенно исключает возможность результативной научной дискуссии. Применительно к избранной нами теме существующее положение

полностью характерно для исследований природы терроризма как социального явления [128, с. 526].

Можно с высокой уверенностью отмечать, что понятия терроризма, которыми оперируют современные исследования, содержательно радикально отличаются друг от друга, а это недопустимо в научном исследовании. Естественно, однозначность понимания того или иного явления возможно только при вдумчивом глубоком историческом анализе обстоятельств, которые предопределили существование этого явления. С учетом сказанного рассмотрим историю проявления феномена «терроризм».

Терроризм: отдельные смысловые слои

Уже поверхностный исторический анализ показывает, что в различные исторические эпохи под феноменом терроризма понимались совершенно различные социальные процессы.

Термин «терроризм» происходит от латинского *oris* [terro] – ужас, страх. Однако этот ужас и страх в различные исторические периоды имел совершенно разные источники.

Впервые этот термин стал применяться для обозначения политики якобинцев, а в особенности тех, кто принимал участие в революционных трибуналах в эпоху террора в годы Великой французской революции (14.06.1789 – 9.11.1799). Термин «террор» стал широко употребляться с 5.09.1793 г., после принятия Конвентом постановления «Да будет террор в порядке дня!».

Государственный внутренний терроризм

Изначально термин «терроризм» обозначал официальную государственную политику Франции, направленную на борьбу с внутренними врагами этого государства в период Великой французской революции (приложение А). Таким образом, как это не парадоксально, изначально терроризм был лишен современного негативного подтекста, будучи тесно связан с идеями добродетели и демократическим мировосприятием, выступая формой позитивного мировосприятия. Главный идеолог терроризма Робеспьер утверждал, что «без добродетели террор становится злом, однако и добродетель без поддержки террора становится беспомощной», а значит «террор есть не что иное, как правосудие – скорое, стро-

гое и непреклонное, и тем не менее он является эманацией добродетели».

Как видно, на первом этапе возникновения феномена терроризма можно говорить о государственном терроризме, направленном на собственный народ. Неудивительно, что и сегодня некоторые исследователи под терроризмом ошибочно понимают любые злоупотребления официальной власти с открытым криминальным подтекстом, не всегда даже насильственной природы. Впоследствии власть в других государствах, формирующаяся в процессе революции на начальной стадии своего существования, традиционно стала пропагандировать понимание террора в его «французском» варианте.

Вывод. В период 1793–1794 гг. во Франции терроризм представляет из себя государственную идеологию нагнетания ужаса на собственное население как средство переходного периода, направленное на противодействие анархии и контрреволюции. Таким образом, рассмотренная идеология государственного внутреннего терроризма является исходным пониманием его природы.

Иногда в литературе встречаются крайне спорные утверждения вроде того, что «после революции 1905 года терроризм в России приобрел массовый характер, причем на террор революционный государство отвечало своим, государственным террором» [67, с. 98]. Карательные мероприятия государственных органов вне единой идеологической линии, нацеленной на создание атмосферы страха, – это не государственный терроризм. Также неудачным примером рассматриваемой формы терроризма применительно к части населения может послужить деятельность ультраправых монархистов при Николае II в начале XX века, имевших название «черносотенцы» и выдвигавших лозунг «Бей жидов – спасай Россию». Деятельность данной организации только лишь неофициально поддерживалась властью страны, поэтому не представляла собой проявление террористической деятельности в контексте политики государственного терроризма.

Оговоримся, в вопросах приписывания политики государства к государственной внутренней террористической необходимо от-

носиться очень осторожно, иначе мы рискуем скатиться в болото либеральных благоглупостей, направленных на решение злободневных проблем текущего дня [69, с. 19–27]. Всегда необходимо помнить, что «дать определение государственному терроризму сложно, потому что все нации в той или иной степени полагаются на насилие» [126, с. 345].

Государственный внешний терроризм

Эра колониализма предопределила раскол цивилизации на индустриальные государства и их колонии. Учитывая выраженный односторонний эксплуататорский характер взаимоотношений этих двух образований, неудивительно, что в отношении колоний предпринимались крайне жесткие меры удержания контроля. Политика террора и геноцида была одним из этих средств.

Стали каноническими примеры уничтожения ряда народностей аборигенов Северной Америки (индейцев) усилиями таких государств, как Великобритания и США. Впервые организация концентрационных лагерей на Кубе усилиями Испании и в Южной Африке усилиями Британии в конце XIX, на Филиппинах усилиями США в начале XX века наглядно показала, что наиболее страшная форма терроризма – это терроризм государственный на территории захваченных колоний. Несильно отличалась от приведенных примеров колониальная политика Бельгии, Нидерландов и Португалии. Системность геноцида также была продемонстрирована Японией на корейском полуострове.

Так же как и в период французской революции, терроризм в рассматриваемый период воспринимался как некое объективное благо, проистекающее из «дикости» покоренных народов. Пропандировалось, что эксплуатация жителей колоний есть форма приобщения их к цивилизации, необходимая прежде всего им самим. Гимном колониального террора можно считать произведение известного идеолога британского нацизма Р. Киплинга «Бремя белых».

Колониальный террор в отношении местного населения был объективно предопределен. Количество колонизаторов и их пособников на захваченной территории всегда было радикально

меньше количества населения этих территорий. Только политика устрашения – террора и геноцида – могла продлить нацистскую политику «передовых» индустриальных государств того периода.

Суть идеологии террора того периода базировалась на идее неполноценности колониальных народов, которые в отношении «белых господ» выступали, по мнению упомянутого Р. Киплинга, «то дьяволами, то детьми». Современные исследователи терроризма, как выходцы из бывших колониальных держав, стараются обойти упоминание терроризма колониального периода, стыдливо замалчивая о его жертвах.

Анализируя идеологию колониального террора, необходимо выделять его системный, а не случайный характер. Кроме того, учитывать, что колониальный терроризм был составной частью государственной политики значительного количества европейских стран. Рассматриваемая форма государственного терроризма, в отличие от предыдущей, направлена не на граждан своего государства, а на население других стран.

Вывод. На смену государственному внутреннему терроризму как идеологии нагнетания ужаса на собственное население приходит государственный внешний терроризм как идеология нагнетания ужаса на население колоний и оккупированных территорий.

Государственный политический (революционный) терроризм

Понимание терроризма, близкое к современному, прослеживается на третьем этапе становления терроризма как идеологического мировосприятия. На рассматриваемом этапе идеология терроризма – это идеология революционных преобразований, идеология антиправительственной деятельности. Не стоит полагать, что данная идеология выступает качественно иной по сравнению с ранее рассмотренными. Нет. Скорее можно говорить о диаметральной противоположности воздействия. На первом этапе государство направляло террористическую деятельность против граждан, на рассматриваемом этапе граждане ориентируют террористические усилия в адрес государства.

В основу идеологии революционного терроризма лег постулат К. Пизакане о «пропаганде действием». Пизакане писал: «Пропаганда идеи – недостижимая цель, идеи рождаются из деяний, а не наоборот. Знание не дает людям свободы, но свобода способна дать познания», «Применение насилия необходимо не только для привлечения внимания общества или предания огласке идеи, но ради просвещения, обучения и, наконец, сплочения народа во имя революции», «Морализующее действие насилия превосходит по своей эффективности издание памфлетов, настенных плакатов или устройство собраний».

Согласимся со многими исследователями, полагающими, что общественно-политическая организация «Народная воля», основанная в Российской империи в 1876 г., была первой классической террористической организацией. Деятельность «Народной воли» интересна прежде всего попыткой соблюдения той тонкой грани насилия, которая, разрушая государство, не затрагивала бы интересы простых граждан. Совершенно нетипичная для современной идеологии терроризма глубина поиска морально-нравственного баланса в революционной деятельности делает данную террористическую группу уникальной. В контексте сказанного неудивителен факт отмены очередного террористического акта в 1905 г., когда выяснилось, что в подлежащей взрыву карете с великим князем С.А. Романовым едут его жена и племянники. С другой стороны, вспомним, что «терроризм вообще стремится к гуманитарному самооправданию, и в этом смысле гуманитарен *par excellence*» [47, с. 68] и не будем слишком умиляться моральности народовольцев.

Одновременно с этим в деятельности «Народной воли» четко просматривается элемент стороннего (иностранного) управления. Так, руководство группы было однозначно ориентировано против терроризма в индустриально развитых государствах. К примеру, исполнительный комитет «Народной воли» в 1881 г. официально и публично осудил убийство президента США Джеймса Гарфилда. Управляющие органы «Народной воли» полагали, что насилие оправдано только применительно к России и не может быть оправдано применительно к странам с «нормальной политической

деятельностью». Маловероятно, что данное политическое лицемерие проистекало из наивности народовольцев, их веры в истинность зарубежной демократии, скорее логично говорить об их финансовой заинтересованности в стабильности за границами России.

Описанной финансовой заинтересованности, вероятно, не был лишен и образованный в 1885 г. Анархистский («Черный») интернационал, который активно проводил политику терроризма везде, кроме территории Британии. Членами «Черного интернационала» были убиты президент Франции Мари Франсуа Сади Карнов в 1894 г., императрица Австро-Венгрии Елизавета в 1898 г., премьер-министры Испании в 1897 и 1912 гг., король Италии Умберто I в 1900 г. и президент США Уильям МакКинли в 1901 г. Представители данной организации совершили попытку ликвидации кайзера Германии Вильгельма в 1878 г. и участвовали во многих иных «акциях» против политических противников британской короны.

Вывод. Модификация идеологии терроризма на рассматриваемом этапе обусловлена сменой полярности политической активности от государства к отдельным группам, находящимся на финансировании другого государства. В данном пособии не стояла задача освещения проблемы финансирования террористической деятельности, которая пусть и редко, но раскрывается в специальных работах современных отечественных исследователей [9], которые в вопросе о системообразующей природе финансирования для современного терроризма солидарны с их зарубежными коллегами [13, с. 101].

Подводя итог сказанному, мы можем говорить о государственном политическом терроризме, направленном на формирование страха у властей другого государства. Считать революционный терроризм формой деятельности нации неправильно, так как число активных террористов крайне невелико, а их деятельность не находит поддержки в обществе в целом. Следовательно, можно сказать, что идеология рассматриваемого вида терроризма есть составная часть идеологии войны, а террористическая деятельность есть форма ведения военных действий без объявления вой-

ны одним государством другому. Со сказанным не согласны либеральные исследователи, настаивающие на том, что «терроризм следует рассматривать как преступление или преступное поведение, а не как акт войны» [97, с. 343].

Национальный (национально-освободительный) терроризм

Высшей формой нравственной неоднозначности терроризма как идеологии является идеология террористической деятельности, направленная на освобождение нации от угнетения оккупантами. Если идеология революционного терроризма есть антагонизм идеологии государственного терроризма, направленного на собственных граждан, то идеология освободительного терроризма есть антагонизм идеологии государственного терроризма, направленного на население колоний и оккупированных территорий. Рассматриваемая форма терроризма на уровне идей, как правило, разделяется большинством населения страны и часто соответствует идеям справедливости. Эта деятельность эффективна и в условиях отсутствия внешнего финансирования (или его выраженной второстепенности), что радикально отличает её от революционного терроризма. Как и революционный терроризм, идеология национально-освободительного терроризма направлена на противодействие пусть и несправедливой, но государственной власти. Либеральная культурная теория, в частности, предполагает, что преступление (и, в более общем случае, такие отклонения, как беспорядки) является коллективным проявлением отчаяния тех, кто маргинален в современном обществе [129, с. 172].

В свое время страны третьего мира, а также страны социалистического блока, недавно отстоявшие свою независимость, стали активно отказываться от термина «терроризм», полагая, что борющиеся против колониального или оккупационного гнета не должны считаться террористами, так как являются борцами за свободу.

В своем монументальном исследовании Хоффман Б. описывает дискуссию, произошедшую в ООН в начале 70-х годов XX века.

«Дебаты начались с заявления Генерального секретаря ООН, которым тогда был Курт Вальдхайм, о том, что ООН не должна оставаться сторонним наблюдателем в то время, когда во всем мире террористами совершаются акты насилия, но принимать необходимые меры для предотвращения дальнейшего кровопролития. В то время как большинство государств-членов ООН поддерживали предложение Генерального секретаря, несогласное меньшинство, включавшее многие арабские государства, а также африканские и азиатские страны, сорвали дискуссию, утверждая (с тем же рвением, что и Ясир Арафат в своем обращении к Генеральной Ассамблее спустя два года), что «люди, борющиеся за освобождение от иноземного гнета и эксплуатации труда, имеют право использовать любые методы для выражения протеста, включая применение силы».

Делегаты от стран третьего мира подкрепили свою позицию двумя доводами. Во-первых, все истинные борцы за освобождение без различия классифицируются режимами, против которых они выступают, как террористы. Так, например, германские нацисты называли террористами группы Сопротивления, боровшиеся против немецкой оккупации. Моулей Эль Хассен, представитель Мавритании, отметил, что «все освободительные движения называются террористическими теми, кто вверг их в нищету и рабство». Следовательно, осуждая терроризм, ООН тем самым закрепила власть сильных над слабыми и признанными субъектами права над непризнанными претендентами, по сути, выступив в поддержку существующего положения вещей. По словам Чен Чу, помощника представителя КНДР, таким образом ООН предлагала лишить «угнетенные народы и нации» единственного действенного оружия, с помощью которого возможно противостоять «империализму, колониализму, неоколониализму, расизму и израильскому сионизму». По словам представителя Мавритании, который вновь объяснил, что термин «террорист» вряд ли можно применять к лицам, которым отказано в элементарнейших правах человека, а именно достоинстве, свободе и независимости и чьи страны борются с иноземной оккупацией. Когда этот вопрос вновь был поднят год спустя, Сирия заявила, что «мировое сообщество

имеет правовые и моральные обязательства поддержать освободительные движения и противостоять любым попыткам сравнения борьбы за свободу с терроризмом и незаконным насилием». В результате так и не выработавшая единого мнения о терроризме ООН стала прилагать больше усилий для укрепления международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, выходя за рамки соглашений по отдельным вопросам данной проблемы (связанным, например, с дипломатией и гражданской авиацией) [95, с. 30–31]. «Более того, некоторые пресловутые террористы, если их движение достигает своих целей, становятся законными политиками или, возможно, лидерами своей страны, имеют признание в Европе и на Ближнем Востоке» [134, с. 91].

Признаком национально-освободительного терроризма выступает крайне четко определенный «враг». В качестве примера можно привести высказывание лидера террористической группы «Лехи» (от Лохамей Херут Исраэль – Борцы за свободу Израиля): «Враг – Британия. И с врагом этим мы должны бороться не на жизнь, а на смерть, при любых обстоятельствах и в любой ситуации».

Многие исследователи и политические деятели могут прикрываться утверждениями, что они являются представителями оккупированной стороны и имеют полное моральное право на борьбу и противодействие. Классическим примером является позиция националистически настроенных представителей прибалтийских стран о периоде советской оккупации Прибалтики в 40–90-х годах XX века. Конечно, Советский Союз «цинично» создал в Прибалтике систему промышленности, образования, социальных благ исключительно во имя реализации своих имперских амбиций, которые в наши дни были разрушены свободными прибалтийскими государствами вместе с системой промышленности, образования и социальных благ. Воистину торжество национального освобождения. Данный пример говорит об ответственности ученого, заявляющего, что конкретное террористическое мировосприятие является частным случаем национально-освободительного терроризма.

Согласимся с мнением Ф. Фукуямы, полагавшего, что «национализм, эта современная, но не до конца рациональная форма признания, **БЫЛ** (выделено нами) двигателем борьбы за признание ... источником наиболее яростных конфликтов» [92, с. 20–21]. Переоценивать влияние национализма (а значит, и национально-освободительных движений) в современном обществе нам кажется нецелесообразным. Национализм перестал быть целью и смыслом, став инструментом манипуляции населением. Исходя только из **внешних** признаков (выраженных лозунгами и поводами, а не целями и причинами), трудно согласиться с утверждением о том, что «национализм и религиозный фундаментализм скорее потеряют, чем приобретут влияние и значение» [25, с. 60].

Учитывая, что эмоционально-смысловое восприятие феномена терроризма менялось с позитивного на негативный, неудивительно, что власти различных государств пытались использовать термин «терроризм» в целях дискредитации своих геополитических противников. Обвинения в террористической природе того или иного режима фактически всегда взаимны. Так, расово сегрегированные США обвиняли националистически настроенную гитлеровскую Германию в террористичности политического режима, забывая о собственном явно террористическом подходе к расовым, национальным и политическим меньшинствам. Обвинение в людоедском режиме часто раздавались со стороны апологета колониализма Британии в адрес политически чуждого ей Советского Союза. Как обычно в любой пропаганде, не замечая собственной неполноценности, власть склонна подчеркивать неполноценность политических режимов своих геополитических противников. Учитывая, что идеология террора в отношении собственного населения была рассмотрена в самом начале пособия, не будем возвращаться к современной практике наклеивания политических ярлыков. Однако отметим, что идеология государственного терроризма, направленного против собственного населения, характерна как для авторитарных государств (СССР, Северная Корея, КНР и др.), так и для тоталитарных государств (США, Британия, ЕС и др.). Возможно, именно в силу этого в представлении концепта

«терроризм» современными носителями русского языка преобладает негативная коннотация (отождествление) [70, с. 101].

Все сказанное относится и к таким разновидностям террористической деятельности, как наркотерроризм и кибертерроризм. Не все помнят обвинения со стороны США в том, что Советский Союз стоит за системой использования наркоторговли для осуществления стратегических целей некоторых государств и террористических организаций [95, с. 25]. Как и многие идеологические штампы, наркотерроризм был лишь поводом для обвинений со стороны государства, управляющего наркопотоками в XX веке, так же как Британия управляла ими в веке XVIII–XIX. Так и сегодня государство, контролирующее львиную долю программного обеспечения, не скрывающее слежки за своими пользователями, активно обвиняет наше государство в кибертерроризме.

Подытоживая сказанное, отметим, что терроризм является системой идеологических взглядов на целесообразность применения мер нагнетания ужаса и запугивания для решения политических целей. В процессе становления идеологии терроризма обособились следующие формы террористического восприятия:

- государственный внутренний терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на собственное население;
- государственный внешний терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на население контролируемых колоний и оккупированных территорий;
- государственный политический (революционный) терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на властные структуры другого государства;
- национальный (национально-освободительный) терроризм – идеология терроризма общества в целом или его значительной части, направленного на противодействие колонизаторам и оккупантам.

Отдельно подчеркнем опасность смешения явления терроризма с явлениями, в которых насилие выступает структурным элементом. Современный обыватель склонен видеть террористическую составляющую даже там, где её и не было. К примеру, «как

показывают исследования, после событий 11 сентября феномен массовых расстрелов часто связывают с терроризмом» [78, с. 334, 336; 108, с. 1354–1370; 146, с. 1312–1341; 147, с. 77–97].

Если мы говорим о противодействии терроризму, необходимо четко определить, какую из четырех описанных идеологий мы имеем ввиду. Разработка понятия выступает системообразующим началом исследования феномена терроризма, той точкой, когда эмоциональное восприятие трансформируется в научное познание.

Группа понятий, определяющих систему «терроризм»

Нельзя, исследуя феномен терроризма, утверждать, что определяющая характеристика терроризма – это сам акт насилия, а не мотивации, оправдания или основания для его применения. При подобном подходе невозможно найти разницу между массовыми бомбежками гражданских объектов Дрездена и Токио авиацией США и Британии, Варшавы авиацией Германии, Югославии авиацией стран НАТО, применением ядерного оружия в отношении гражданского населения Японии, химического в отношении гражданского населения Кореи и Вьетнама и взрывами, устраиваемыми современными «борцами за свободу». Об этом на трибунах ООН было сделано заявление представителем Кубы, утверждавшим, что «методы борьбы, используемые национальными освободительными движениями, не могут быть объявлены незаконными, в то время как политика насилия, применяемая в отношении некоторых лиц (вооруженными силами независимых государств), считалась бы законной».

Представляют интерес результаты исследования, в котором выявлены основные элементы дефиниций терроризма (таблица 1.1) [144, с. 5–6].

Крайне спорно утверждение У. Лакера о природе терроризма, в отношении которой «общая теория *a priori* невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений» [152, с. 183]. Наблюдаемый избыток причин и проявлений есть индикатор смешения в качестве объекта исследования разных феноменов, о чем уже говорилось ранее.

Таблица 1.1 – Встречаемость основных элементов дефиниций понятия «терроризм» у различных исследователей

Элемент	Встречаемость, %
1. Насилие, применение силы	83,5
2. Политический фактор	65
3. Выраженный страх, террор	51
4. Угроза насилия	47
5. (Психологическое) влияние и (ожидаемая) реакция	41,5
6. Различие «жертва – цель»	37,5
7. Намеренное, спланированное, систематическое, организованное действие	32
8. Метод борьбы, стратегия, тактика	30,5
9. Необычность (исключительность), нарушение общепринятых правил, отсутствие каких-либо ограничений по соображениям гуманности	30
10. Принуждение, вымогательство, призыв к одобрению	28
11. Получение огласки	21,5
12. Произвольность, случайный неличный характер, неразборчивость	21
13. Выбор жертвы из числа мирных граждан, гражданских лиц, граждан нейтральных стран, лиц, не участвующих в конфликте	17,5
14. Запугивание	17
15. Выраженная невиновность жертв	15,5
16. Группа, движение, организация в качестве правонарушителя	14
17. Символический аспект, стремление продемонстрировать общественности свои взгляды	13,5
18. Непрогнозируемый, непредсказуемый, неожиданный характер проявления насилия	9
19. Тайная, подпольная деятельность	9
20. Повторяемый, серийный или наступательный характер насилия	7

Окончание таблицы 1.1

Элемент	Встречаемость, %
21. Преступность деяния	6
22. Предъявление требований к третьим сторонам	4

Прежде всего необходимо понимать, что отсутствие единой дефиниции терроризма предопределено необходимостью в угоду текущему моменту объявлять ту или иную группу преступников террористами, если они выступают против нашего влияния, или борцами за свободу, если они с нами «в одной команде» [97, с. 343; 160, с. 3]. Именно доминанта идеологии власти текущего момента тормозит признание единой дефиниции, следовательно, при её формулировании необходимо абстрагироваться от текущего момента.

Во-первых, следует отказаться от исследований феномена терроризма, содержательно ориентированного на террор государства в отношении собственных граждан как метрополии, так и её колоний. Любое исследование рассматриваемой идеологии терроризма будет сведено к бессмысленным спорам о традициях, понимании счастья граждан, «великой» цели очередных реформ, а реальным доказательством правоты будет количество ядерных боеголовок, бомбардировщиков и танков. Неправедность государства в отношении своих граждан – это не терроризм, а всего лишь образ власти без маски, и предмет споров вокруг этой проблемы есть проблема нравственная, а не научная. Крайне спорной является и попытка отнесения к государственному терроризму так называемого феномена «война дронов», который выступает «терроризмом в чистом виде, представляющим собой вершину развития логики и практики террористической войны» [47, с. 78]. «Война дронов представляет собой новейший пример государственного терроризма, где “подозреваемые в террористы” могут быть убиты в некоторых случаях без суда и предоставления доказательств их участия в террористических актах, не говоря уже о следствии; более того, неизвестные сопровождающие лица тоже могут быть убиты в то же самое время в качестве того, что эвфемистически

называется “сопутствующим вредом”, что означает в любом понимании смерть невинных людей, женщин и детей» [122, с. 147].

Во-вторых, фактически потеряла актуальность проблема нравственности национально-освободительных движений, использующих террористические приемы, по причине разрушения колониальной системы и фактически не существующих на данный момент фактов оккупации одним государством территории другого. Здесь мы сошлемся на мнение о том, что «уходит под ударами национально-освободительного движения колониализм, но остаются и расширяются межэтнические контакты» [35, с. 18]. Действительно, в «чистом» виде о национально-освободительном движении против колониализма можно говорить только применительно к конфликту в Сомали, где войска Франции, занимая столичную территорию, противостоят разьединенным усилиям сомалийских племенных военных формирований. Примерно та же ситуация и с национально-освободительными движениями, борющимися против оккупации их территории другим государством. На сегодня можно только говорить об оккупации Израилем части территории Палестины, может быть об оккупации Великобританией Северной Ирландии и об оккупации США части острова Куба (район Гуантанамо). О факте оккупации иных территорий также можно говорить только голословно, спекулятивно повышая себе образ политической привлекательности. Успешность национально-освободительного движения против системы колониализма была обусловлена ослаблением ведущих колониальных держав мира в ходе Второй мировой войны, против же сильного государства антиколониальный терроризм бессилен. Также антиколониальный терроризм эффективен в условиях большого количества мировых центров силы, так как именно на противоречии этих центров и играют террористы, о чем говорит история таких организаций, как «Иргун» и «Организация освобождения Палестины» (перечень основных террористических организаций современности см. в приложении Б). Напомним, что в 60-е годы XX века «Организация освобождения Палестины», являвшаяся негосударственной организацией, имела формальные дипломатические отноше-

ния с большим числом стран, чем национальное государство Израиль.

Таким образом, научному исследованию поддается только третья форма идеологии терроризма – государственный политический (революционный) терроризм. Именно на дефиниции данного вида терроризма и необходимо остановиться.

Отдельно подчеркнем, что в определении терроризма должна просматриваться четкость научного подхода, в противном случае мы опять вернемся к псевдоидейным спорам, где правым оказывается более сильный. Все лидеры современных стран «грешны» заявлениями наподобие утверждения о том, что «Россия уже давно на переднем рубеже борьбы с террором...» [8], однако подобные утверждения не несут позитивной направленности, решая только текущие пропагандистские задачи.

Попыткам очертить грань терроризму и отличить его от «умеренной, но вооруженной до зубов оппозиции» нет числа, но на уровне морально-нравственных аргументов они оказались безрезультатными. Так, один из лидеров государства, возникшего как результат активной террористической деятельности, Б. Нетаньяху заявил следующее «...те, кто целенаправленно убивают детей, не могут быть борцами за свободу. Те, кто попирают права человека, не заинтересованы в защите этих самых прав. ... граждане свободных стран понимают такую разницу инстинктивно» [135, с. 9]. Трудно спорить со сказанным в целом, но конечный смысл высказывания предопределяет «инстинктивное», то есть не разумное определение виноватых, что очень удобно для любой политической борьбы. Неудивительно, что исследователи отмечают, что «до конца холодной войны в 1990-х годах ярлыки террорист и преступник, как правило, совпадали, с тех пор различие проходит менее четко» [143, с. 45].

К сожалению, определение терроризма согласно ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» от 6.03.2006 № 35 представляется даже не неудачным, а противоречивым. Так, указанный нормативный акт определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или между-

народными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Терроризм как идеологию необходимо разводить с террористической деятельностью как способом реализации во вне идеологии терроризма. Не должно быть в одном термине совмещения идеологии как явления и способов её реализации.

Представляется, что за основу целесообразно взять определение Госдепартамента США, содержащееся в разделе 22 свода законов США, параграф 2656f (d), представляющее дефиницию терроризма как «предумышленного, политически мотивированного насилия, осуществляемого против мирных объектов субнациональными группами или секретными агентами, как правило, направленного на оказание влияния на общественность». Это крайне глубокое понимание природы современного терроризма, которое из идейной борьбы превратилось в средство скрытой политической борьбы между государствами. Неудивительно, что Ж. Бодрийар полагает, что «...современный терроризм, начало которому положили захваты заложников... уже не имеет ни цели (если все же допустить, что он ориентирован какими-то целями, то они либо совсем незначительны, либо недостижимы, во всяком случае, он является самым неэффективным средством их достижения), ни конкретного врага» [24, с. 64–65].

«Можно сказать, что все подходы к трактовке терроризма отчасти верные, но тем не менее полного и всеобъемлющего определения до сих пор нет. ... Если выразиться метафорично, то можно сказать, что данные ученые хотят создать ожерелье, однако в наличии у них есть только бусины, а связующей нити нет» [59, с. 547]. В силу ряда факторов, начиная от академических традиций и заканчивая особенностями личности исследователей, о чем будет говориться позже, в отечественной правовой науке идея деятельности спецслужб как системообразующая для явления терроризма не находит отображения. Именно в силу сказанного современные исследования феномена терроризма нередко носят характер историко-социальных обзоров [51, с. 282–292], не имея криминологического-криминалистического ценности. В науке и политической практике «США, напротив, рассматривают большинство

угроз как привнесенных извне и включают борьбу с терроризмом в повестку дня внешней политики» [97, с. 347].

Одновременно со сказанным отметим, что, по нашему мнению, исследования терроризма, которые игнорируют фактор спецслужб в рамках террористической деятельности, менее вредны, чем те, в которых прямо или косвенно роль спецслужб как системообразующего фактора принижается или отрицается. Так, мы полагаем предельно ненаучными утверждения вроде того, что «терроризм становится независимым фактором мировой политики» [38, с. 196]. Не независимым он становится, а полностью производным от политики, причем от политики небольшого количества государств.

Уровень исследований феномена терроризма, характерный для конца XX века, в котором как самостоятельные выделялись государственный терроризм (организуемый или поддерживаемый одним государством против другого), международный, системный внутригосударственный, иной внутригосударственный, религиозный [58, с. 85], должен уйти в прошлое как совершенно бесперспективный. Разграничения же терроризма на внутренний и международный [43, с. 230; 53, с. 109] есть поиск в наши дни какой-то архаической формы терроризма прошлого века.

Отдельно сразу оговоримся, что мы полностью разделяем мнение о том, что «этнорелигиозный терроризм» – это такое же небытийственное явление, как и «гуманный капитализм» или «мягкая власть» [22, с. 332]. «Религиозный терроризм» – это понятийный кадавр, несущий выраженную идеолого-манипулятивную функцию. Терроризм и религия антагонистические логические образования, поэтому правильнее говорить о псевдорелигиозном терроризме, подразумевая фальшивость любых религиозных лозунгов на знаменах терроризма. Говоря далее о религиозном терроризме, мы будем говорить скорее о внешней форме религиозности, нежели чем о фактической и психологической основе террористического движения.

«Вызывает сомнение существование самостоятельного феномена «международный терроризм». Все важнейшие признаки, установленные для терроризма в доктрине и международно-

правовых документах, имеют место и в его международной версии» [98, с. 71].

«К тому же терроризм давно вышел за национальные рамки, приобрел международный характер. И сейчас это преступное явление просто нецелесообразно делить на международный и внутригосударственный терроризм. Он, в основной своей преступной посылке, един и неделим как для отдельного государства, так и для международного сообщества в целом» [34, с. 5].

Снова повторимся: утверждение о том, что «терроризм появляется в обществе тогда, когда оно переживает глубокий кризис, прежде всего, – кризис идеологии и государственно-правовой системы» [106, с. 18] верно только в принципе. Но правильнее оно будет звучать так – общество, переживающее глубокий кризис, прежде всего, – кризис идеологии и государственно-правовой системы, становится уязвимым перед деятельностью спецслужб других государств, инициирующих террористическую деятельность из естественных для современного правового информационного общества протестных настроений. О естественности насилия в цивилизации насилия, а значит, естественности протестных настроений уже говорилось многими [32, с. 24].

Естественность протестных настроений возникает в первую очередь по причинам социального неравенства, характерного не столько для конкретных государств [19, с. 306], сколько для современного общества эксплуатации человека [88, с. 96].

Понимание террористической деятельности как средства скрытой политической борьбы между государствами предотвратит появление таких неубедительных и даже откровенно спорных выводов исследователей, как вывод о том, что «бунты являются наиболее частыми в слабых и горных государствах» [112, с. 248]. Современная революционная (террористическая) деятельность инспирируется так или иначе зарубежными разведками, и игнорировать это в исследованиях нельзя. «Терроризм – это политическая или военная стратегия» [84, с. 17]. Целостная и системная.

Таким образом, для решения проблемы формулировки определения терроризма необходимо учитывать его следующие составляющие:

- терроризм является идеологией нагнетания страха;
- атмосфера страха достигается насилием или его угрозой;
- терроризм реализуется субнациональными группами или секретными агентами третьих государств (современный терроризм по природе своей международен);
- терроризм выступает как форма контркультуры;
- терроризм носит системный характер, не представляя собой цепь одиночных актов;
- террористическая деятельность направлена на запугивание граждан и создания с их стороны давления на правительство государства, чтобы поколебать их веру в силу государства;
- безадресное насилие (жертвы терроризма индивидуально не определены) в политических целях;
- элемент политической борьбы между государствами;
- политическое насилие в асимметричном конфликте [128, с. 527] (Под асимметричным конфликтом понимается такое положение дел, когда одна сторона на уровне исполнителей имеет несопоставимое превосходство в силе и ресурсах, по сравнению со второй стороной конфликта. Это неудивительно, ведь на одной стороне конфликта вся мощь государства, а на другой – лишь инициатива части, как правило, незначительной, граждан.);
- непопулярность среди большинства населения;
- преступность действий.

Устарело, а потому не нуждается во включении в определение утверждение, что «в отличие от простого преступника террорист не преследует чисто личные цели, его действия не продиктованы желанием набить карман, или удовлетворить какую-либо личную потребность, или выразить свое недовольство. Террорист – это всегда альтруист: он верит, что служит «благову» делу» [95, с. 46].

Современный террорист часто параллельно с идейной уверенностью в правоте дела, которое он защищает (которая в психологическом плане преследует лишь цель самооправдания), совершенно не исключает мысль о возможной прибыльности этого дела [33, с. 37; 65, с. 211; 66, с. 21; 76, с. 268, 269; 77, с. 107; 86, с. 33]. Сказанное касается даже исполнителей, а уж идейные организато-

ры террористических движений никогда не упускают возможность повышения своего финансового благополучия. На данный момент достаточно документирована связь между организованной преступностью (от наркотиков и незаконного оборота оружия до вымогательства, отмывания денег и похищения людей) и терроризмом [50, с. 114–123; 143, с. 48].

Таким образом, *под терроризмом следует понимать контркультурную идеологию системного нагнетания страха посредством совершения преступных действий в виде насилия или угрозы его применения в отношении индивидуально неопределенных жертв, реализуемую субнациональными группами или секретными агентами третьих государств в целях дискредитации власти, направленную на запугивание граждан, подрывающую их веру в силу государства и выступающую как форма политической борьбы между государствами в асимметричном конфликте.*

Данное определение не является компактным, но феномен терроризма невозможно преодолеть, если в процессе противодействия ему нет четкого отграничения от смежных явлений.

Терроризм как идеология реализуется в процессе террористической деятельности. Под террористической деятельностью следует понимать одно или несколько преступных деяний, совершенных в террористических целях. Вероятно, целесообразно давать перечень деяний, как это сделано в ч. 2 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35.

В ч. 2 ст. 3 названного закона указываются виды террористической деятельности, к которым относятся:

- а) организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта;
- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовка, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Как видно, системообразующим элементом террористической деятельности выступает террористический акт на всех этапах его существования, начиная со стадии организации и заканчивая стадией оценки и информирования о нем окружающих.

Международное сообщество, осознавая опасность терроризма и стремясь выработать меры его предупреждения, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции как ООН (например, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма), так и конвенции иных политических организаций (например, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Европейская конвенция о пресечении терроризма). Определение террористического акта, используемое в отечественной нормативной практике, напрямую проистекает из вышеописанных международных документов.

Под террористическим актом согласно ст. 205. УК РФ и ч. 3 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35 следует понимать – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Вероятно, законодатель в данном определении умышленно не указывает достижение политических целей террористом как обязательный элемент террористического акта, чтобы манипулировать статистикой деятельности недовольных политических режимом.

Совершенно правильно с содержательной точки зрения в понятие террористического акта, помимо взрыва, включено совершение поджога, ведь поджог гораздо менее финансово затратный, но не уступающий взрыву способ нагнетания атмосферы страха в обществе [141, с. 26]. К сожалению, об организации поджогов как способе совершения террористического акта в отечественной литературе говорится недостаточно.

Согласно ч. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под иными действиями, устрашающими население и создающими опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в статье 205 УК РФ следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом, например устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений.

Отметим еще один принципиальный момент. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015: «Целями обеспечения государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя Российской Федерации, обеспе-

чение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (п. 46). И далее в п. 47 в качестве первоочередной задачи, которую необходимо решить для достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности, указана задача по недопущению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, пресечению разведывательной и иной деятельности специальных служб, организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам Российской Федерации, других преступных посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, в том числе путем инспирирования «цветных революций», что выводит на первый план защиту основ конституционного строя и безопасность государства.

Из вышеприведенного анализа термина также следует, что современный терроризм представляет собой прежде всего деятельность, направленную на подрыв целостности государства, т. е. безопасности государства.

Повторим: уголовный закон должен изменяться сообразно изменяющимся общественным отношениям. Расположение в своей основной массе преступлений террористического характера в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» не отражает действительную степень их общественной опасности в современных условиях и требует переоценки и перемещения в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Терроризм и экстремизм

При исследовании феномена терроризма крайне важно отделить его от еще одного смежного явления – экстремизма. Под экстремизмом согласно ч. 1 ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) понимаются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Методы дестабилизации существующей системы государственной власти с помощью угроз, шантажа, массовых беспорядков, а также взрывов в местах наибольшего скопления населения и прочего «все чаще берутся «на вооружение» отдельными индивидами и группами лиц, имеющими политические амбиции, но не обладающими при этом ни кредитом доверия населения, ни административным ресурсом. Поэтому такие лица прибегают к информационной войне в виде экстремизма, а с помощью актов терроризма стараются придать этой войне наглядное подтверждение серьезности своих намерений [90, с. 284]. Следовательно, экстремизм и терроризм как средства воздействия на общество являются «оружием слабых», что нельзя сказать о самом этом «оружии», наделенном не только весьма разрушительной силой, но и значительным радиусом поражающего действия [57, с. 9].

Феномен экстремизма крайне сложен. Дело в том, что, с одной стороны, к экстремизму тяготеют выраженные асоциальные граждане – противники спокойствия и порядка в государстве, в том числе финансируемые из-за рубежа, с другой стороны – в современном индустриальном рыночном государстве экстремизм выступает чуть ли не единственной возможной формой политического протеста со стороны политически активных граждан. Неудивительно, что к экстремистской деятельности склонны прежде всего молодые члены социума [103, с. 1322–1324]. Эта полная нравственно-окрашенная противоположность рассматриваемых групп делает борьбу с экстремизмом удобным инструментом подавления граждан своей страны [149, с. 214, 215, 219], и одновре-

менно с этим отсутствие этой борьбы есть игнорирование попыток раскачивания политической стабильности в государстве из-за рубежа.

Сегодня не секрет, что демократические традиции – это всего лишь мишура любого рыночного общества. Неудивительно, что систематически к экстремизму относят политическое инакомыслие и даже политическое несогласие с текущей «повесткой», исходящей от власти. Причем сказанное относится не только к риторике политических деятелей, которая по природе своей редко имеет объективный характер, но и к области научных исследований. К числу подобных примеров мы можем отнести помещение в «Энциклопедию терроризма» такого явления, как анархизм, или такого лидера, как М. Каддафи [126, с. 28–31, 303, 304].

В качестве иллюстрации можно привести ряд законов стран Европейского Союза о наказании за отрицание геноцида евреев. Отметим, что ещё в 2011 г. Комитет ООН по правам человека принял постановление, в котором сказано, что преследование за отрицание холокоста недопустимо для стран, подписавших Конвенцию по правам человека. В качестве другого примера можно привести закон Франции (2006), установивший уголовное наказание за отрицание геноцида армян в Турции в 1915 г. Даже ООН в лице комитета ООН по правам человека вынуждено было подвергнуть критике Соединенные Штаты за то, что терроризмом стали считаться и проявления по сути экстремистского политического инакомыслия, которые трудно назвать террористическими.

Сказанное актуализирует дальнейшие исследования феномена экстремизма, которые на данный момент часто бывают не просто необъективными, а оскорбительными. Так, сравнивая механизм экстремистской деятельности в социуме и инстинктивные формы реагирования в природе (сравнивая общество и стаю рыбок) [57, с. 10], демонстрируя вульгарный натуралистский подход в решении социальных проблем, мы только удаляемся от решения поставленной проблемы.

Трудно отграничить экстремизм и терроризм по видовому фактору, так как «в чистом виде ни одна из форм экстремизма не

существует» [42, с. 340], следовательно, необходимо искать иной критерий.

Напомним, что отсутствие четкого описания содержания проступка было одним из основных принципов регулирования человеческой деятельности в концентрационных лагерях Великобритании и Германии в XIX–XX веке. Отсутствие четкого описания содержания экстремистских действий есть признак правового беспредела и коррупционного государства.

В целом для экстремистской деятельности системообразующим является такой элемент, как мотив, направленный на ненависть к определенной группе лиц, а терроризм – на прямое разрушение государства. Сказанное целесообразно отразить в нормах, посвященных противодействию экстремизму и терроризму, что позволит избежать существующей в них сегодня путаницы.

ГЛАВА 2

ТЕОРИИ ПРИЧИННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Криминалистическая наука как прикладное знание стоит на фундаменте знания криминологического, которое в свою очередь заимствует знание об исследуемом феномене из смежных областей знания. Однако как и любая человеческая деятельность, криминологическое познание не является субстратом чистого знания. В криминологической науке результаты проводимых исследований напрямую зависят от ряда факторов, которые сами криминологи предпочитают активно не обсуждать.

Какие же факторы определяют содержание получаемого знания об исследуемом феномене?

Речь идет о следующих факторах:

- наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта;
- уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта;
- социальный заказ общества;
- академические традиции;
- исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, возможности сбора эмпирического материала, уровень его знаний и квалификации, сформированность исследовательской группы, установка на познание).

Наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта, подразумевает принципиальную познаваемость исследуемого объекта, проистекающую из самой природы установок научного познания. Здесь речь идет об объективности существования исследуемого объекта.

Нельзя изучать объект высокой степени абстракции и надеяться на получение практикоценного результата. Чем более общим является понимание объекта исследования, тем менее результативно его исследование. Чем больший круг исследуемых феноменов включает исследуемый объект, тем более общими будут выводы проводимого исследования. В силу сказанного упо-

минание о том, что терроризм – это явление сложное и многоаспектное, будучи объективным, тем не менее психологически программирует исследователя на неудачу.

Понятно, что терроризм – уникальное образование, которое должно быть отграничено от схожих. Однако неправильно «сливать» в одно понятие содержание разных явлений. Исследование терроризма и так требует от исследователя смелости, поскольку объективно вскрывает нелицеприятную деятельность государственных учреждений (прежде всего спецслужб), антигосударственную деятельность банковских структур и слабоподлежащую коррекции деятельность организованной преступности, усложнять же её размыванием границ исследуемого явления значит окончательно выводить её за пределы разумного.

Возможно, более рационально на данный момент перенести акцент в исследованиях с социокультурной составляющей феномена терроризма на его личностную составляющую, сконцентрировавшись на типовых моделях личности преступника-террориста.

Уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта, никогда не бывает избыточным, но он всегда достаточен для научного познания хотя бы на уровне исследовательских гипотез.

Исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, эффективных и достаточных алгоритмов сбора эмпирического материала, уровень знаний и квалификации) – категория объективная, но тем не менее малоисследованная и до предела дискуссионная. Примером негативного следствия успешного исследования фактора «исследовательский потенциал ученого» при изучении преступности является недооценка значимости биологических теорий преступности, проистекающая из того, что «большинство криминологов имеют плохую подготовку в области биологии, и немногие из них имеют интерес или склонность к выправлению ситуации и, таким образом, прилипают к биологии свободных теорий, которые были в моде, когда они были аспирантами» [153, с. 15; 159, с. 7].

В целом из факторов, определяющих содержание получаемого знания о личности преступника, наиболее проблемными являются фактор социального заказа общества и фактор академических традиций.

Социальный заказ общества предопределяет получение от естественных наук знания, необходимого для прогресса науки и техники, а от гуманитарного знания, наоборот, – знания, необходимого для стабилизации общества, недопущения революционных изменений и прогресса. Конечно, в первом направлении часто встречаются исследователи-шарлатаны, а во втором – ученые-бунтари, но они не составляют ту массу, которая бы определяла вектор научного развития, регулируемый социальным заказом общества. Что же требуется любой власти от теорий преступного поведения в рамках социального заказа общества?

Во-первых, в рамках социального заказа власти необходимо до предела уменьшить вину государства в развитии феномена преступности, как правило, переложив ее на малые группы (семью, школу, окружение и даже национальные сообщества). Поэтому теории, которые предопределяют власть как основного виновника преступного феномена, упоминаются редко и формально. Современные же либеральные теории, исследующие преступность как естественное следствие современного государства и власти в нем, больше носят не научный, а выраженно демагогически-политизированный характер. Ясно, что в рамках социального заказа для власти предпочтительнее теории причинности террористической деятельности, утверждающие, что базовым фактором в формировании личности преступника является его семья [119, с. 315] или в крайнем случае он сам [158, с. 310].

Во-вторых, в рамках социального заказа власти необходимо получить такие теории, которые бы предполагали возможность борьбы с преступностью в принципе (после увеличения ассигнований, модернизации правоохранительных структур, принятия «строгих, но справедливых» законов, общей консолидации гражданского общества и пр.).

Теории, которые исходят из ограниченного потенциала волевого контроля субъекта, противореча уголовно-правовой доктрине

«свободы воли», таким образом также не соответствуют социальному заказу. Ведь если ограниченный потенциал волевого контроля – объективное явление, то вся современная уголовно-правовая доктрина нуждается в ревизии. Бессмысленно бороться традиционными способами с биологической преступностью именно в силу предопределенности криминальной природы человека, поэтому проще биологические теории отрицать. Неудивительно, что биологические теории преступности, объективно базирующиеся на ограниченном потенциале волевого контроля лицом своего поведения, всегда являлись объектом повышенной критики во всех государствах.

В рамках социального заказа любого общества оптимальна пропаганда социальных теорий преступности [151, с. 292]. Именно поэтому «социологическая криминология была господствующей парадигмой, которая руководила исследованием преступности в XX веке» [31, с. 72; 114, с. 72]. К сожалению, для значительного количества зарубежных исследователей и подавляющего большинства отечественных ученых в XXI веке в этом плане ничего не изменилось. «Социологическая криминология успешно деконструировала консервативные представления о преступности, но не приобрела много полезных знаний о том, как спасти преступников от преступной жизни. Несмотря на благие намерения и искренние убеждения, его сторонники разработали скудные прагматические советы о том, как уменьшить страдания, которые несет преступление в жизни виновных и их жертв» [114, с. XVI].

Учитывая, что «ключевые современные решения, касающиеся научного вопроса, смещены в сторону биологических, химических и инженерных проблем, что отражается в исследовании проблем уголовного преследования» [123, с. 5], будем рассматривать биологические теории преступности террористической направленности наравне с социальными и личностными.

Социальный заказ прежде всего реализуется путем выделения грантов на исследование ограниченного комплекса проблем, разработки неконфликтных образовательных программ, общего информационного воздействия на социум и научный мир.

Типичным примером следствия социального заказа является стремление значительного количества криминологов как зарубежных [132, с. 92], так и отечественных объяснить феномен преступности бедностью лиц, совершающих деликты, а не способом организации и реализации власти в данном государстве [163, с. 303].

Есть еще ряд обстоятельств (в-третьих, в-четвертых и т.д.), но применительно к теориям, объясняющим феномен терроризма, они маловажны.

Итак, говоря о социальном заказе той или иной теории, в дальнейшем будем иметь в виду ее политическую и доктринальную ангажированность. **Политическая ангажированность** – соответствие запросам и мировосприятию наиболее активных социальных групп, формирующих социальный заказ науке от общества. **Доктринальная ангажированность** – соответствие интересам и основным положениям доктрины как источника права и правовой науки.

Академические традиции как фактор, который определяет содержание получаемого знания о личности преступника, вероятно, являются наименее исследованными. Больше всего современный исследователь боится обвинений в исследовательском радикализме, избыточном новаторстве, отходе от исследовательских традиций и направлений исследовательских школ. Неудивительно, что немаловажная задача для современного криминолога не давать четкий однозначный ответ, опасаясь обвинений от коллег и огульной бездоказательной критики, как это было в случае с Ч. Ломброзо, В. Штерном, И. С. Ноем и Б.Ф. Поршневым. Поэтому до сих пор, «не умея фиксировать определенность отношений, в которых совершаются переходы противоположностей, страшась релятивизма, и не желая быть односторонним, эклектик ищет спасение в формуле “и то, и другое”» [73, с. 156]. Для изучения феномена терроризма сказанное характерно в максимальной степени. Достаточно автономных теорий причинности террористической деятельности существует очень мало, в большинстве они предельно эклектичны. Эклектизм – смешение, соединение разнородных стилей, идей, взглядов и т. п. Никто не спорит, что в основании любого явления лежит комплекс причин, но полагать, что

этот комплекс представлен равновеликими и равнозначимыми причинами – это и есть эклектизм в его наиболее фарисейской форме, а в контексте научных исследований – в наиболее недалекой форме.

Анализируя деятельность академического сообщества в рассматриваемом вопросе, всегда необходимо помнить, что утверждение о том, что «история криминалистики – это увлекательное исследование, в основе которого работа отдельных научных пионеров, а не организация систематизированной, финансируемой государством, спроектированной и предназначенной для оказания помощи государственным обвинителям» [123, с. 33], имеет под собой определенные основания.

Общая нейтральность и нерешительность выводов характеризуют и исследования природы феномена терроризма. Положение о том, что природу преступника-террориста детерминирует и биологический, и социальный, и личностный факторы, означает только одно: в логическом массиве «преступник-террорист» присутствуют как минимум три его разновидности, одну из которых характеризует преимущественно биологический фактор, другую – социальный, третью – личностный.

Все теории преступности, в том числе и применительно к преступности террористической направленности, имеют объективную основу, просто поведение отдельных групп преступников-террористов можно объяснить только конкретной теорией. Нет правильных и неправильных теорий причинности преступного поведения – есть группы преступников-террористов, которые познаются в рамках конкретной теории причинности. Повторимся, «террористы, как и остальные категории преступников, довольно разнообразны, в связи с чем становится невозможным подогнать их под какой-либо единый тип» [68, с. 54; 145, с. 285].

Доминанта только одного из факторов в поведении человека полностью соответствует системообразующим для наук о человеке понятиям, а именно:

- «эволюционная специализация» – эффективное направление в развитии организма за счет второстепенных структур;

- «правило прогрессирующей специализации» (Ш. Депере) – группа, вступившая на путь специализации, как правило, в дальнейшем развитии будет идти по пути все более глубокой специализации [36, с. 164];

- «принцип доминанты Ухтомского» – все поступающие в организм сигналы содействуют эффекту одного-единственного инстинктивного поведения [71, с. 160; 91, с. 309];

- «акцентуации характера» – объективное переразвитие определенных психологических свойств за счет остальных.

Вера в правоту одной теории так же необъективна и нелепа, как и вера в то, что единой детерминанты для конкретной группы нет, а есть сложный комплекс причин, который в силу своей сложности познаваем на уровне высокой абстракции. Смешна убежденность исследователей, что применительно к разнородной группе лиц эффективно понимание лишь в одном аспекте – биологическом, социальном или личностном. Такое понимание целесообразно в исследовании только достаточно однородной группы, не всех преступников-террористов, а преступников-террористов определенного типа.

Анализ теорий причинности преступности террористической направленности должен происходить в рамках определенной схемы, единой для всех теорий. Только тогда криминологическая теория из области академических фантазий превратится в инструмент помощи практику, а неиспользование ее в теории расследования будет объясняться не оторванностью теории от реальности, а недостаточным уровнем квалификации практического работника.

К числу факторов, посредством которых *целесообразно определять ценность теории причинности преступности террористической направленности*, следует отнести следующие:

- содержание теории;
- типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории;
- теоретическая состоятельность и ценность;
- практическая ценность и область применения;
- эмпирическая состоятельность;

- сильные стороны теории;
- слабые стороны теории;
- политическая и доктринальная ангажированность;
- современное состояние и перспективы развития [17, с. 59–90].

В последнее время в криминологической науке «особое внимание исследователей привлекает интегративная криминология, которая предпринимает попытку унификации различных отраслей знания на современном этапе» [100, с. 560]. Если в рамках интегративной криминологии речь будет идти об интеграции знаний разных наук, то это, без сомнения, увеличит результативность исследований преступности, если речь пойдет об интегративности подходов в рамках слияния отдельных теорий, то это, конечно, крайне нецелесообразно. Перспективен не поиск универсального подхода, а понимание, какой подход целесообразен при исследовании конкретных видов преступлений.

При исследовании феномена терроризма трудноприменимы криминологические теории, которые в основе своей опираются скорее на философские, слабоформализуемые обстоятельства, а потому являются предельно полемичными. В силу сказанного мы не будем рассматривать ряд теорий, таких как:

- теория социальной дезорганизации, опирающаяся на утверждение о том, что рост преступности объясняется отрицательными последствиями таких явлений современного этапа развития общества, как научно-техническая революция и прогресс в целом;
- теория стигмы, опирающаяся на утверждение о том, что ни одно действие не преступно само по себе, а является таковым в силу закона;
- психоаналитические теории причин преступности, опирающиеся на утверждение о том, что поведение человека определяют иррациональные психические силы.

Оговорим еще ряд моментов:

- теория аномии Эмиля Дюркгейма относительно терроризма неприменима. В рамках данной теории одним из базовых утверждений является мысль о том, что преступление может быть

фактором интеграции общества, укрепления социальных связей. Сложно увидеть интегративную социальную составляющую в современном революционном терроризме как сепаратистском, так и тем более в терроризме экспансионистском;

- теория дифференцированной связи Эдвина Сатерленда и Дональда Кресси относительно терроризма неприменима. Основным постулат данной теории гласит, что чем больше человек взаимодействует с криминальной средой, тем выше вероятность его антиобщественной зараженности. Однако тезис о том, что большинство террористов являются выходцами из криминальной или околокриминальной среды ничем не подтверждается, даже если говорить только об уровне рядовых членов террористических организаций;

- психоаналитические теории причин преступности применительно к терроризму не нашли подтверждения, так как невротическая составляющая личности террориста не выявлена.

К *группе биологических теорий причинности* преступности террористической направленности следует отнести генетическую теорию и теорию R-комплекса.

1. Генетическая теория

Содержание теории. Генетическая теория преступности является одной из классических криминологических теорий. Что же отличает, по убеждению сторонников генетической теории, преступников от обычных людей?

Выделяются две группы отличий:

- первая группа отличий определяется наличием химического дисбаланса в деятельности психики [148, с. 29]. Это касается прежде всего серотонинного и дофаминного дисбаланса, предопределяющего слабую способность волевого контроля в стрессовых ситуациях. Названный дисбаланс обуславливает склонность к агрессивному поведению [109, с. 66; 116, с. 217; 133, с. 299–316, 140; 153, с. 41];

- вторая группа отличий представлена генетическими отклонениями, также предопределяющими склонность к агрессивному поведению. Рассматриваемое направление исходит из идеи про-

должающейся в наши дни эволюции человека, вызывающей изменения генотипа, однако «серьезные биологи не считают, что есть “преступный ген”: они ищут гены, что делают преступное поведение более вероятным» [153, с. 35]. Такое может быть обусловлено как химическим дисбалансом, о котором уже говорилось, так и серьезными структурными аномалиями головного мозга [165, с. 80]. Применительно к личности преступника-террориста положение о серьезных структурных аномалиях головного мозга и типичности генетических отклонений подтверждения не нашло.

Выводы обеих групп изучаются также на предмет наследования рассматриваемых особенностей. Так, статистически доказана наследственная предрасположенность к агрессивному поведению, предопределяющему совершение насильственных преступлений [153, с. 36. 37].

К генетической теории примыкает **теория приобретенного дефекта**, которая свойственные, к примеру, серийным преступникам физиологические и психологические отклонения объясняет совокупностью физических травм (прежде всего в результате черепно-мозговых повреждений и интоксикаций) [125, с. 109]. Применительно к личности преступника-террориста положения теории приобретенного дефекта подтверждения не нашли [145, с. 285].

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Вполне естественно, что преступник-террорист, характеризующийся биологическими отклонениями, обуславливающими высокий уровень агрессивности, не способен эффективно действовать ни на уровне стратегического управления террористической организацией, ни на уровне оперативного управления террористической группой, ни на уровне долговременного функционирования рядовым исполнителем. Малоподверженные внутригрупповой дисциплине, имеющие выраженную эмоциональную нестабильность, в процессе террористической деятельности они могут быть задействованы либо для разовых акций, либо для акций отвлечения внимания. Это как раз та самая группа террористов-психопатов, образ которой широко растиражирован в СМИ, но на практике встречающаяся нечасто. Конечно,

данный образ очень удобен для контрпропаганды терроризма, но необходимо понимать, что в силу психической неэффективности этот тип редко встречающийся. Вспомним, что «большинство террористов – не «психопаты» [145, с. 285; 14, с. 19; 26, с. 21; 96, с. 21], хотя есть и не столь категорически отстаивающие противоположную позицию авторы [65, с. 167–168; 86, с. 34, 35] и отстаивающие «пограничную природу» психики террориста.

В отношении агрессивности преступников-террористов можно даже утверждать, что они менее агрессивны, чем средний представитель социума. Так среди преступников-террористов «незначительное количество из них обладают высоким уровнем агрессивности (только 8 %), средним – 50 % и низким уровнем параметра – 42 % респондентов исследования» [28, с. 57].

Теоретическая состоятельность и ценность. Прежде всего необходимо отметить, что генетическая теория преступности прочно стоит на позиции, что «биологический или эволюционный детерминизм не эквивалентен биологической неизбежности» [154, с. 21; 159, с. 11]. Противникам биологического подхода нужно помнить, что «в действительности каждый аспект каждого живого существа, по определению, биологический, но все биологическое – результат взаимодействия между генами и факторами окружающей среды» [137, с. 52]. Отдельно теоретическая состоятельность предопределяется задействуемой естественно-научной методологией. Резюмируя сказанное, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать очень высокой.

Отметим, что противники биологического подхода традиционно не ссылаются на конкретные исследования, ограничиваясь голословным отрицанием [102, с. 101; 131, с. 190].

Практическая ценность и область применения. Генетическая теория преступности обладает как прикладной, так и объяснительной функцией. Практическая ценность выражается в потенциальной возможности фиксации и регистрации граждан, являющихся носителями биологического комплекса свойств, предопределяющих склонность к агрессивному поведению. Вряд ли можно оспорить идею криминалистической ценности организации учета, исходя из предрасположенности к совершению же-

стоких преступлений. Это значительно оптимизирует возможность расследования преступлений террористической направленности на первоначальном этапе, на котором предварительный поиск по базам данных, дополненных элементами, установленными профилированием, позволяет оперативно сформировать небольшой по объему круг подозреваемых.

Будучи признанной, рассматриваемая теория может даже изменить тактику защиты преступников в суде. Так, «адвокаты уже пытались использовать исследование молекулярной генетики системы серотонина для оправдания или смягчения преступных деяний своих клиентов» [153, с. 39]. Однако судебная практика проигнорировала эти попытки, развеяв страхи ученых, которые «призывали к отклонению эволюционных объяснений человеческого поведения, апеллируя к тому, что эволюционные объяснения нежелательного поведения, такого как преступление, извиняют преступников, потому что они только делали то, что было для них естественным» [137, с. 51].

Эмпирическая состоятельность. Частичная обусловленность преступного поведения нашла убедительное подтверждение в трудах современных исследователей, например так называемого гена воина [155, с. 1–7]. Учитывая, что генетическая аномалия, предопределяющая дефицит моноаминооксидазы (МАО-А), оказывает влияние только на мужчин, становится понятным факт их преобладания среди насильственных преступников. Таким образом, эмпирическая состоятельность генетической теории достаточно высока, однако, как это говорилось выше, этого нельзя сказать применительно к группе лиц, совершающих террористические преступления.

Сильные стороны теории – научность, базирующаяся на естественно-научной парадигме, высокий уровень проверяемости выводов, естественная логичность, однозначность и точность.

Слабые стороны теории проистекают из ее научности. Если опровергнуть социальные теории преступности довольно сложно ввиду их неконкретности, неоднозначности основных понятий, слабой проверяемости или вообще непроверяемости в лабораторных условиях, то с достижениями генетической теории ситуация

прямо противоположная. Неудивительно, что область применения данной теории достаточно узка – небольшая доля преступлений, связанных с агрессивным поведением. Слабостью теории выступает и современный уровень развития такой специфической области знания, как психогенетика.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность спорная, так как, с одной стороны, фактически не предполагает виноватого, преподнося преступника как жертву патологических отклонений – что удобно. С другой стороны, в науке традиционно более распространены попытки обвинять общество и конкретно власть, чем человеческую природу – что непривычно.

Доктринальная ангажированность крайне низка, так как противоречит самой идее свободы воли человека, поведение которого предопределено не сознательными усилиями, а дефектами психики и нервной системы. Невысокий уровень доктринальной ангажированности обусловлен также традиционным нежеланием юридического научного сообщества (особенно в рыночных индустриально-развитых государствах) изучать естественно-научную составляющую поведения любого преступника, о чем говорилось ранее.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне малоскоординированных исследований специалистов различных научных областей, с громадными перспективами развития. Для отечественной науки подобные исследования крайне нехарактерны.

2. Теория R-комплекса

Содержание теории. Тезис о том, что поведение человека можно объяснить историей эволюции человека [159, с. 13], находит свое отражение и в исследованиях отдельных групп преступников. Известны исследования, выявившие уникальное место человека среди приматов как представителя единственного вида обезьян, являющихся прирожденными убийцами [125, с. 197].

Исследование троглодитид (высших прямоходящих приматов, являющихся уже не животными, но еще не людьми) Б. Ф. Порш-

невым показало, что развитие человеческого вида прошло ряд этапов. На первом этапе сформировалась способность поглощать мясо, не имея специально предназначенного зубного аппарата. В силу сказанного троглодитиды питались преимущественно не мясом, а головным и костным мозгом убитых другими хищниками животных. На втором этапе троглодитиды стали употреблять в пищу трупы сначала умерших, а потом специально убитых членов племени (адельфофагия). На третьем этапе способность к подражанию образовала социальную и биологическую основы возникновения речи. Внутри сообщества гоминид возникает человек с его символической смысловой речью и относительно невысокой внушаемостью. На четвертом этапе происходит окончательное эволюционное размежевание человека (неоантропа) и палеоантропа (неандертальцев). При этом неоантропы и палеоантропы сосуществовали вместе в одних сообществах, причем первые служили основной пищей для вторых. На пятом этапе произошло распространение неоантропов по всему земному шару. Это произошло в силу того, что неоантропы стремились скрыться либо от палеоантропов, потреблявших их в пищу, либо от популяций неоантропов, находящихся в симбиотических отношениях с неандертальцами [71].

К идентичным выводам пришли и зарубежные авторы, уверенные, что «внутривидовая агрессия человека – это самопроизвольное инстинктивное стремление человека» [72, с. 60].

Именно описанные особенности становления человеческого рода определяют человеческую агрессию как некий атавизм, фрагментарно присущий человеку в силу его эволюции. Насильственные преступники, в том числе преступники-террористы, являются носителями атавистического стремления к убийству представителей своего вида, которое называют «*R*-комплекс».

В рамках теории *R*-комплекса становится понятной та степень чуждости, неадекватности и неестественности уровня агрессии, наблюдаемого в преступлениях террористической направленности, для нормального человека.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, характеризующийся

стабильно высоким уровнем агрессии. В отличие от типового представителя, имеющего выраженные биологические дефекты (генетическая теория), он не характеризуется психопатической природой, его агрессивность не психопатична, а «естественна» и не исключает социальной интеграции. Вероятно, типовая модель *R*-комплекс-носителя агрессивности ближе к равнодушию шизоида, чем к жестокости эпилептоида и истероида (описание психологических типов смотрите в приложении В). В террористической группе, вероятно, он найдет применение в качестве террориста-карателя, специалиста по зачистке следов преступления. В СМИ данный образ растиражирован на примере образа «антигероя», осуществляющего оперативное управление террористической группой, что теоретически на уровне тенденции может существовать в действительности.

Теоретическая состоятельность и ценность. Позитивность данной теории заключается в эстетичности установки на то, что агрессивное поведение, проявляющееся в значительной степени, является не типичной, а атавистической потребностью. Учитывая обоснованность теорий *R*-комплекса с позиций целого комплекса наук, что видно на примере учения Б. Ф. Поршнева, теоретическую состоятельность теории *R*-комплекса можно считать достаточно высокой.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Однако если принять во внимание положение о том, что *R*-комплекс должен базироваться на каком-то пока неизвестном материальном носителе (особенности нервной системы, особенности развития отделов головного мозга, физиологические особенности), практическая ценность рассматриваемой теории выражается в потенциальной возможности фиксации и регистрации граждан, являющихся носителями рассматриваемого комплекса. Вряд ли можно оспорить идею криминалистической ценности организации учета, исходя из предрасположенности к совершению жестоких преступлений, что значительно оптимизирует возможность расследования на первоначальном этапе преступлений террористической направленности.

Эмпирическая состоятельность. Вероятно, механизм проявления R-комплекса предельно стихийен и на данный момент очень плохо поддается исследованию. Эмпирическое подтверждение данной теории возможно только посредством использования метода эксперимента. В ходе этого эксперимента можно будет установить, что агрессивность и жестокость конкретного лица происходит не из его психопатической составляющей, а обусловлена иными факторами. Методики диагностики применительно к подобному эксперименту не обладают высокой надежностью, и таким образом эмпирическая состоятельность теории R-комплекса относительно преступников-террористов крайне низка.

Косвенным свидетельством несостоятельности данной теории является положение о невыраженности социальной изолированности рассматриваемых преступников, которая неминуемо бы присутствовала как реакция обывателей на устойчиво высокую агрессивность отдельных личностей. Сошлемся на исследования, показавшие, что «только 29 % всех преступников были в каком-то плане изолированы от общества, причем среди правых террористов социально изолированных было 33 %, а среди религиозно мотивированных – всего 9 %» [63, с. 199].

Сильные стороны теории — исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором), объективной слабой проверяемости. Дополнительной слабостью теории является малая исследованность механизма спонтанного проявления архетипических моделей поведения.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне низка, так как не предполагает виноватого, а значит, не может быть использована как средство давления. Невысокий уровень политической ангажированности обусловлен также нежеланием научного сообщества (особенно индустриально-развитых государств) идти по пути осуждения отклоняющегося поведения неадекватных малых групп, так как это противоречит идее политкорректности. Доктринальная ангажиро-

ванность низка, так как противоречит самой идее свободы воли человека: если *R*-комплекс – образование стихийно-эволюционное, то степень вины преступника становится уже не столь однозначной.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, с незначительными перспективами развития.

К группе социальных теорий причинности преступности террористической направленности следует отнести феминистическую теорию, теорию субкультур, экономическую теорию, радикальную (критическую) теорию и теорию мифа.

1. Феминистическая теория

Содержание теории. К феминистическим теориям применительно к различным областям знания в нашей стране традиционно относятся очень скептически. Это обусловлено и предвзятостью исследователей феминистического толка [52, с. 111], и порой их научной недобросовестностью, а нередко и неадекватностью. Тем не менее в отношении преступников-террористов данная теория вполне может быть применена.

Изменяющееся индустриальное общество породило новое восприятие традиционных социальных явлений. Явление преступности также было предложено пересмотреть в рамках так называемой критической (радикальной) криминологии. Радикальная криминология характеризуется крайне критическим отношением к классическим теориям преступности, к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям, что, конечно, не рационально, а также активным использованием эмпирики, что, без сомнения, позитивно. В критической криминологии правонарушитель позиционируется как двойная жертва – общества и закона. «Вместо взгляда на некоторых людей как “плохие яблоки” или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе “плохую корзину”, в которой все больше яблок будет портиться... Решение – только в новой корзине» [117, с. 227]. Логика рассматриваемых исследова-

телей в том, что если преступление – это то, что нарушает закон, то «в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон» [64, с. 97].

Одно из направлений критической криминологии – феминистическая теория преступности, в которой выделяются два основных подхода. *Либеральный феминизм* утверждает, что причина преступности в особенностях социализации, связанной с полом. *Радикальный феминизм* утверждает: причина преступности в том, что «преступления – мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа – быть агрессивным и господствовать» [138, с. 149–202; 132, с. 10]. Непонятно при этом, почему исследователи-феминистки так агрессивно стремятся к навязыванию своей позиции. Неудивительно, что радикальные феминистки, например, не признают понятия «насилие в семье», заменяя его на единственно возможное, по их мнению, «насилие против женщин».

Исследования 2011 г. показали, что числу исследований, которые подтверждали положения феминистской теории (гендерное неравенство коррелировало или способствовало насилию против женщин), противостояло примерно такое же число исследований, которые опровергали эту теорию (высокое гендерное равенство, напротив, способствовало совершению насилия над женщинами) [52, с. 113].

Конечно, феминистическая криминология не может быть признана абсурдной полностью, необходимо помнить о результативности исследований в её рамках проблемы женской преступности, однако идеологическая ангажированность данного направления не должна быть забыта.

Больше идеологи, чем ученые, не всегда адекватные как исследователи, феминистки тем не менее совершенно правильно отметили крайнюю степень дисбаланса частоты встречаемости среди преступников-террористов представителей разного пола в наше время.

Женский терроризм в недавнем прошлом (до середины XX века) был явлением недостаточно распространенным, если, конечно, не вспоминать революционное движение феминисток в

странах Южной Америки. С другой стороны, в событиях террористического акта на Дубровке (захват заложников на Дубровке в Москве, начавшийся 23 октября и продолжавшийся до 26 октября 2002 г.) из группы, захватившей в заложники 916 человек во время мюзикла «Норд Ост», состоящей из 50 человек, 20 человек были женского пола. Естественно, необходимо с настороженностью относиться к событиям, в которых все преступники уничтожаются при захвате, как к случаям, возможно, постановочным или как минимум неоднозначным, однако утверждать, что сегодня терроризм – это сфера преступной деятельности исключительно мужчин просто наивно [37, с. 172–176].

Отметим также, что некоторые отечественные исследователи сомневаются в объективности даже того небольшого количества исследований преступниц-террористок, которые проведены за рубежом [48, с. 60].

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, объективно неадекватен, так как преисполнен агрессивности. Под образ преступника-террориста, вытекающий из содержания феминистической теории, подходит несколько карикатурный образ психопата-террориста, лишённого всего позитивного, некорректируемого и неконтролируемого, человека, преисполненного инстинктивными побуждениями.

Теоретическая состоятельность и ценность. Концепция понимания преступности, базирующаяся исключительно на идее «вины» не человека, а большой группы лиц (общества, представителей определенного пола, нации, улицы, пола, возраста) слишком сомнительна, исходя из современной (от древних времен до сегодняшнего дня) науки о преступлении. Идея ущербности группы лиц, даже поданная в виде наукоёмкой оболочки, как показывает история с позиции научного познания, бесперспективна и жизненна только в рамках фашистского/нацистского или либерального общества.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является ярко выраженной объяснительной теорией.

Область ее применения лежит разве что в разработках содержания и алгоритмов воздействия на сознание обывателей с выраженными системами либеральных ценностей.

Эмпирическая состоятельность. Феминистические теории опираются на малооспоримое утверждение, что «в последнее десятилетие количество женщин в тюрьме почти удвоилось, но их участие в преступлении по-прежнему минимально по сравнению с мужчинами» [153, с. 135]. Данная статистика характерна и для преступников-террористов, в среде которых количество мужчин неизмеримо больше количества женщин. Поэтому с этой позиции рассматриваемая теория может быть признана эмпирически состоятельной.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, простота на уровне примитивизма и однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором, тем более социальным (гендер), да еще и явно недостаточно изученным). Спорность гендерного миропонимания чужда отечественной правовой науке с ее выраженной рациональностью и стремлением к объективности. Вероятно, в будущем сторонники феминистической теории найдут для нее дополнительное обоснование, хотя бы для экстремальных феноменов, к числу которых вполне подходит личность преступника-террориста.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность весьма высока, так как рассматриваемая теория поднимает вопрос о сексизме, дискриминации, существующих в сфере науки и уголовной политики, и призывает ученых и практиков прилагать усилия для минимизации этих проявлений. А так как для современного либерального общества крайне значимо понизить ценность основной производственной единицы современного общества (как правило, европеоида, мужчины 30–40 лет, состоящего в браке, гетеросексуального, имеющего детей, с приверженностью к традиционным видам религиозного мировосприятия), феминистические теории за рубежом активно насаж-

даются в науке и начинают распространяться у нас. Доктринальная ангажированность выражена слабо, особенно в России.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне большого количества декларативных заявлений, в формате лозунгов, слабосистематизированное состояние, однако имеющее перспективы к развитию, если авторы перестанут ограничиваться декларативными выпадами ненаучного характера.

2. Теория субкультур

Содержание теории. Традиционно, говоря о теории субкультур, исследователи имеют ввиду такое объяснение причин преступности, в котором основным движущим фактором выступает наличие социальных стратосов, обладающих системой общественного поведения, и ценностей, существующих отдельно от господствующей системы поведения и являющихся все же частью этой центральной системы. По мнению сторонников данной теории, «одним из социально-психологических оснований, способствующих вступлению человека на террористический путь, является низкостатусное положение группы, с которой индивид себя идентифицирует, притом нет надежды на какие-либо существенные изменения в ближайшем будущем» [56, с. 109].

Действительно, как показывает анализ, определенные группы лиц склонны к совершению значительной части преступлений, например:

- в Великобритании чернокожие составляют лишь 2,8 % всех граждан, составляя 9 % всех арестованных лиц [164, с. 143, 145];
- менее чем 2 % населения классифицируются как представители афро-карибского происхождения, составляя 12 % мужчин-заключенных и 19 % женщин-заключенных [153, с. 178];
- около 7 % популяции являются привычными преступниками, и они составляли 61 % всех делинквентов [116, с. 210; 157, с. 47].

Учитывая, что «криминология оказывается в самоналоженном научном карантине, когда приходит понимание возможной связи между расой и поведением» [164, с. 137], исследования в этом

направлении сегодня маловероятны, хотя и признаются актуальными [166, с. 1300].

В целом «либеральная культурная теория предполагает, что преступление является коллективным проявлением отчаяния тех, кто маргинален в современном обществе» [153, с. 172]. Связь преступлений террористической направленности с социокультурными или экономическими факторами сейчас фактически не оспаривается.

Между тем, если рассматривать субкультуру не в социальном и экономическом, а исключительно в цивилизационном аспекте, данная теория может объяснить феномен преступлений террористической направленности, как и любую форму асоциального поведения [112, с. 242].

Субкультурные группы делят часть морально-этических норм с господствующей культурной традицией (цивилизацией), сохраняя и собственные нормы поведения, и ценности. Сегодня официальная культура формально пропагандирует монотеистические нравственные ценности (идеи добра). Однако наряду с официальной культурой в современном обществе давно и прочно сложилась параллельная культура зла (культура элиты общества), к примеру, предполагающая активный интерес обывателей к творчеству (живопись, графика) лиц экстремистской ментальности, выдаваемого за элемент культуры [134, с. 8]. Не пропагандируя принципы карательной психиатрии, мы уверены, что в будущем связь между психической неадекватностью и «современным искусством» будет исследоваться на научном уровне.

Агрессия как одна из системообразующих идей современного общества конкуренции и потребления в значительной степени предопределяет мировосприятие и поведение обычных граждан. Рост преступности, уровня семейного насилия, социальной и сексуальной агрессивности — явления одного порядка и следствие избыточного уровня агрессии, свойственного современности. Террористические акты, как и серийные преступления, выступают конечным результатом развития культуры «оборотней», конечным уровнем морального послушания, исходящего из эгоистических интересов [113, с. 28]. Неудивительна убежденность ряда иссле-

дователей, что эффективный путь к искоренению терроризма – это изменение условий, дающих рост формированию морали, оправдывающей терроризм [60, с. 33].

Необходимо также учесть, что современная система образования, включая и отечественную последних двух десятилетий, не способствует интенсивному росту интеллекта популяции, что усиливает неспособность сопротивляться агрессивным установкам, а значит, предопределяет рост преступности [85, с. 62; 153, с. 57], в том числе, естественно, и террористической направленности.

«59,7 % опрошенных студентов заявили, что способны совершить агрессивное противоправное действие» [85, с. 119]. Заявили, не скрывая и без стеснения. Все это вписывается в рамки последней разновидности теории субкультуры, выдвинутой М. Фольфгангом и Ф. Ферракути в 1967 г. и получившей название теории насилия, в рамках которой представители субкультуры идентифицируют себя с насилием, не являющимся для них ни запретным, ни вызывающим ощущение вины.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, должен выступать убежденным носителем альтернативной морали (религиозной, политической, культурной), базирующейся на отрицании монотеистической идеи добра. Человек, исповедующий философию сверхчеловека и презирающий жертв своих преступлений. Среди исследованных преступников-террористов значений высокой и выше среднего моральной нормативности (стремление к соблюдению общепринятых правил поведения) выявлено не было (0 %). Большинство опрошенных обладали этим параметром на уровне ниже среднего (60 %), 25 % имели средний уровень, а 15 % показали низкий уровень моральной нормативности [28, с. 58]. Таким образом, мы явно имеем дело с выраженным девиантным вектором нравственной ориентированности отдельной субкультуры.

Лица, криминальное поведение которых можно объяснить в рамках теории субкультур, не склонны к сокрытию своей жизнен-

ной философии и асоциальности образа жизни, о чем в литературе уже говорилось [47, с. 72]. Значительная часть преступников-террористов низового уровня, своеобразные «рабочие лошадки» террористического движения гармонично вписываются в теорию субкультур.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат не социальные и экономические, а культурные условия существования человека [112, с. 242], опирается на философские воззрения подавляющего большинства религий. Выбор правильной и неправильной морали составляет одно из системообразующих прав человека в таких религиях, как христианство, зороастризм, ислам, а следовательно, природа этого выбора изучается уже давно.

Иным аспектом теоретической ценности рассматриваемой теории является распространенное и нашедшее широкое подтверждение в различных научных теориях положение о влиянии на конкретного человека внешних условий, в которых он существует. «Человек – есть совокупность общественных отношений». Культура же общества выступает одним из таких базовых элементов, формирующих реальность человеческого существования.

Учитывая длительную историю человечества, имеющего богатый опыт осмысления проблем выбора между добром и злом, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточной.

Не будем тем не менее забывать о традиционной критике теории субкультур, которая сосредоточена на сложности формализации используемых в ней понятий. Действительно, в рамках данной теории непросто определить и измерить те «оценки», которые должны способствовать или препятствовать совершению преступлений, что актуализирует продолжение исследований.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Использование положений теории субкультур применительно к преступлениям террористической направленности позволит лицам, определяющим политику государства, оценить социальную опасность конкретных социальных групп. Эти же свойства представи-

телей рассматриваемых социальных групп послужат фрагментами поискового профиля неизвестного преступника.

Эмпирическая состоятельность. Статистика показывает, что существует значительная группа преступников-террористов, исповедующих философию силы, сверхчеловека, философию агрессии, в том числе сексуальной. Маскулинность образа преступника-террориста находит отображение в значительном количестве представителей этой криминальной группы. Таким образом, применительно к преступникам-террористам низового уровня эмпирическая состоятельность данной теории очень высока.

Сильные стороны теории — исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота.

Слабые стороны теории проистекают из неоднозначности феномена культуры, сложности оценки ее влияния как процесса не разового, а растянутого во времени, характеризующегося различной интенсивностью и многообразием форм проявлений. Не способствует широкому признанию также отсутствие в рассматриваемой теории причинности преступности террористической направленности материального носителя, ее слабой связи с естественно-научными областями знания, а следовательно, частая голословность утверждений, порой прячущаяся за неоднозначными статическими данными.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне высока, так как не предполагает существование реального виноватого (конкретного лица или властной структуры), что автоматически переносит вину с государства на общество. Обвинение современной культуры в «некультурности» — одна из любимых тем общественных деятелей и медийных субъектов, не предполагающее производство выводов. Доктринальная ангажированность низка, так как в условиях современного индустриального общества весьма непопулярна идея цензуры агрессивности в СМИ и художественных произведениях. Исключением является избирательная и ритуализированная практика формальных локальных запретов на излишнюю агрессивную атрибутику в культурных произведениях (возрастные

рейтинги, ретуширование произведений, абсурдная социальная реклама на фоне окружающей агрессии).

Учитывая же, что культура есть отображение экономических процессов, как-то корректировать первое без коррекции второго невозможно, а корректировать экономические процессы в целях достижения второстепенных задач (борьбы с преступностью) нереально.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне многократного повторения общеизвестных фактов, которое ввиду политической и доктринальной ангажированности не предполагает дальнейших серьезных перспектив развития.

3. Экономическая теория

Содержание теории. Основатель рассматриваемой теории Г. Беккер применил подход теории человеческого капитала к ситуации выбора, который стоит перед потенциальным преступником: совершить преступление или заниматься легальной деятельностью.

Преступное поведение как поведение экономическое, системно направленное на прибыль, характерно для целых групп преступного поведения, начиная от коррупционных преступлений до преступлений экономических. Тем не менее террористическую деятельность как разновидность экономической деятельности рассматривает мало кто из исследователей, это проистекает прежде всего из установки на демонизацию террористической деятельности в рамках официальной пропаганды современных государств.

В рамках экономической теории исследователи приходят к результатам, которые говорят о том, «что более высокая степень этнического экономического неравенства приводит к большему числу террористических нападений, а также к большему числу убитых или раненых» [62, с. 860].

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, характеризуется рациональным отношением к террористической деятельности, критически оценивая риски и используя эффективные

действия независимо от их моральной составляющей. Данному образу в наибольшей степени соответствует образ полевых командиров в террористических группах, то есть лиц, осуществляющих оперативное управление террористическим формированием. Руководство террористической группой в контексте решения оперативных задач управления им предполагает корыстно заинтересованных лиц, не склонных к личностным расстройством и избыточной идейной вовлеченности в декламируемую сферу целей террористического движения.

По мнению ряда авторов, лицами, криминальное поведение которых можно объяснить в рамках экономической теории, выступают рядовые исполнители террористических актов, нижний организационный уровень террористической группы. Возможно, в этом и есть рациональное зерно применительно к выходцам из экономически неразвитых территорий, однако данное утверждение сегодня пока еще не доказано и нуждается в последующих исследованиях.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат экономические условия существования человека, опирается на громадный пласт социологических и психологических исследований. Любой криминолог признает корысть как одну из ведущих составляющих структур человека-преступного. Скажем больше, для современного рыночного общества корысть наиболее базовый механизм, определяющий поведение современного обывателя. Протестантская мораль как предтеча морали современного индустриального общества поощряет корысть современного человека, естественно, предварительно терминологически замаскировав её исходное название. Если идеалы материального обогащения так близки обывателю, то что требовать от деклассированных, криминальных или асоциальных групп населения. Утверждение о том, что преступник склонен выбирать преступную деятельность, если её ожидаемая полезность превышает полезность от гарантированного дохода, полученного законным путем, обладает высокой степенью теоретической состоятельности, что выводит экономическую теорию применительно к явлению терроризма на одну из наиболее

объективных. О доминанте экономического начала над заявляемым идейным в литературе отмечалось достаточно [40, с. 9].

Встречаются, конечно, в литературе и противоположные точки зрения, которые сводятся к тому, что терроризм «изначально не направлен на обогащение каких-либо сил или групп» [87, с. 60], однако должной аргументации они не получили.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является предельно прикладной, перенеся акцент противодействия террористической преступности со средств, пусть и привлекательных для обывателя в силу зрелищности (перестрелки и поиски злых психопатов, смертников и неадекватных личностей), на эффективные удары «по карману» террористического движения. Контроль банковской деятельности – смертный приговор современному терроризму. Вероятно, именно поэтому эти средства мало распространены в практике противодействия современному терроризму.

Эмпирическая состоятельность. Современный терроризм тесно переплетен с феноменом наемничества, что полностью подтверждает эмпирическую состоятельность рассматриваемой теории.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота.

Слабые стороны теории проистекают из игнорирования той эфемерной материи гетеростаза (стремления системы к саморазвитию), которая составляет если не основу, то дух человеческого развития, пусть и не на уровне каждой отдельной особи. Идеологические аспекты вполне могут существовать независимо и даже вопреки корыстной составляющей, что нам активно демонстрирует история революционного движения. Правда, бескорыстность как движущая сила личности террориста явление пусть и частое, но не доминирующее, что несколько возносит экономическую теорию на пьедестал применительно к террористической активности.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне невысока, так как не предполагает ранее упомянутой демонизации преступника-террориста и тер-

рористического движения в целом. Теория косвенно уменьшает современные социальные страхи, которые, как известно, являются эффективным инструментом манипулирования популяцией любого государства.

Доктринальная ангажированность достаточно велика, особенно в нашей стране, в которой исторически экономический базис воспринимался как нечто системообразующее и бесспорное, что до сих пор не может поколебать даже заимствование далеких от реалий современных криминологических теорий преступности.

Современное состояние и перспективы развития – экономические интересы и корыстная мотивация на уровне корпоративном, а именно этого уровня достигли современные транснациональные террористические организации, слабо отражены в научной литературе. Перспективы развития данной теории, несмотря на громадный научный потенциал, мы оцениваем как незначительные.

4. Критическая (классовая) теория

Содержание теории. Критическая (классовая) теория основана на системном конфликте в борьбе за власть, будь то власть экономическая или производная от неё власть политическая. Данная теория базируется на утверждении, что криминализируется поведение тех, кто лишен власти, теми, кто ее имеет.

Прежде всего призовем быть осторожными с терминами и не лепить ярлыки на направления научного поиска. Критическую криминологию часто называют по-другому – радикальной. Название радикальной теории было сформулировано на западе в период борьбы с коммунистическими воззрениями её оппонентами. Очень печально, что в отечественной науке ряд исследователей в угоду либеральным настроениям и некритическому заимствованию продолжают называть данную теорию радикальной, продолжая линию исследовательского абсурдизма 90-х годов XX века.

В рамках критической криминологии исследователями установлено, что рыночное государство не борется с преступностью, а управляет ею (Хаферкамп). Критическая криминология критикует фетишизацию свобод, ратуя за повышение жизненного уровня

популяции как эффективного средства противодействия преступности.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, должен выступать убежденным борцом с политической системой, против которой он восстает. В рамках критической теории преступник-террорист – это бунтарь и борец за свободу. Его деятельность бессмысленно списывать на террор среды, в которой он сформировался, а его террористическая деятельность – это внешнее отображение его жизненной позиции. Вероятно, этот образ типичен для террористов прошлого века, действующих в рамках национально-освободительных движений, о неактуальности которых сегодня уже говорилось.

Анализ личности террориста демонстрирует количество убежденных, некорыстных, целостных личностей среди террористов в остаточных количествах. Несмотря на невысокую встречаемость данного типа террористов, необходимо понимать его крайнюю опасность по сравнению с лицами, чье поведение детерминировано корыстной или асоциальной составляющей.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат экономические условия существования человека, опирается на громадный пласт социологических и психологических исследований. Экономические процессы на макроуровне продолжают определять принципы и механизм существования современного общества. Марксистская критика современных воззрений вступает в эпоху своего ренессанса и имеет все шансы снова стать доминирующей идеологией, даже когда будет запрещена как экстремистская. Однако сказанное будет справедливым, только если явление терроризма объективно обусловлено и не является результатом режиссирования спецслужбами.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Использование положений классовой теории применительно к преступлениям террористической направленности позволит лицам,

определяющим политику государства, оценивать «градус кипения» в обществе и степень готовности невласть имущих защищать свои права насильственными способами, в том числе и посредством террористической деятельности.

Эмпирическая состоятельность. Статистика показывает, что существует количественно незначительная группа преступников-террористов, исповедующих террористическую деятельность вне контекста непосредственного достижения личных благ (речь не идет о террористах-смертниках), так называемые идейные террористы, террористы-фанатики. Таким образом, даже применительно к преступникам-террористам низового уровня эмпирическая состоятельность данной теории на сегодняшний день очень невысокая.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота, доходящая до примитивизма.

Слабые стороны теории проистекают из несколько изменившейся структуры современного общества, требующей пересмотра ряда воззрений классического марксизма. Как это ни парадоксально, но идея бунта невласть имущих полноценно не исследовалась даже в советский период, так как изучение природы отношений власти и невласти применительно к собственному государству фактически табуируется в любом государстве.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне невысока, поскольку противоречит вере в либерально-рыночную парадигму как базису экономической составляющей.

Доктринальная ангажированность также низка, вероятно, в силу исследовательской «усталости». Поколение исследователей, проповедовавших в молодости марксистскую парадигму, от неё устали и ищут псевдообъяснений в иных системах мировоззрения, доходя до «махрового» идеализма. Новое же поколение исследователей с марксистской парадигмой мало знакомо, так как она слабо отражена в современных исследованиях. Замкнутый круг. Однако междисциплинарные исследования способны выйти за пределы этого круга и на новом уровне обосновать тезис о том, что «терроризм возникает вместе с буржуазией как первый проект

унифицированного экономического и политического мирового пространства» [23, с. 158].

Современное состояние и перспективы развития – рассматриваемая теория ввиду её крайней непопулярности в рамках рыночной ментальности, распространяющейся и на научную деятельность, на современном этапе игнорируется и перспективы развития имеет очень слабые.

5. Теория мифа

Содержание теории. В рамках многообразия подходов данной теории просто не может не быть. Пусть она, на первый взгляд, имеет некоторый конспирологический оттенок, но целесообразность ее существования предельно высока.

Идеология любого государства встраивает в себя блок отношения к преступности, от непримиримого в коллективистских тоталитарных государствах [83, с. 87] до крайне либерального в современных индивидуалистических (либеральных индустриально развитых) государствах. В последнем случае наблюдается фактическое существование двух систем правосудия – для элиты и ее окружения и для остальных граждан. В отечественной науке, например, принято, рассматривая феномен коррупции, приписывать его детерминанты или текущей власти, или обществу (нации) в целом. Без сомнения, данные утверждения не имеют под собой никакой основы. Феномен коррупции является естественным и распространенным во всех индустриально развитых государствах, просто в некоторых с ним борются эпизодически в рамках информационных кампаний (например, в КНР), а в либеральных (страны Европы и Северной Америки, Россия) только создают видимость борьбы, ограничиваясь политикой контроля той или иной степени «мягкости». Борьба с преступностью в современном индустриальном государстве подрывает ее экономический базис, так как преступность тесно интегрирована в экономику государства.

Доказательством фактического отсутствия намерений борьбы с преступностью является феномен ротационной пенитенциарной системы. *Ротационная пенитенциарная система* – предельно интересный феномен, который выступает нормой для индустриально

развитых демократий, начиная с начала XX в. Прежде всего перед данной пенитенциарной системой стоит задача поддержания высокого уровня ротации криминального контингента в социуме, тем самым решая ряд подзадач. К числу подзадач относятся: поддержание стабильно высокого уровня преступности в государстве, обеспечение рабочих мест в правоохранительной вообще и в пенитенциарной в частности системе для законопослушных граждан, внедрение в социум центробежных идей, формирование альтернативной правопослушному поведению ментальности, создание образа внутреннего врага у обывателя. Задачи кары и исправления перед данной системой *de facto* не стоят, впрочем, как и постулируемые задачи защиты прав и свобод. Основная задача рассматриваемой системы предельно утилитарна – поддержание преступности на таком уровне (как правило, достаточно высоком), который бы отвлекал от критичного восприятия деятельности власти. Справедливости ради отметим, что данная мысль высказана нами далеко не первыми, но обычно отечественные авторы относят ее только к реалиям нашей страны [12, с. 3], что ошибочно.

На данный момент в обществе активно, хотя порой и опосредованно, формируется и поддерживается страх перед двумя разновидностями преступности – террористической и серийной. И если создание страха перед серийными преступниками, прежде всего серийными сексуальными убийцами, насчитывает уже больше века, то терроризм как реальная угроза стал пропагандироваться в СМИ достаточно недавно.

Суть рассматриваемой теории в том, что террористическая деятельность как системное многоуровневое преступное сообщество (включающее банковские подструктуры и структуры спецслужб), группа преступников и как социо-психологический феномен не существует. Иными словами, сторонники данной теории отрицают системную координацию терроризма, заявляя о «неформальной общности террористов» [65, с. 7].

Сторонники теории мифа полагают, что на самом деле преступления террористической направленности представлены криминальными действиями разрозненных преступных сообществ, преследующих выраженный асоциальный характер. Действия этих

разрозненных преступных сообществ СМИ пытаются подать как стихийные и однородные по своей зловещей природе, как деятельность социальных аутсайдеров, так называемая стратегия «безлидерского» сопротивления. Данная стратегия популяризировалась идеологом «белого превосходства» членом Ку-клукс-клана Л. Бимом.

Международная координация террористического движения, по мнению сторонников теории мифа, – явление объективное, но базирующееся на организационной деятельности отдельной харизматической личности (Че Гевара, Бен Ладан и пр.), а не сформированных организационных структур под патронажем банковских структур и спецслужб отдельных государств. Переключение внимания обывателя на выдуманную уникальную угрозу – прием старинный, но в случае с преступниками-террористами особо эффективный в силу непонятности, кровавости и непредсказуемости.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, это случайный, доведенный неудачами жизни до крайности, преисполненный детскими, юношескими, возрастными или старческими комплексами. Человек, не имеющий своей правды, имеющий только широкий комплекс заблуждений. Также ярким маркером данной личности будут выступать склонность к непоследовательности в действиях, душевных метаниях и порывах (синдром Раскольникова), озлобленность и импульсивность. Необходимо понимать, что человек с грузом жизненных неудач, неустойчивый в своих взглядах и подверженный влияниям со стороны не способен к эффективно долгому функционированию в рамках террористического сообщества. Лица с описываемыми свойствами оптимально могут найти «применение» в разовых акциях, в том числе в суицидальных акциях.

Теоретическая состоятельность и ценность. Рассматриваемая теория фактически должна являться исследовательским аутсайдером ввиду ее кажущейся нелогичности. В самом деле, какова вероятность существования в цивилизации XXI века сложного социального феномена, не имеющего один или несколько центров

организации/координации? К сожалению, рассматриваемая теория исследовательским аутсайдером сегодня не является. Многие, если не большая часть исследователей, в своих работах обходят вниманием организационный уровень террористических организаций либо пишут о нем в общих фразах. С одной стороны, не может сложная организация (власть) не иметь скрытых рычагов управления ситуацией (населением). Одновременно с этим не могут спецслужбы одного государства не задействовать потенциал протестных настроений в другом государстве-конкуренте. Утверждать обратное просто смешно. С другой стороны, проведение исследований в данном направлении по умолчанию непатриотично как минимум или чревато обвинениями в экстремизме как максимум.

Для криминологов данная теория интересна как феномен возникновения исследовательских мифов. Мифология давно стала объектом научного исследования в медицине (новые «смертельные» болезни), истории (новое прочтение исторических реалий), экономике (денежная эмиссия и экономические «законы»), политологии (криптократическое устройство власти). Неудивительно, что криминология не стала исключением и многие мифы подлежат научному рассмотрению.

Практическая ценность и область применения. Будучи подтвержденной, данная теория предопределяет целесообразность разработки целого комплекса мероприятий, направленных прежде всего на воздействие на наиболее уязвимое место террористического сообщества – банковские подструктуры и резидентов иностранных разведок.

Эмпирическая состоятельность не подтверждается при анализе всей совокупности преступников-террористов различных видов как единого целого, во всяком случае применительно к реалиям Российской Федерации. Справедливости ради отметим, что ряд исследователей полагают, что в рамках стратегии «безлидерского» сопротивления в последнее время (с 2006 г.) происходит 70 % всех убийств, осуществленных в результате террористической активности, и это количество неуклонно растет [63, с. 188, 189]. Исследователи не утверждают, что в террористических сообществах нет

единых координационных центров (банки и спецслужбы), они указывают, что в процессе расследования преступлений террористической направленности выйти на координационные центры в большинстве случаев не представляется возможным. Сказанное проистекает не столько из профессионального уровня работников правоохранительных органов, сколько из-за отсутствия социального заказа на противодействие терроризму на уровне координационных центров.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории являются следствием ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминированный лишь одним фактором), объективной слабостью проверяемости. Отметим, что рассматриваемая теория частично объективна, если рассматривать ситуацию, в которой предполагается реальное существование небольшого количества преступников-террористов, не интегрированных в крупное террористическое сообщество («Приморские партизаны» – 2009–2010 гг., Приморский край; группа В. Квачкова – 2005 г., Подмосковье).

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне низка ввиду некоторой экстремальности данной теории, так как противоречит самой идее благости власти в государстве и объективности только ее позитивного отношения к населению. О доктринальной ангажированности говорить сложно ввиду того, что рассматриваемый вариант выходит за рамки привычных представлений не только обывателя, но и академического исследователя.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, без реальных перспектив развития.

К группе *личностных теорий причинности* преступности террористической направленности следует отнести эволюционную теорию.

1. Эволюционная теория

Содержание теории. В основе эволюционного подхода лежит идея, что психические закономерности, обусловившие поведение преступников-террористов, есть не проявление их дегенеративности, а отражение специфических эволюционных изменений психики. Эволюционность изменений не говорит об их правильности, желательности, а свидетельствует о некой оптимизации психического потенциала, пусть и совершенно нетрадиционной. Сама идея эволюционности, имеющая асоциальный характер, может вызвать у обывателей неприятие, однако напомним, что не раз ранее считавшаяся террористической идеология становилась идеологией государства (идея независимости США от Британии, революционные настроения во Франции 1789–1794 гг., Германии, Китае, России в XX веке).

Маслоу А. говорил: «Жизнь человека нельзя понять, если не принимать во внимание наивысшие стремления. Рост, самоактуализацию, стремление к здоровью, поиски самотождественности и самостоятельности, жажду прекрасного (и другие способы выражения стремления «вверх») сейчас нужно принять безоговорочно как широко распространенную и, возможно, универсальную тенденцию» [130, с. XX]. Маслоу сделал предположение, что большинство людей, если не все, нуждаются во внутреннем совершенствовании и в той или иной степени стремятся к нему.

Процесс самоактуализации чрезвычайно сложен, и мы видим движущими силами его не реализацию лица в какой-либо деятельности (подобная реализация – индикатор процесса самоактуализации), предполагающей полное задействование потенциала лица. По нашему мнению, самоактуализация является результатом создания человеком собственной этической концепции. «Будем же учиться хорошо мыслить: вот основной принцип морали», – говорил Р. Декарт. Социальные нормы, локализованные на сознательном уровне психики, вызывают напряжение в бессознательном в силу своей чужеродности и иррациональности (именно чужеродности, а не ложности и неадекватности). Редко кто может внятно объяснить, не задействуя такой психологический механизм неосознанной психической защиты, как рационализация, почему нельзя

совершать неэтические поступки. Процесс самоактуализации позволяет понизить чужеродность социальных запретов и предписаний ввиду индивидуального осознания правоты этических канонов, тем самым понижая напряжение в бессознательном и направляя психическую энергию сдерживания последнего в сферу сознательного, оптимизируя его. Мы видим два основных направления эволюционной теории – эволюционность группы лиц [17, с. 88, 89] и эволюционность конкретной личности. Вероятно, говорить об эволюционности психики террористов в целом нецелесообразно, чего не скажешь о возможной эволюционности личности конкретного террориста. Если признать идею самоактуализации как проявление эволюционности у отдельной личности, то можно говорить о потребности в самоактуализации личности в процессе морально-нравственного становления отдельных преступников-террористов.

Нередко наличие сверхценной идеи как результата самоактуализации исследователи смешивают со сверхценной идеей как акцентуированного свойства представителей параноидного типа. Сверхценная идея как результат самоактуализации не сопутствует наличию таких характеристик личности, как «слаборазвитое мировоззрение, заключающееся в поверхностном восприятии действительности, житейском дилетантизме» [88, с. 95] даже на уровне рядовых исполнителей, не говоря уже об уровне лидеров террористического движения.

Таким образом, при исследовании терроризма необходимо с осторожностью относиться к таким идеологически желательным, но порой очень далеким от реальности утверждениям о том, что «чаще всего именно психологическая незрелость и внушаемость толкает молодых людей, в том числе и из благополучных семей, на осуществление религиозных террористических актов» [101, с. 669], особенно в такой культурной среде духовного поиска, как российская ментальность.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, в своей деятельности будет представлен образом идейного борца с не-

справедливостью на низовом уровне и уровне оперативного управления террористической группой и наверняка лицами, осуществляющими стратегическое управление террористическими сообществами. Это тип носителя своей правды, возможно даже своей истины, но преувеличивать частоту его встречаемости в террористических сообществах, вероятно, не стоит. Согласно распределению Гаусса, он входит в группу крайних значений и теоретически сопоставим количеству террористов-психопатов, представляющих противоположный полюс идейным террористам.

Исследователи отмечают, что преступники-террористы «показали средний (58 %) и низкий (42 %) уровень тревожности, средний (50 %) и низкий (50 %) уровень фрустрации» [28, с. 57], что еще раз подтверждает идею стабильности психотипа террориста, имеющего типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания данной теории.

В обычной жизни преступник анализируемого типа высоко-социализирован, часто добивается достаточных статусных успехов в обществе. Эволюционная теория формирует образ преступника-террориста как носителя большого количества развитых интеллектуальных и волевых характеристик. Данный тип террориста официальная пропаганда обходит умолчанием, но не существовать этот тип не может.

Теоретическая состоятельность и ценность. Высокая теоретическая ценность предопределена уникальностью подхода, в основе которого лежит психологическое знание. Само понимание некоторых преступников-террористов как уникального образования предопределяет понимание, что базовыми потребностями его поведение объяснено часто быть не может. При исследовании преступников-террористов порой необходимо понимать системообразующие элементы их мировосприятия. Учитывая сказанное, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточно высокой.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория не является объяснительной в плане идеи эволюционности конкретного лица посредством механизма самоактуализации. Прикладная ценность теории заключается в понимании, что

преступник-террорист в своей обычной, некриминальной жизни является достойным членом социума и обычно не вызывает подозрений на первоначальном этапе расследования рассматриваемых преступлений. Возможность отслеживания граждан с идейными установками и активной жизненной позицией, противоречащими официальным, позволит сузить круг поиска в процессе расследования преступлений террористической направленности.

Эмпирическая состоятельность. Как показывает практика, расследования деятельности террористических сообществ могут тянуться годами, безотносительно страны, культуры и мощи правоохранительных органов. Нельзя проблемы расследования преступлений террористической направленности списывать только на высокую латентность данной группы преступлений и цепочки случайностей. Рассматриваемая теория объясняет сложности расследования высоким психическим потенциалом части контингента террористического сообщества. Таким образом, эмпирическая состоятельность эволюционной теории достаточно высока.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, естественная логичность, однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминированный лишь одним фактором), объективно ограниченной группы преступников-террористов. Дополнительной слабостью теории является малая исследованность потребности в самоактуализации у отдельных граждан в рамках современного инертного (рыночного) общества, обладающего явными элементами несправедливости на уровне системообразующих его элементов (рыночная ментальность, идея конкуренции и пр.).

Политическая и доктринальная ангажированность. Сам факт превосходства, хотя бы в чем-то, представителя криминального мира над законопослушным гражданином неприятна и обывателям, и исследователям, что делает политическую ангажированность невысокой. Политическая ангажированность дополнительно понижается, так как вина в преступном событии полностью лежит на преступнике, что противоречит либеральной традиции мировосприятия. Доктринальная ангажированность в принципе не вы-

ражена, так как теория достаточно нейтральна в отношении основных доктринальных постулатов права.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, с значительными перспективами развития.

Разнообразие поведенческих и личностных особенностей исключает возможность объяснения их природы в рамках одной, как бы то ни было, детальной теории.

Все описанные теории имеют достаточный уровень теоретического и практического обоснования. Недопустима переоценка ценности как отдельной теории, так и отдельного направления исследования преступников-террористов.

ГЛАВА 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ

Информационно-организационная характеристика современного терроризма

Если мы претендуем на научность исследования, необходимо понимать, что кажущееся многообразие мотивов, личностных особенностей и различных видов мировосприятия должно быть сгруппировано в достаточно четкие обособленные видовые разновидности терроризма.

Ранее уже говорилось, что терроризм в понимании государственной политики мы не рассматриваем в силу этической неоднозначности, ведь недаром говорят, что «терроризм в политических целях обычно представляет собой театр» [110, с. 17], а терроризм в рамках национально-освободительных движений – в рамках сегодняшней неактуальности.

При анализе деятельности террористических организаций, функционирующих в разных странах, сразу становится видно, что их информационно-организационная характеристика тяготеет к одной из двух достаточно автономных друг от друга моделей.

Первая модель – **модель экспансионистского терроризма**. Экспансионистская модель реализуется крупными государственными образованиями и нацелена на создание вокруг этих государств линии марионеточных государств, в будущем ориентированных на реализацию политики государства – организатора террористической активности в регионе. Суть экспансионистского терроризма заключается в захвате власти в государстве в целях установления марионеточного правительства.

На сегодняшний день четко прослеживаются четыре центра, курирующих экспансионистский терроризм. Это такие государства, как Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Исламская республика Иран, Королевство Саудовская Аравия. Каждое из этих государств реализует модель экспансио-

нистского терроризма через свою уникальную идеологию. Относительно списка центров курирования террористической деятельности оговоримся: мы полагаем, что современная Россия, в полной мере не будучи самостоятельным политическим игроком, пока не переняла координационные традиции экспансионистского терроризма Советского Союза.

Модель экспансионистского терроризма Соединенных Штатов Америки базируется на экспорте идеологии либерализма. Данная идеология опирается на совмещение либеральных идей с англосаксоцентризмом. Суть идеи либерализма – доминирование фактических интересов одного человека над интересами государства. Сама концепция либерализма в США реализуется эпизодически и крайне фрагментарно, но в других странах, по мнению либералов, она обязана реализоваться максимально полно. В настоящее время проамериканские террористические движения весьма активны в политически независимых от США странах Южной Америки, Европы (бывшее пространство СССР) и Азии (прежде всего на Ближнем Востоке).

Модель экспансионистского терроризма Китайской Народной Республики базируется на экспорте идеологии маоизма. Данная идеология опирается на совмещение коммунистических идей с китаецентризмом. В настоящее время маоистские движения особенно активны во многих странах Азии и Латинской Америки. В настоящее время в Индии и на Филиппинах маоистские повстанцы проявляют наибольшую активность.

Бессмысленно говорить, что китайский менталитет характеризуется так называемым религиозным синкретизмом (синкретизм – соединение нескольких противоречивых теорий, отождествление и соединение разнородных начал, игнорирующих их различия). Религиозный синкретизм – слияние абсолютно различных религиозных направлений, вероучений и культов. Это очень упрощённая картина, и понимание того, что определяет базовые постулаты мировосприятия рядового китайца, она не даёт. Говорить о китайском синкретизме в политике то же самое, что говорить о том, что идеи экспорта революции в Советской России 20-х

годов не было, так как она противоречит гуманистической установке русской нации.

В одной из первых статей устава Коммунистической партии Китая записано, что марксизм является «идейной основой» партии. А одним из главных условий реформ в стране, выдвинутых Дэн Сяопином, было соблюдение «четырёх основных принципов»: «отстаивать социалистический путь, отстаивать диктатуру пролетариата, руководство со стороны партии, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна». Политический синкретизм всегда проигрывает геополитике. Китай не исключение.

Модель экспансионистского терроризма Королевства Саудовской Аравии базируется на экспорте идеологии суннизма, а точнее, его радикальной составляющей – ваххабизме. Здесь мы оставим в стороне рассуждения о различии между ваххабизмом и салафизмом в силу их принципиальной схожести. Своей основной задачей ваххабиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых ему ересей. Ваххабиты, в целом в теории отвергая насилие, на практике опираются исключительно на него, недаром их называют «пуританами и протестантами ислама» [115, с. 7, 18]. Данная идеология базируется на идее «крестового похода» против мира «недостойных». В настоящее время просаудитские террористические движения крайне активны во многих странах Ближнего Востока и Азии в целом. Идеи суннизма, если отвлечься от религиозной составляющей, тяготеют к пропаганде жесткого авторитарного общества во главе с одиночным лидером, имеющим избыточные властные полномочия. Историческая же преемственность власти саудитами предопределяет, что центр суннизма и ислама в целом должен находиться в Саудовской Аравии.

Обращаем внимание, что в рамках экспорта идеологии суннизма распространение получило только его экстремистская форма, а, к примеру, религиозная идеология пуризма (пропаганда исходного ислама, но без преследования политических целей и при отказе от насилия) пропагандируется только на территории Саудовской Аравии.

Сказанное не означает, что мы совсем не различаем идеологию ваххабизма государства Саудовской Аравии и ваххабитскую идеологию террористических организаций. Формально (на уровне правовых норм и заявлений политиков), без сомнения, они отличаются, однако признавать реальность этих отличий – это отрицать идею презумпции доминирования государственных интересов каждого государства над интересами других государств. Если мы не принимаем эту презумпцию, то нет смысла проводить научные исследования природы терроризма, да и вообще любой разновидности преступности, достаточно прослушать очередной доклад официального представителя власти.

Действительно, первая статья основного закона Королевства Саудовская Аравия гласит, что Саудовская Аравия – исламское государство, государственной религией которого является ислам. В основном законе говорится, что государство защищает права человека в соответствии с исламским шариатом (статья 26). Одновременно с этим «ваххабизм» – религиозно-политическое течение в суннитском исламе, возникшее в Аравии в середине XVIII в. на основе учения Мухаммада ибн Абдуль-Ваххаба, проповедующее строжайшее соблюдение единобожия, отказ от поклонения святым и святым местам, очищение ислама от поздних наслоений и нововведений, возврат к его первоначальной чистоте, но не к террору.

Несомненно, некоторые исследователи воспринимают джихад как борьбу с тем, что находится в наших душах [93, с. 62]. «Однако сторонники ваххабизма в Саудовской Аравии (а они оказывают существенное влияние во всем арабском мире), а также алжирские, сирийские проповедники, включая и сторонников движения «Талибан», выступили решительно против такого понимания джихада» [39, с. 57].

Сейчас политически корректным считается признавать, что идеология ваххабизма – официальная идеология Королевства Саудовская Аравия, не является террористической. Естественно, ни одно государство официально не будет заявлять о своей террористической природе, однако проводимая политика финансирования террористических организаций демонстрирует, насколько фальшиво звучат официальные заявления.

В самом деле, нельзя же доверять рассуждениям отдельных лиц о том, что высказанные в частных разговорах мнения о террористической природе религиозного восприятия со стороны имамов Чечни являются подтверждением нетеррористической направленности политики Саудовской Аравии. Ниже приводится пример подобного высказывания.

«Попытки лидеров чеченских сепаратистов (З. Яндарбиева, М. Удугова) внедрить в массовое сознание чеченцев ваххабитскую идеологию под лозунгом борьбы против засилья «неверных» и создания независимой Ичкерии носили характер религиозно-политической спекуляции, поддержанной местными имамами Чечни. Саудовские официальные и духовные лидеры, с которыми мне приходилось общаться, прямо заявляли, что среди чеченских улемов, тем более лидеров бандитских формирований, не было ни одного, кто бы действительно разбирался в ханбализме и его ваххабитской производной» [55, с. 251–361].

Модель экспансионистского терроризма Исламской республики Иран базируется на экспорте идеологии шиизма. Отличительной чертой шиитов является убеждение в том, что руководство мусульманской общиной должно принадлежать духовным лицам (имамам), а не выборным лицам (халифам), как у суннитов. Шиитская идеология опирается на идеи защиты от давления, в конечном счете выполняя порой оборонительную политику как в отношении мусульманского суннитского большинства, так и от современного индустриального мирового сообщества во главе с США [27, с. 22]. В настоящее время проиранские террористические движения активны во многих странах Ближнего Востока и Индокитая. Деятельность организации «Хезболла» хорошо демонстрирует сферу интересов Исламской республики Иран за её пределами, хотя формально финансирование Хезболлы происходит от ливанских бизнес-групп, частных лиц, предпринимателей, ливанских диаспор.

Оговоримся, мнение о том, что экспансионистский терроризм Исламской республики Иран – это лишь защитная политика этого государства, не стоит сразу отрицать. Действительно, начиная с 2005 г., действиями спецслужб иных государств в Иране иници-

рована активная террористическая деятельность [89, с. 72–78], предполагающая ответную деятельность со стороны иранских спецслужб.

В целом же общие представления о механизме экспорта революции можно узнать как из специальной литературы [10; 20, с. 57–66; 27, с. 22; 82], так и из анализа открытой информации в Интернете.

Вторая информационно-организационная модель – **модель сепаратистского терроризма**.

Сепаратистская модель реализуется государственными образованиями, как правило, соседствующими с государством-жертвой или имеющими геополитические интересы на территории государства-жертвы, и ориентирована на расчленение государства на ряд государственных образований, объективно имеющих менее выраженный политический вес (как РФ по сравнению с СССР, Чехия по сравнению с Чехословакией, Сербия по сравнению с Югославией и т. д.). Цель сепаратистского терроризма заключается в захвате власти в части государства в целях поэтапной нейтрализации геополитического потенциала исходного государства. Само государство-жертва объявляется несостоятельным и традиционно обвиняется в «высоком уровне преступности и насилия, эндемической коррупции, неспособности ее лидера осуществлять суверенитет без грубой силы, отсутствии концентрирующих механизмов управления и в неустанной атмосфере неопределенности и нестабильности» [143, с. 36], ну и, конечно, в нарушении прав человека.

На основе вышеприведенных утверждений презюмируется слабость государства, его близость к крушению, что оправдывает объективность существования сепаратистского терроризма. Вспомним обвинения в адрес России 90-х гг. XX в. со стороны США, которые вновь активно зазвучали после начала СВО на Украине.

Второй действующей силой в рамках реализации сепаратистской модели терроризма выступает политически активная часть этнического меньшинства, направляемая ее политической этнической элитой. Этническая идентичность не менее распространена,

чем идентичность религиозная [161, с. 271], хотя современные СМИ нередко пытаются убеждать обывателя в обратном.

Таким образом, сепаратистская модель часто выступает в двух разновидностях: в первой – доминирующей деструктивной силой являются спецслужбы других государств, манипулирующих элитой этнических меньшинств, во второй – элита этнических меньшинств, манипулирующая интересами других государств. В первом случае спецслужбы сами формируют управляющие центры будущего государства своими агентами влияния, во втором случае участие спецслужб сводится в основном к обеспечению финансами и вооружением уже сформировавшейся компрадорской элиты. Но даже в первом варианте можно, хотя и условно, говорить об интересах граждан государства, а не разведок государств-конкурентов, как это происходит в рамках экспансионистской модели.

В процессе исследования феномена сепаратистского терроризма необходимо понимать, что дискуссия о его движущих силах – культурных или экономических, в принципе завершена. «Политические экономисты, опирающиеся на кросс-национальную статистику и моделирование, сыграли видную роль в этой дискуссии. В отличие от большинства прошлых попыток исследования внутренних беспорядков, сейчас вспышки гражданских войн объясняются материалистическими, а не культурными условиями» [112, с. 242]. Напомним, что террористическая деятельность – это традиционное клише, которое обе стороны конфликта приписывают друг другу, следовательно, сказанное Ларс-Эриком Сидерманом мы распространяем и на террористическую деятельность.

Некоторые исследователи скажут, что трудно согласиться с выводом о том, что дискуссия о движущих силах терроризма завершена. Возможно, это и так, и поиск причинности, напоминающий переливание из пустого в порожнее (доминирование культурных или экономических причин) будет вечен, ведь он позволяет уйти от анализа реальной причины терроризма – деятельности спецслужб. Давайте все же признаем давно известный факт. Цель большинства терактов последних десятилетий связана с межгосу-

дарственной/международной политикой [98, с. 70], а деятельность спецслужб – это способ реализации современной политики в условиях необъявленной войны государств друг с другом, происходящей из идеи конкуренции на геополитическом уровне.

В отличие от экспансионистской модели сепаратистские настроения характерны для любого государства, даже для государства, предоставляющего свою территорию под тренировочные военные лагеря наибольшему количеству террористических организаций [129, с. 163].

На стыке организационно-информационной и криминалистической характеристик террористического акта выступает вопрос о функциональной природе различных террористических групп. Для этого еще одной проблемой, нуждающейся в решении, становится вопрос о соотношении экспансионистской и сепаратистской модели терроризма с религиозным экстремизмом и иными видами экстремизма. Нам представляется, что экстремизм в контексте террористической деятельности есть форма реализации политики терроризма.

Для модели экспансионистского терроризма в настоящее время характерна именно форма религиозного экстремизма. Для модели сепаратистского терроризма в настоящее время характерна именно форма националистического или расового экстремизма. Это объясняется достаточно просто.

Модель экспансионистского терроризма нуждается в значительных человеческих ресурсах, которые в рамках одной страны легко исчерпаемы, что предопределяется потребностью в большом количестве наемников. А именно религия есть тот питательный субстрат, который обеспечивает поставку террористам «пущечного мяса», сочувствующего «братьям по вере» из других стран и уже настроенного на борьбу «за наше правое дело». Религия здесь выступает формой контркультуры, базирующейся на вере в избранность людей, исповедующих конкретную форму веры (суннизм, шиизм, маоизм, либерализм). Уточним, что последние названные две формы также психологически целесообразно относить к разновидности религиозного мировоззрения, не нуждающегося в глубинном рационалистическом восприятии. Простоту вер-

бовки вносит и то обстоятельство, что координационный центр в модели экспансионистского терроризма в большинстве случаев находится за пределами страны, где реализуется террористическая деятельность.

Контркультура экспансионистского терроризма направлена на разрушение государства в том виде, в котором оно существует, на разрушение всего идеологического образа жизни общества, что предопределяет наличие у сторонников террора рассматриваемого вида выраженной психологической неадекватности. Недаром «в последнее время, ученые склонны утверждать, что религиозная мобилизация по сравнению с этнической особенно склонна к конфликтам» [161, с. 274]. Само понимание, как человек, взявший ориентир на высокоморальные религиозные постулаты, может вести себя совершенно аморально, не представляет собой парадокс. О том, что аморальность может следовать как из эгоистических побуждений, так и из религиозных обязанностей, если доминанта веры замещена церковной доминантой, исследователями отмечалось достаточно [113, с. 28].

Модель сепаратистского терроризма особо не нуждается в значительных человеческих ресурсах, так как интересы террористов направлены только на часть страны. К тому же количество людей, сочувствующих идеям сепаратизма, за границами конкретного государства всегда невысоко, так как в основном нации представлены в государстве метрополии, а за рубежом иммигранты мало интересуются страной, из которой иммигрировали, если, конечно, их не поддерживают целенаправленно (как, например, выходцев из Ирландии в США в XX веке или выходцев из Испании в СССР и Польши в Великобритании в середине того же века).

Неудивительно, что в отличие от предыдущей модели сепаратисты ориентированы не на наемников, а на «местных» экстремистски настроенных граждан. Следовательно, системные связи рассматриваемых террористов с радикальными организациями и сообществами выступают особенностью, которую необходимо учитывать при расследовании террористических актов «сепаратистов».

Контркультура сепаратистского терроризма направлена на изменение устройства государства только номинальное, без разрушения всего идеологического образа жизни общества. Как видно, деструктивность террористической идеологии сепаратистской направленности с точки зрения морали и нравственности ближе к общечеловеческой, так как они неосознанно верят в «зло на благо» и не являются вырожденными асоциалами, как террористы экспансионистской направленности. Да, конечно, элемент выраженной акцентуации личности у них прослеживается довольно четко, но до уровня патологии она, как правило, не доходит, во всяком случае у большинства «сепаратистов». Психология подростка, пропагандирующего бунт ради бунта, часто встречается у лиц, склонных к идеям сепаратистского терроризма.

Нам могут возразить, что данный тезис (деструктивность террористической идеологии сепаратистской направленности с точки зрения морали и нравственности ближе к общечеловеческой) спорен и не подтвержден статистическими данными и конкретными фактами, что делает его голословным. А есть ли необходимость проверять идею о том, что уровень неадекватности лиц, верящих в «зло во благо» (контркультура сепаратистского терроризма), ниже, чем у тех, кто **фактически** совершает просто зло без его морального оправдания (контркультура экспансионистского терроризма)?

Очень нечасто сепаратистская модель сосуществует с экстремистской, когда приоритет цели религиозного доминирования и сепаратизма не определен, что, к примеру, характерно для террористического движения на территории республики Индии [161, с. 271], особенно в северных её областях. Но рассмотренный случай – это, скорее, исключение, так как север территории Индии – это сфера интересов всех современных супердержав.

Значимыми для криминалистов являются источники финансирования террористических групп как сепаратистской, так и экспансионистской природы.

Террористические группы экспансионистской направленности в первую очередь опираются на собственные финансовые ресурсы, и чем они значительнее, тем на большие размеры финансо-

вых траншей от заинтересованных государств могут рассчитывать рассматриваемые террористы. Неудивительно, что давно установленным фактом является то, что «к началу XXI века по крайней мере 30 террористических кампаний финансировались организованными группами наркоторговцев» [143, с. 46]. О связи террористических групп экспансионистской направленности с организованной преступностью говорилось ранее.

Террористические группы сепаратистской направленности не имеют, как правило, собственных значительных финансовых источников, поэтому особо зависят от выделяемых разведками других государств финансов. Именно это обстоятельство предопределяет неравномерную по интенсивности террористическую активность рассматриваемой группы террористов.

Помимо источников финансирования, кадровой базы и иных рассмотренных элементов, модель экспансионистского терроризма отличается от модели сепаратистского терроризма следующими особенностями:

- общецелевой установкой террористической деятельности (сепаратистские террористические акты выступают приемом оказания политического давления, как правило, в рамках текущей политической ситуации, своеобразное предупреждение о нежелательности политического курса государства; экспансионистские террористические акты выступают приемом реализации политики необъявленной войны);
- размером ущерба, проистекающего из общецелевой установки (сепаратистские террористические акты как средство предупреждения не тяготеют к избыточной кровавости, к которой склонны организаторы террористических актов в рамках модели экспансионистского терроризма);
- психологической поддержкой населения (сепаратистские террористические организации пользуются более высоким уровнем понимания, а порой и притятия, чем экспансионистские, что предопределяет совершенно различные тактики поиска осведомленных о террористических актах лиц);
- адресностью террористических актов (учитывая наличие психологической поддержки у части населения, сепаратистские

террористические организации не склонны к террористической деятельности на территории компактного проживания своего национального меньшинства, экспансионистские же террористические организации совершают террористические акты безадресно, игнорируя социальную и иную стратификацию);

- достаточной предсказуемостью террористической деятельности (учитывая локализацию сепаратистских террористических организаций на территории одного государства, спецслужбам этого государства легче контролировать их деятельность на всех уровнях, контроль же деятельности экспансионистских террористических организаций, за исключением низового уровня, крайне затруднен);

- характером взаимодействия с коррупционной составляющей государства (радикальность и ограниченность ресурсов предопределяет нестабильные ситуативные коррупционные взаимодействия на уровне субъектов государства у сепаратистских террористических организаций; финансовая состоятельность и межгосударственная структура организации – стабильные системные взаимосвязи с должностными лицами достаточно высокого уровня у экспансионистских террористических организаций).

Отдельно отметим, что в силу политической корректности или иной идеологической необходимости СМИ освещают порой деятельность экспансионистских террористических организаций как организаций сепаратистского толка. Так, к примеру, длительная антивваххабитская войсковая операция в Чечне и прилегающих субъектах (1991–2000) выдается исследователями как противодействие сепаратизму, хотя на самом деле все перечисленные выше элементы характеризуют её как противодействие экспансионистской террористической деятельности. Например, известен факт, что в 1996 г. в Могадишо (Сомали) руководителями террористических группировок Судана, Эфиопии, Сомали, Йемена было принято решение направить в Чечню до 700 боевиков из перечисленных стран. Было ли реализовано данное решение в открытых источниках информации нет, однако мы склонны к презумпции реальности деятельности террористических групп, поэтому уверены, что она реализована была. Да и высказывания типа: «России

как национального государства никогда не было... Мы будем сражаться на полях, в горах и на море. Вдоль и поперек, в Поволжье, на Урале и в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке» [21, с. 44], четко позиционирует данное противодействие как антиэкспансионистское. Конечно, с точки зрения военной науки в вооружённых силах России войсковые операции проводят только формирования типа объединение и корпус, однако выдавать антиваххабитскую операцию в Чечне за полицейскую акцию просто смешно.

В завершение еще раз отметим, что участие иностранных разведок в террористической деятельности – это не мифическая разновидность международного терроризма – государственного терроризма, а естественная составляющая любой террористической деятельности, что порой необходимо учитывать в процессе расследования. И пусть современная международная практика игнорирует прецедент, устанавливающий ответственность правительства государства за совершение террористических актов руками завербованных или используемых правительственными учреждениями террористов или террористических организаций [1], тем не менее факты участия в террористической деятельности иностранных разведок подлежат обязательному установлению. Упомянутые факты содержательно сводятся к следующим формам террористической активности:

- «– совершение террористических актов сотрудниками спецслужб;
- использование государством в этих целях агентуры, наемников, банд, организованных, вооруженных и руководимых представителями государства;
- оказание государством финансовой и материальной помощи террористам;
- предоставление государством своей территории для размещения, подготовки и тренировки террористов;
- предоставление государством безопасного убежища террористам до или после совершения ими преступлений на территории других государств» [111, с. 12].

Организация террористической группы с учетом сказанного достаточно типична и включает в себя ряд уровней. Верхний уро-

вень – это уровень кураторов (заказчиков), уровень разведок и банкиров. Неудивительно, что правосудие редко имеет дело с представителями этого уровня. Хотя наказание финансиста К. Чэннела, признанного виновным в «участии в заговоре с целью обмана правительства США», и кадрового сотрудника ЦРУ США Алана Дейла Файерса по делу Иран-контрас создало достаточно привлекательный прецедент.

Второй структурный уровень – это лидеры террористических группировок и их советники. Учитывая, что деятельность террористических групп тесно связана с политикой, представители этой группы также редко предстают перед судом. Здесь достаточно вспомнить убийство Д. Дудаева (Нохчийн Республик Ичкери) в 1996 г., А. Масхадова (Нохчийн Республик Ичкери) в 2005 г., Абу Мусаб аз-Заркавив («Аль-Каида») в 2006-м, Ш. Басаева (Нохчийн Республик Ичкери) в 2006-м, Абу Айюб аль-Масри («Аль-Каида») в 2010-м, Усама бен Ладена («Аль-Каида») в 2011-м, А. Мансура («Талибан») в 2016-м, Абу Бакр аль-Багдади («Исламское государство») в 2019-м.

Третий структурный уровень представлен полевыми командирами, особенности личности которых изучены недостаточно и в отношении которых также явно недостаточно статистических данных.

Четвертый структурный уровень представлен рядовыми членами террористических организаций. Именно данный уровень и исследуется в рамках современных изысканий и через его призму воспринимается **криминалистическая характеристика современного терроризма**.

Как это ни парадоксально, но устойчивого и системного интереса к изучению личности преступника-террориста сегодня не существует. Так, в частности, «в 2011 г. исполняющий в то время обязанности директора ГНЦССП им. В.П. Сербского Минздравсоцразвития России З.И. Кекелидзе отмечал, что отсутствует государственное финансирование проведения исследований психики террористов» [68, с. 58].

Проводимое исследователями изучение личности террориста традиционно сопровождается теми же методологическими ошиб-

ками, что и исследования личности преступника, личности осужденного и т. д. К числу этих ошибок мы относим прежде всего ориентирование на предельно усредненную фигуру личности террориста; слабое использование типологического подхода и частую неконкретность и неизмеряемость факторов, на основании которых происходит типизация.

Проведенное Д. В. Сочивко (рисунок 3.1) исследование о соотношении нормы Вальнефера и типовых цветовых профилей, характерных для заключенных в целом и для лиц, осужденных за терроризм, дало очень интересные результаты [80, с. 97]. Отметим, что «норма Вальнефера» представляет собой усредненный цветовой выбор, к которому тяготеют выборы испытуемых при использовании восьмицветового теста Люшера, прошедших длительное психотерапевтическое лечение по методу аутогенной тренировки Шульца. Цветовое предпочтение, к которому тяготеют осужденные в целом и осужденные-террористы, значительно отличаются от нормы Вальнефера, но крайне слабо отличимо друг от друга. Сказанное на первый взгляд можно трактовать так, что личность террориста является аналогом усредненной модели личности осужденного в целом, что террорист – это среднестатистический преступник. Естественно, согласиться с этим сложно.

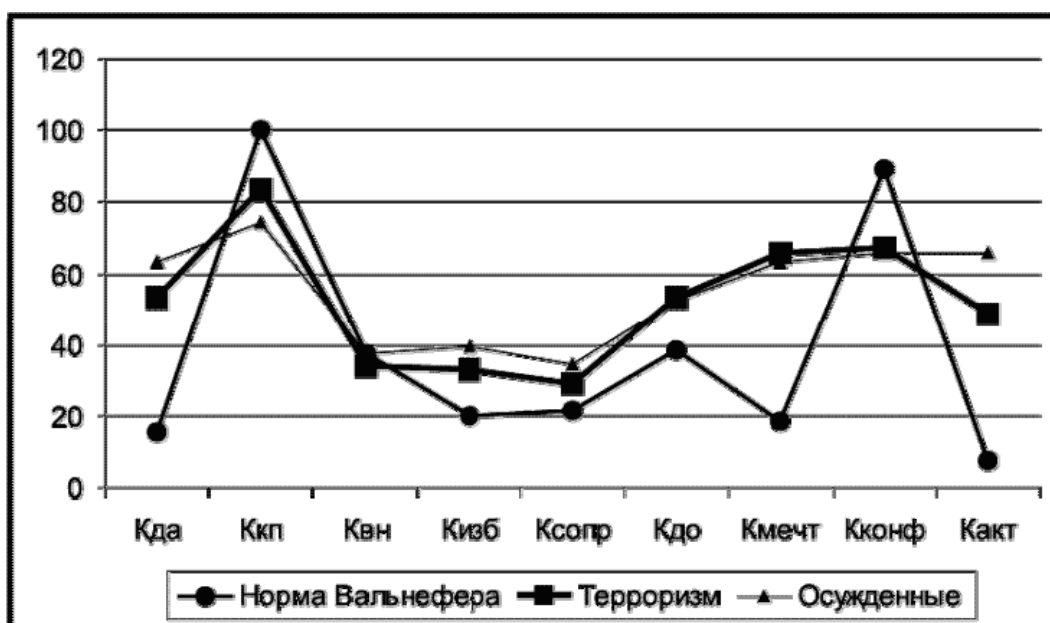

Рисунок 3.1 – Выявленные Сочивко Д. В. отличия профилей цветового выбора по Люшеру

Почему же профиль типичного террориста совпал с профилем типичного осужденного? Объяснить это просто. Если мы на обобщённом уровне будем исследовать средние показатели у различающихся групп исследуемых объектов, то получим модель усредненную, совершенно не имеющую практической ценности. Когда мы говорим о противодействии преступности, не важно – террористической, коррупционной или серийной сексуальной, необходимо говорить не об усредненной модели, а о моделях типовых. В противном случае мы рискуем получить вывод, что террористы – это такие же личности, как и все, а изменения в их личности можно наблюдать только в процессе совершения террористического акта [80, с. 8, 9; 128, с. 526]. Конечно, это утверждение очень политкорректно, но оспоримо.

Традиционно отечественная исследовательская мысль часто стремится избегать исследования отдельных типов личности преступников той или иной группы из-за того, что исследование нескольких типов требует многократного увеличения эмпирической базы исследования, а это для современных академических исследователей составляет проблему, так как академические исследования – это исследования в лучшем случае малых коллективов, а как правило, ученых-одиночек. Действительно, одно дело изучить 50 осужденных за терроризм и построить среднюю модель и другое дело – типировать этих исследуемых в три и более группы и тем самым увеличить необходимое количество исследуемых до 150 и более осуждённых в сумме. Однако, несмотря на сложность, только исследование с использованием приема типирования дает практически ценные выводы.

Построив среднюю модель преступника, исследователь никогда не получит четкий и однозначный вывод. К примеру такой, как получен исследователями, изучавшими террористов-одиночек: «процент психически больных террористов-одиночек с религиозной мотивацией минимален» [62, с. 198].

Криминологическая характеристика личности террориста достаточно однозначна. Прежде всего подавляющая часть террористов – мужчины. Заметим, что по данным других авторов доля мужчин среди лиц, совершивших преступления террористической

направленности, достигает только 79 % [11, с. 13], что, конечно, нуждается в уточнении. Объяснить результаты исследования, которые показали участие женщин в террористической деятельности, можно только в рамках встречающейся в практике расследования тенденции относить к понятию «террористические акты» неоправданно большой круг уголовно-правовых событий, маскируемый за понятием «преступления террористической направленности». Необходимо помнить, что понятие «преступления террористической направленности» – это, скорее, не содержательное, а описательное понятие, необходимое для практики корректировки успешности результатов противодействия терроризму в докладах должностных лиц.

Среди лиц, причастных к террористической деятельности, большинство составляют граждане России (95 %), иностранные граждане причастны к террористической деятельности гораздо реже (5 %) [11, с. 13].

По национальной принадлежности участники террористической деятельности составляют: 48 % – русские, 44 % – чеченцы, 1 % – башкиры, 1 % – мордвины, 1 % – аварцы, 5 % – дагестанцы. Как мы видим, распределение частоты встречаемости представителей различных национальностей среди преступников-террористов не соответствует доле этих наций в российской популяции. Однако внятно объяснить это на данный момент очень сложно. Мешает политкорректность. С такой же сложностью столкнулись западные исследователи, пытаясь объяснить, почему «менее чем 2 процента населения афро-карибского происхождения порождают 12 процентов мужчин-заклученных и 19 процентов женщин-заклученных» [129, с. 178].

Отдельно отметим, несмотря на то что в Дагестане проживает более 35 наций, народностей и этнических групп (аварцы – андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, гунзибцы, каратинцы, тиндинцы, хваршины, чамалинцы и цезы; агулы; даргинцы – кайтагцы и кубачинцы; кумыки; лакцы; лезгины; таты; табасаранцы; ногайцы; рутульцы; цахуры; чеченцы-аккинцы, таты) общей численностью более 3 млн человек, допустимо говорить о дагестанцах как о некоей

единой национальной группе. Конечно отметим, что детерминанты принадлежности к конкретной малой нации в рамках дагестанского конгломерата большей части террористов – это цель будущих исследований.

Возрастные характеристики лиц, осужденных за совершение преступлений террористической направленности, по сравнению со средними возрастными показателями преступников, осужденных за иные преступления, отражены на рисунке 3.2.

Рисунок 3.2 – Распределение осужденных по возрасту

Осужденные за террористическую деятельность лица имеют начальное среднее образование 4 %, среднее полное – 48 %, неполное среднее – 19 %, среднее специальное – 25 % и высшее образование имеют 4 %.

На момент совершения первого преступления террористической направленности 71 % не имели судимости, 29 % имели две и более судимости [80, с. 29, 32, 36, 42; 81, с. 186].

Вышеприведенная криминологическая информация о личности террориста также должна быть подвергнута анализу с позиций психологической науки.

Также отметим, что среди мужчин, осужденных за террористическую деятельность, реже чем в среднем встречаются пред-

ставители группы от 20 до 29 лет и чаще – представители группы от 20 до 39 лет (см. рисунок 3.2). Отсюда следует вывод, что личность террориста в меньшей степени подвержена юношеским порывам и анархической организации психики 20-летних.

С другой стороны, радикальная разница частоты встречаемости представителей возрастной группы 30–39 лет между всеми осужденными (27, 1 % случаев) и осужденными за террористическую деятельность (43, 7 % случаев) мало изучена. Известно, что рассматриваемый период – это время переоценки ценностей мужчинами, время поиска себя, самоидентификации, достижения определенных целей в рамках алгоритмов проявления кризиса среднего возраста. Сказанное подтверждается фактом отсутствия судимости почти у трех четвертей осужденных за террористическую деятельность. Таким образом, следует уяснить, что террористическая деятельность – это своеобразная форма самоактуализации, психологического становления и развития асоциальной личности.

Спорный тезис о том, что преступники имеют почти в два раза меньшие результаты прохождения тестов интеллекта, а значит, больше шансов стать преступниками (в основном из-за неспособности выучить правила поведения) в отношении личности террористов не подтверждается, так как уровень интеллекта у них мало отличается от усредненного уровня интеллекта общества, из которого они вышли [129, с. 57]. Скорее, объяснение поведения людей, склонных к совершению преступлений, влекущих массовые жертвы, заключается не в том, что они не понимают закон, а в том, «что они игнорируют закон, ... и большинство из них не собираются жить как-то иначе» [127, с. 8].

Говоря о типологии лиц, совершающих преступления террористической направленности, необходимо всячески избегать ярлыков, несущих элемент морально-нравственного осуждения. Мы полагаем, что ярлыки типа «синдром зомби», «синдром Рэмбо», «синдром камикадзе» [65, с. 191–203] крайне оценочны, передают скорее эмоциональную окраску и содержательно крайне спорны. Так, в частности:

«— камикадзе были готовы идти на смерть из любви к родине, а террористы-смертники руководствуются только чувством ненависти и мести;

— синтоистская религия не обещает никакой награды в загробном мире после смерти, а исламским шахидам обещают рай после смерти;

— камикадзе были добровольцами, движимыми исключительно чувством патриотизма, а террористы-смертники часто вербуются лидерами боевиков, которые предлагают деньги их семьям» [46, с. 155].

Также спорны классификации, в которых трудно провести грань между типами террористов. К примеру, нецелесообразно выделять среди последних такие типы:

— беспомощный террорист (ждущий помощи извне и надеющийся таким образом разрешить свои внутренние проблемы);

— зависимый террорист (обвиняющий во всех своих бедах окружающую действительность);

— террорист-фанатик (несмотря ни на что, отстаивает свою позицию);

— слабовольный террорист (угнетён и недоволен своим социальным статусом);

— непонятый (никем) террорист (продолжает совершать свои деяния снова и снова);

— сентиментальный террорист (несмотря ни на что, ему жалко своих жертв, «плачущий убийца») [80, с. 105].

В самом деле, разве беспомощный террорист в большинстве случаев не является носителем свойств, приписываемых сентиментальному террористу, а террорист-фанатик не включает в структуру своей личности такие свойства, как непонятость и зависимость? Вероятно, понимая это, те же авторы дают принципиально иную типологию личности террориста, выделяя такие типы:

■ «Типичный участник террористической деятельности». У этого типа хорошо выражен социально-психологический портрет по всем трем группам. Таких людей большинство (75 %). Наиболее существенными отличительными их особенностями являются исполнительность, наличие сверхценных идей, непосред-

ственно запускающих механизм агрессии, избегание ответственности. Возможно, это тип обычного исполнителя;

- «Ярко выраженный тип участника террористической деятельности». У этого типа личности все черты социально психологического портрета выражены почти предельным образом. Наиболее существенными отличительными особенностями являются агрессивность, усиление сверхценных идей, осторожность, отсутствие склонности избегать ответственности. Таких представителей 12 %. Возможно, этот тип характерен для террористических лидеров не самых высших звеньев;

- «Аморфный тип». К этому типу относятся все лица с самыми разными психологическими свойствами (13 %). Возможно, это люди, случайно примкнувшие к террористической деятельности» [80, с. 57].

На первый взгляд в приведенной типологии «ярко выраженный тип участника террористической деятельности» отличается от «типичного участника террористической деятельности» только большей степенью (количественной) выраженности негативных свойств. Однако это не так. Взяв за основу вышевыделенные типы террористов, мы соотнесли их уникальные характерологические особенности с акцентуированными типами личности. Еще одним основанием взять данную типологию за основу является её признанность, хотя и некоторая вариативность [30, с. 126].

Под акцентуацией здесь и далее мы будем понимать гипертрофированность в структуре характера лица определенных типовых личностных свойств. Вопросы генезиса преступного поведения в контексте психотипологических особенностей личности мы рассматривать не будем, так как дискуссия о доминанте биологического или социального в структуре преступного поведения в последнее время целенаправленно обходится стороной [154, с. 21].

В отечественной научной литературе типовая модель преступника, совершающего террористические акты, в общих чертах очерчена. Так, мы полностью согласимся с тем, что «наиболее типичный психологический вариант террориста – это сильно невротизированный и экстравертированный холерик» [81, с. 187]. Именно этому описанию соответствуют такие типы акцентуиро-

ванной личности, как эпилептоиды и истероиды. Исследование личности террориста показало, что профиль личности большинства из них соответствует именно названным двум акцентуированным типам. Подробное описание акцентуированных типов, статистически часто встречающихся среди лиц, совершающих террористические акты, изложено в приложении В.

Склонность лица к тому или иному типу устанавливалась по совокупности жизненных выборов, демонстрирующих типовые черты характера представителя той или иной разновидности акцентуации личности, подвергнутых анализу в рамках биографического метода по алгоритму В. Л. Юаня [29, 104, 105].

Из 124 проанализированных лиц признаки доминирующей истероидной акцентуации выявлены у 41, признаки доминирующей эпилептоидной акцентуации – у 59, признаки доминирующей параноидной акцентуации – у 11, признаки остальных типов акцентуации выявлены у 13 человек (рисунок 3.3). Таким образом, особенности личности террориста позволяют отнести её к одной из четырех групп.

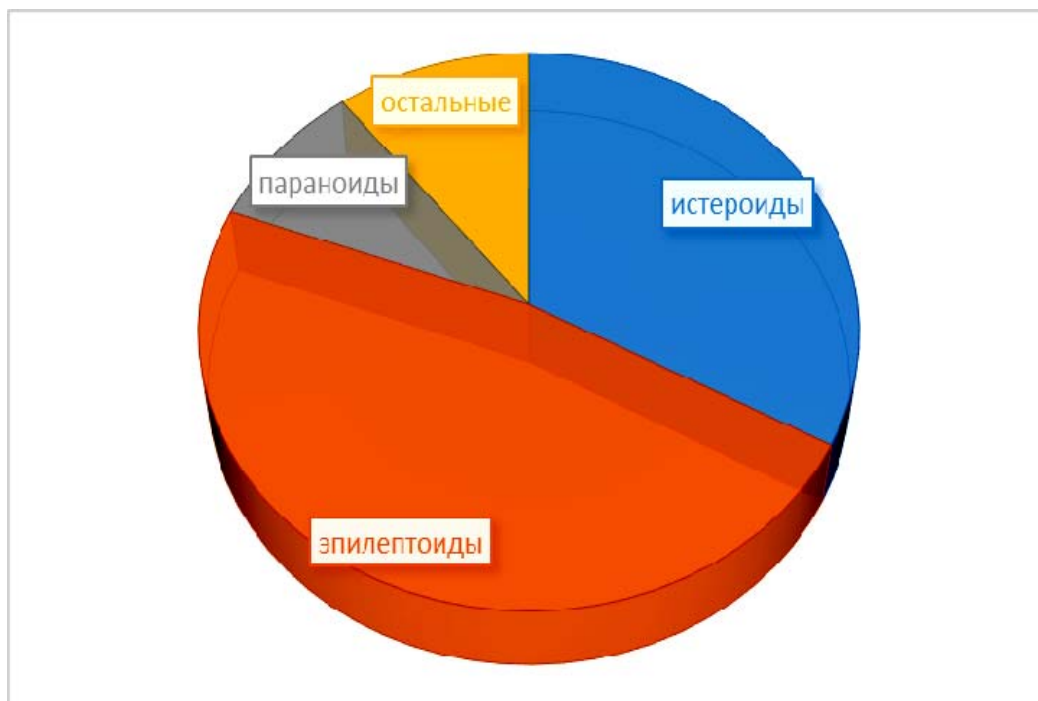

Рисунок 3.3 – Распределение частоты встречаемости различных типов с доминирующей акцентуацией среди лиц, совершивших террористические акты

Сразу оговоримся, мы не считаем, что психологический тип предопределяет неизбежность асоциальных форм поведения. Никто не оспаривает «свободу воли, как права в рамках морального выбора быть хорошим или плохим, закрепленного практически во всех религиозных конфессиях и уголовных законах, как «моральный выбор» [134, с. 93]. Психологический тип предопределяет не само асоциальное поведение, а форму, в которой оно будет выражено. В различных группах эта форма асоциального поведения имеет нюансы.

Первая группа – террористы с доминирующей истероидной акцентуацией в структуре личности, имеющие ярко выраженное стремление сверхдемонстративности, то есть желания быть в центре внимания. Истероидная составляющая терроризма предопределяет существование этого явления как театра, так как истероиды очень любят участвовать в постановочных шоу, начиная от шествий и заканчивая трансляциями смертных казней. Истероиды как наименее морально устойчивый тип с удовольствием привлекают к террористической деятельности детей и жертвуют ими при совершении террористических актов.

Вторая группа – террористы с доминирующей эпилептоидной акцентуацией в структуре личности, имеющие ярко выраженную повышенную импульсивность, слабый контроль своих влечений и побуждений. Неудивительно, что несмотря на то, что 92 % участника террористической деятельности не признают себя наркома-нами, согласно материалам уголовных дел более 20 % участников террористической деятельности употребляли наркотические препараты либо до совершения преступления, либо после [80, с. 40]. Эпилептоиды как представители типа, сконцентрированного на идее доминирования, склонны унижать своих жертв, оказывать на них психическое и физическое воздействие, практиковать пытки.

Не стоит полагать, что представители истероидной и эпилептоидной групп склонны к реализации абстрактных, высоких идей в рамках достижения своих террористических целей. Сверхценные идеи, кроме, пожалуй, избыточной самовлюбленности, для этих типов не свойственны. Почему же этих людей считают фанатиками не только обыватели, но и некоторые исследователи? Про-

исходит это в силу демонстрируемой и реализуемой рассматриваемыми типами агрессивности, доходящей до жестокости. Однако жестокость является не признаком сверхценных идей, а выступает проявлением того, что «респонденты с высоким уровнем агрессивности считают для себя приемлемым большинство видов противоправных действий» [102, с. 9].

Рассматриваемый тип террористов жесток потому, что желает быть жестоким. Неудивительно, именно эти два типа из десяти выделяемых составляют количественное большинство в среде террористов, формируя его рядовой (исполнительный) костяк. Описанные психологические типы в наибольшей степени соответствуют ранее рассмотренной модели «типичный участник террористической деятельности», выступая своеобразной «пехотой» террористических сообществ.

Как отмечалось ранее, целесообразно выделять две базовые модели терроризма – модель экспансионистского терроризма и модель сепаратистского терроризма. Функциональное отличие этих моделей предопределяет и их структурное отличие как на уровне организации, так и контингента для них характерного. Ранее говорилось, что сепаратистская модель тяготеет к взаимодействию с местными радикальными сообществами политической, религиозной или социокультурной направленности. Хулиганско-демонстративная природа выступлений представителей этих сообществ предопределяет высокую частоту встречаемости среди их представителей лиц с выраженным преобладанием истероидной акцентуации. Неудивительно, что и в среде сепаратистских террористических организаций встречаемость представителей истероидной акцентуации выше, чем в среднем в террористических организациях. Сказанное, кстати, понижает опасность рассматриваемых организаций ввиду повседневной трусости как одного из системообразующих свойств в структуре личности истероида, его склонности к агрессии в основном в отношении более слабых лиц и в ситуациях «загнанности в угол».

Радикально-наступательная политика экспансионистских террористических организаций предопределяет более высокую по сравнению с террористическими организациями в целом частоту

встречаемости в их рядах лиц с преобладающей эпилептоидной акцентуацией. Сказанное повышает опасность рассматриваемых организаций ввиду склонности к периодической жестокости в отношении неопределенного круга лиц как одного из системообразующих свойств в структуре личности эпилептоида, его развитой способности к существованию в жестких иерархиях, готовности доказывать окружающим свою доминирующую над ними природу, которая сосуществует с высокой исполнительностью.

Стремление к избеганию ответственности, свойственное представителям как истероидной, так и эпилептоидной акцентуации, предопределяет быстрое накопление панических настроений в среде «типичных участников террористической деятельности», их дезориентацию в условиях резкого изменения обстановки и потерю управляемости в террористической группе, наступающие после потери командного состава.

Представители истероидного и эпилептоидного типов в рамках террористических движений особенно опасны при сложившейся командирской вертикали и не могут составлять конкуренцию правительственным силовым структурам в условиях разрушенной командирской вертикали. Кстати, именно в этом отличие партизанских формирований от террористических, в партизанских формированиях уничтоженная командирская вертикаль быстро оперативно дублируется, в террористических – это процесс длительный и сложный.

Третья группа – террористы с доминирующей параноидной акцентуацией в структуре личности, имеющие ярко выраженную направленность на реализацию сверхценной идеи. Параноид – тип фанатика, ниспровергателя зла, борца за всеобщее человеческое счастье без оглядки на желание «спасаемого» человечества. Ярко индивидуализирующие свойства, придающие параноиду ощущение целостности личности, – это психологическая готовность пожертвовать всем ценным, что имеется, во имя достижения цели. Параноиды, в отличие от эпилептоидов и истероидов, осознанно жестоки, жестокость для них – это средство, а не цель. Описанный психологический тип в наибольшей степени соответствует рассмотренной ранее модели «ярко выраженный тип участника тер-

рористической деятельности». Неудивительно, что параноидные личности наиболее эффективно реализуют себя в оперативном управлении террористическими группами, образуя уровень эффективных полевых командиров.

Действия добровольческих карательных формирований на Украине (24-й отдельный штурмовой батальон «Айдар», добровольческий батальон территориальной обороны «Донбасс», партизанский отряд «Равлики», рота патрульной службы милиции особого назначения «Торнадо») показали их полную несостоятельность именно ввиду слабой организации командирской составляющей. Сравните деятельность перечисленных образований с деятельностью партизанского отряда «Тени», координируемого Александром Гладким, выраженным представителем параноидного типа. Ни эпилептоиды, ни истероиды не могут эффективно управлять малыми псевдовоенными формированиями, ведущими диверсионную и контрдиверсионную деятельность. Идеологи и организаторы террористических сообществ давно поняли это и реализуют практику руководства малыми группами именно лицами с ведущей параноидной акцентуацией характера.

Носители параноидной акцентуации личности малоспособны к компромиссам и не чувствуют вины за содеянное. Наглядным примером может быть фраза И. Амира, члена экстремистской организации «Эйяль», убившего премьер-министра Израиля И. Рабина: «Я не раскаиваюсь в своем поступке, я действовал в одиночку и исполнял волю Бога». Понятно, что с точки зрения устойчивости террористической группы командир с параноидной акцентуацией личности – наиболее эффективный выбор.

Четвертая группа является своеобразной сводной, незначимой по частоте встречаемости группой лиц, которые:

- либо входят в террористические группы, но не исполняют основные её функции;
- либо реализуют специфические функции в террористическом движении, напрямую не входя в конкретные террористические сообщества;
- либо представляют собой террористов вышеописанного «аморфного типа», заслуживающих отдельного исследования.

Говорить о полноценной типологической группе в рассматриваемом случае крайне сложно по ряду причин:

- именно под представителей аморфного типа мимикрируют контролеры от спонсоров и кураторов террористической группы;
- в эту группу могут входить внедренные агенты контрразведки страны, на территории которой действует террористическая группа;
- в эту группу могут входить лица, становление которых террористами произошло в силу уникального стечения обстоятельств (например, семейных традиций);
- в этой группе могут находиться лица, которые вошли в нее под угрозой себе или своим близким, то есть с психологической точки зрения, являющиеся террористами весьма условно;
- незначительное количество представителей этой группы характеризуются психическими отклонениями клинической природы;
- часто статистику аморфного типа террористов «увеличивают» террористы-одиночки типа А. Брейвика (организатора и исполнителя взрыва в центре Осло и нападение на молодежный лагерь правящей Норвежской рабочей партии 22 июля 2011 г., в результате которых погибло 77 человек и 151 получили ранения) с выраженными акцентуированными шизоидными личностными характеристиками [54];
- в эту группу могут входить лица, действительно характеризующиеся конформной акцентуацией.

Учитывая, что представители аморфного типа составляют в среднем около 10 % лиц, причастных к террористической деятельности, точные исследования, опирающиеся на достаточную эмпирическую базу, ждут нас только в будущем. Таким образом, аккумулируя в себе слишком разнородные типы преступников, «аморфный тип» личности террориста выступает как своеобразная статистическая погрешность в исследованиях криминалистической характеристики современного терроризма.

Однако специфическим распределением представителей акцентуированных типов криминалистическая характеристика современного терроризма не исчерпывается. Личность террориста –

феномен гораздо более сложный, нежели акцентуация личности, его образующая. Значительная составляющая феномена личности террориста заключается в природе его десоциализации.

Отметим отдельно, что психологические особенности работников отдельных подструктур террористических организаций могут иметь выраженную «творческую» составляющую, что обуславливает их нетипичность по сравнению с ранее рассмотренными типовыми образами террористов. Это можно сказать о подструктурах террористических сообществ, направленных на вербовку в Интернет-пространстве контингента, отвечающего требованиям, приведенным выше. Отношения работников в таких подструктурах и распределение ролей, психологический портрет таких лиц только недавно стал объектом научного исследования [94, с. 111].

Любой преступник по природе своего мировосприятия, а может и природе в целом, неспособен или понимать социальные запреты, или соблюдать их. Неважно, речь идет о лице, крадущем кошелек или средства из госбюджета, об убийце, коррупционере или насильнике. Преступники не могут жить в рамках социума в целом, но создавая свой микросоциум (социум уголовного мира) пусть и под угрозой жестокого наказания и смерти, они способны соблюдать правила этого микросоциума. Таким образом, можно говорить о специфической социализированности представителей криминалитета.

«Обобщенная черта личности террориста это его, если можно так выразиться, «принципиальная десоциализированность». Если обычный преступник десоциализирован в обществе, то тюрьма ему «дом родной» или даже что-то вроде «университета» преступной жизни. Террорист десоциализирован везде» [80, с. 48]. Сказанное очень наглядно демонстрирует грань между личностью преступника (усредненного) и личностью террориста.

Контркультура терроризма – это культура одиночек. Но не одиночек интровертного типа, взаимодействие с окружающими для которых представляет собой несколько энергозатратную деятельность. Не является также контркультура террористов культурой психопатов, садистов и психически неадекватных лиц.

Контркультура терроризма – это культура одиночек выраженного экстравертного типа, пропагандирующих элитарность, проистекающую из высоких идеалов, но неспособных иметь какие-либо идеалы даже в обычной жизни в силу крайне ярко выраженного индивидуализма, достигающего клинических форм.

ГЛАВА 4

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В противодействии террористической деятельности можно выделить два достаточно автономных уровня: стратегический и тактический.

Стратегия противодействия террористической деятельности

Стратегический уровень противодействия терроризму базируется на понимании того, что современный терроризм – это способ влияния одного государства или государств на другое государство или государства. В контексте этого можно смело утверждать, что жертвами террористической деятельности выступают политически слабые государства или государства, испытывающие текущие политические трудности. Сильное государство не позволяет иным государствам диктовать свою волю. Несогласные с этим тезисом могут ознакомиться со статистикой террористической деятельности в Китайской Народной Республике, или Корейской Народно-Демократической Республике, или Великобритании. На территории последней в наши дни, конечно, фиксируют деятельность, схожую с террористической, но она:

- либо явно носит сомнительный постановочный характер (дело Скрипалей 2018 г.);

- либо направлена на представителей иных стран (напомним в качестве примера, что самая большая по числу жертв серия взрывов в Лондоне в 2005 г. произошла в первый день саммита большой восьмерки и, кстати, была лишь первым терактом, осуществленным смертниками в Западной Европе);

- либо носит явно режиссированный и неестественный характер (как наезд на пешеходов около парламента в Лондоне в 2018 г., наезд на пешеходов на Вестминстерском мосту и убийство полицейского ножом в том же году, наезд на пешеходов на Лондонском мосту в 2017 г.) и приурочен к выборам.

А ведь в литературе отмечалось неоднократно, что террористический акт с использованием взрывчатых веществ – эффективен, эффектен, безопасен для террористов, не требует серьезных финансовых инвестиций, не нуждается в специальных знаниях [110, с. 57]. Ответ на вопрос, почему же в Великобритании террористы перестали совершать террористические акты с использованием взрывов, очевиден.

Стратегия противодействия террористической деятельности – это комплекс мер внутренней политики, направленный на преодоление причин, влияющих на террористическую активность. Рассматриваемые причины можно объединить в несколько групп.

Группа политических причин, характерных для всех стран, содержательно сводимая к совокупности следующих факторов:

- «произвольное недопущение правящей элитой широких слоев населения (или их представителей) к участию в открытой политической деятельности;
- репрессии со стороны правящей элиты (высших должностных лиц государства или региона) по отношению к оппозиционным политическим партиям (движениям);
- опыт «победоносных» промарксистских или профашистских, религиозных или этнических вооруженных движений в истории этого государства или за его пределами;
- навязывание правящей элитой нетрадиционных для данного общества (или прямо чуждых ему) социально-политических нововведений;
- обострение политических конфликтов внутри самого государства, вызванных политическими мероприятиями (например, выборами главы государства, парламента или региональных властей);
- столкновение политических интересов двух государств в отдельном регионе;
- грубейшие ошибки в национальной политике, допускаемые правительством;
- неуважение к языку, культуре людей другой национальности, особенно если это происходит в отношении лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам;

– целенаправленное разжигание национальной розни отдельными людьми или группами, партиями (движениями);

– агрессия в отношении другого государства и его оккупация в большинстве случаев влечет за собой вооруженное сопротивление мирного населения (партизан), использующего террористические методы (взрывы важных объектов, поджоги и т. д.);

– поощрение терроризма на уровне государственной политики, как это делали Ливия, Иран, Ирак, Афганистан;

– обострение межнациональных отношений на почве подавления прав малого народа со стороны доминирующей нации, здесь в качестве примера может выступать террористическая деятельность Рабочей партии Курдистана в Турции;

– недовольство деятельностью правительства иностранного государства, в связи с чем совершаются террористические акты против его представителей и учреждений» [44, с. 19–20].

Группа политических причин, характерных для нашей страны, содержательно сводимая к совокупности следующих факторов:

– деятельность экстремистских партий, движений, фронтов и организаций;

– преступная деятельность криминальных сообществ;

– утрата государством контроля над управлением;

– распространение правового нигилизма;

– переход в криминальные структуры профессионалов из специальных служб, правоохранительных органов и министерства обороны;

– проникновение в Россию и деятельность на ее территории зарубежных экстремистских (террористических) организаций и религиозных сект;

– открытость российских границ и приток на территорию беженцев из стран СНГ и соседних государств;

– негативное влияние средств массовой информации;

– отсутствие государственно-образующей идеологии.

Группа экономических причин, предопределяемых совокупностью следующих факторов:

- «формирование в государствах «второго» и «третьего» мира корпоративно-плановых структур, монополистических объединений, зависимых от транснациональных корпораций;
- нищета, традиции бюрократизма и докапиталистической эксплуатации;
- гегемония мирового корпоративного капитала, давящего экономику стран «второго» и «третьего» мира, разрушающего их природу, развращающего местную элиту».

Группа социально-психологических причин, предопределяемых совокупностью следующих факторов:

- «столкновение мировоззренческой позиции индивида с политическим устройством или режимом правления в стране;
- несогласие с существующей, по мнению террориста, в государстве несправедливостью;
- недовольство происходящими изменениями в обществе и государстве;
- религиозная нетерпимость (религиозный фанатизм);
- политическая или идеологическая нетерпимость к другим политическим воззрениям;
- националистическая нетерпимость (национализм, расизм);
- присутствие в обществе одной идеологии, особенно тоталитарного типа, не допускающей какого-либо постороннего насилия кроме государственного;
- преобладание надежд на радикальные положительные изменения жизни общества в массовой психологии современного населения России;
- утрата определенными слоями российского населения надежды на значительное улучшение своего материального положения и повышение своего статуса в ближайшем будущем, рождающая потребность в психической компенсации дискомфорта» [45, с. 21].

Более подробное противодействие терроризму на стратегическом уровне явно выходит за пределы нашего исследования, так как определяется силой власти в государстве. Сильное государство терроризма не боится, потому что иные государства опасаются координировать террористическую деятельность на его терри-

тории. Неудивительно, что основная научная дискуссия о способах противодействия террористической деятельности на стратегическом уровне сводится к спору о целесообразности использования вооруженных сил против терроризма [46, с. 204].

Как видно, алгоритм эффективного противодействия террористической активности содержательно совпадает с алгоритмом построения идеального государства, поэтому стратегическое направление противодействия террористической деятельности значимо, но исследовательский акцент необходимо сосредоточить на тактической составляющей противодействия террористической деятельности.

Тактический уровень противодействия террористической активности

Тактический уровень противодействия террористической активности представлен тремя блоками:

- правоохранительной деятельностью, препятствующей террористической активности;
- профилактикой террористической активности;
- предупреждением террористической активности.

Алгоритмы правоохранительной деятельности прежде всего предопределяются криминалистическими способами эффективно-го расследования конкретных видов преступлений. Криминалистическая составляющая традиционно нашла адекватное отображение в современной научной литературе.

Общие вопросы природы предупреждения и профилактики преступности. Разработка мер предупреждения и профилактики преступности и отдельных преступлений – конечный результат и показатель эффективности всех исследований сложного феномена преступности.

В учебной литературе термины «предупреждение» и «профилактика» зачастую трактуются как идентичные, но вряд ли такое положение можно признать удовлетворительным.

Термин «предупреждение» относится к воздействию на лиц, готовящих или уже совершивших преступления, на нейтрализацию причин и условий совершения конкретных преступлений,

а «профилактика» – термин, обозначающий защиту личности и общества от преступных посягательств.

Профилактика преступности – это система мер воздействия на широкий круг лиц в целях минимизации уровня преступности, нейтрализации ее детерминант и защиты от преступлений личности, общества и государства.

В структуре профилактики преступности, по мнению ученых, можно выделить три ее вида: общая профилактика преступности, специальное (групповое) предупреждение, направленное на определенные группы лиц, и индивидуальная профилактика, объектом воздействия которой является конкретное лицо.

Общая профилактика в своем содержании представлена комплексом мер с достаточно размытой, слабоформализуемой составляющей. В некоторой степени можно утверждать, что общая профилактика есть политическая составляющая противодействия преступности.

Индивидуальная профилактика может выступать объектом научного исследования разве что на уровне методологическом: предмет, задачи, принципы, методы, так как объектом научного исследования могут являться только закономерности, а не частности. Правда, не исключается целесообразность использования достаточно общих алгоритмов в виде разработанных инструкций в рамках индивидуальной профилактики.

В силу сказанного представляется, что наибольший ценностный потенциал имеет специальное (групповое) предупреждение преступности.

Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в ст. 5 говорит о том, что субъектами профилактики правонарушений являются:

- 1) федеральные органы исполнительной власти;
- 2) органы прокуратуры Российской Федерации;
- 3) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;
- 4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;

5) органы местного самоуправления.

Первоначальный вариант законопроекта «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (2011 г.) в ст. 8 в качестве субъектов системы профилактики правонарушений в РФ определял:

1) федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и их должностные лица, а также подчиненные им учреждения, организации, службы, осуществляющие в пределах своей компетенции, в том числе на основе норм настоящего Федерального закона и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и нормативных правовых актов органов местного самоуправления, профилактику правонарушений;

2) юридические лица, участвующие в системе профилактики правонарушений по согласованным с органами государственной власти и органами местного самоуправления направлениям профилактической работы либо по собственной инициативе в пределах и формах, определяемых законодательством в сфере профилактики правонарушений в соответствии с компетенцией и уставными задачами;

3) физические лица, участвующие в системе профилактики правонарушений в пределах и формах, определяемых законодательством в сфере профилактики правонарушений.

Вообще субъект правовой деятельности – это участник общественных отношений, обладающий определенными правами и обязанностями, которыми он наделен в связи с необходимостью выполнения определенных функций. В вышеупомянутом законе определены субъекты профилактики правонарушений и лица, участвующие в профилактике правонарушений. Лицам, общественным объединениям и иным организациям в статьях 13 и 14 также предоставлены права и обязанности.

В зависимости от вида предупредительной деятельности различают субъектов общего предупреждения преступности, специального и индивидуального предупреждения и профилактики преступлений. Субъектами общего предупреждения может быть

широкий круг государственных и негосударственных учреждений и организаций, общество в целом.

Субъектами специального (группового) предупреждения являются правоохранительные органы, государственные и негосударственные организации, общественные организации, фонды и ассоциации.

Субъектами индивидуального предупреждения и индивидуальной профилактической работы с потенциальной жертвой могут быть участковый уполномоченный полиции, представители органов опеки и попечительства, школьный психолог, работник центра психологической помощи и др.

По объему полномочий выделяют специализированные субъекты предупредительной деятельности и неспециализированные субъекты. К специализированным относят тех субъектов, у которых функция предупреждения преступности является основной либо профилирующей. К ним относятся ФСБ и его подразделения, Следственный комитет и его региональные управления и отделы, органы внутренних дел, прокуратуры, суда, юстиции, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной службы исполнения наказаний, подразделения Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и др.

Соответствующие функции указаны непосредственно в законодательных актах. Так, ст. 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» в числе основных направлений деятельности указывает предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. Статья 8 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» гласит, что деятельность органов федеральной службы безопасности осуществляется, в том числе, и в направлении борьбы с преступностью.

К неспециализированным субъектам возможно отнести различные учреждения и организации (как государственные, так и негосударственные), которые в процессе своей деятельности также могут участвовать в предупреждении преступности в целом и в профилактике отдельных преступлений. Это и общественные организации, и фонды, религиозные объединения, частные охранные

предприятия и службы безопасности, средства массовой информации, отдельные граждане, коллективы по месту работы или учебы и т. п., что также подтверждается законодательно, например Федеральным законом от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Отметим, что негосударственные организации эффективно достигают своих целей благодаря гибкости и мобильности, свойственной децентрализованным системам. В свою очередь эффективность государственных организаций может предопределяться централизованностью и системностью воздействия.

Профилактика террористической активности

Профилактика террористической активности преступлений может быть представлена комплексом мероприятий, направленных на решение рассматриваемой задачи, а именно:

- использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном поведении граждан с помощью сервисов доверия;
- антикриминальная пропаганда преступлений террористической направленности;
- виктимологическая профилактика террористической активности;
- разработка планов противодействия террористической активности на гражданских объектах;
- практика контроля общественных организаций;
- система контроля населения и система финансовых санкций для лиц, причастных к террористической деятельности.

Использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном поведении граждан с помощью сервисов доверия

Без сомнения, в той или иной степени функцию профилактики преступлений правоохранительные органы реализуют. Однако профилактический потенциал правоохранительных органов напрямую зависит от объема имеющейся информации, актуальной для целей профилактики. Именно информационный аспект является «ахиллесовой пятой» профилактики «сложных» преступлений.

Неудивительно, что, например, одной из причин неспособности госслужб США противодействовать террористической активности американцами видится в неэффективности выявления потенциальных террористов [127, с. 41].

Необходим механизм внесения в базы данных информации, поступающей от граждан об асоциальных действиях иных граждан. Оптимальными формами могут выступать:

- заполнение специальных форм в отношении конкретного лица на специальных Интернет-ресурсах. В целях эффективной последующей обработки данных оптимально использовать шаблоны (предусмотренные варианты) с перечислением асоциальных форм поведения. К примеру, вариант «агрессивное поведение лица» предполагает выбор между агрессивным поведением безадресным (разрушение предметов) или адресным (в отношении конкретного лица). Адресное агрессивное поведение может варьироваться в формах словесной, физической или смешанной агрессии;

- изложение информации об асоциальных действиях по телефону с выбором озвучивая оператором (системой) вариантов форм агрессивного поведения.

В предстоящих исследованиях необходимо разработать алгоритм оценки личности, в отношении которой в базу данных будет вноситься информация о совершенных ею асоциальных действиях. Как определить, является ли рассматриваемая личность ситуационно асоциальной или асоциальность может быть признана свойством этого лица? Вероятно, на данный вопрос можно дать два ответа, каждый из которых имеет свою логику.

В первом случае возможно присвоить каждому асоциальному действию условную оценку – число – назовем его условно «пункт асоциальности». Суммирование результатов оценки всех форм девиаций покажет уровень социальной опасности лица. Высокий показатель этой опасности должен выступать основанием профилактических действий в отношении рассматриваемого лица или мотивированного отказа от необходимости этих действий. Недостатком данной системы является тот факт, что выраженная экстравертированная личность может набрать большое количество пунктов асоциальности за счет совершения большого количества

разнообразных действий, по сути, не являясь личностью асоциальной. В наибольшей степени это будет свойственно для гипертимного акцентуированного типа (по классификации К. Леонгарда, А. Е. Личко, П. Б. Ганнушкина).

Во втором случае мы используем прогрессивную шкалу условий оценки. К примеру, за первые случаи асоциального поведения лицу присваивается базовое число «пунктов асоциальности». За повторное совершение конкретной формы социального действия лицу присваивают «пункты асоциальности» в кратном размере, по сути, реализуя концепцию рецидива в чистом виде. Недостатком данной системы является тот факт, что лица с определенным комплексом психологических свойств тяготеют к частому совершению определенного вида социальных действий, не будучи личностями асоциальными, со сложившейся деструктивной картиной мировосприятия. Так, выделяемые вышеназванными исследователями эпилептоидный тип тяготеет к агрессии в виде физического воздействия на третьих лиц и их имущество, истероидный – к коммуникативным эксцессам (скандалам, шумным ссорам, оскорблениям), циклоидный – к оскорблениям в разных формах и так далее.

Затронем один момент культуры нашего общества, в целом негативно относящегося к доносам. Сказанное проистекает как из коллективистской природы отечественной культуры, так и из её избыточной интеллигентно-морализаторской составляющей, со скрываемой нелюбовью ко всем институтам государства, а также культурно криминальной составляющей, пусть и искусственно, но также интегрированной в отечественную ментальность. Парадоксально совпадение установок у интеллигенции и криминалитета в негативном отношении к практике информирования правоохранительных органов.

Негативное отношение к доносам, характерное для населения, в целом негативно относящегося к власти, как видно, является категорией скорее субъективной. Доносы – механизм обратной связи населения с государством. Механизм этот необходим, а его целесообразность определяется нормами не общей, а специальной профессиональной этики. Негативное отношение к доносам со

стороны **личности** естественно, позитивное отношение к доносам со стороны **гражданина** естественно не в меньшей степени.

Создание баз данных с использованием современных технических средств – объективный шаг контроля государства за своими гражданами во имя блага последних. Учитывая же, что асоциальность откорректировать на стадии формирования еще возможно, использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном поведении граждан с помощью сервисов доверия на сегодняшний день должно выступать основной формой профилактики любых преступлений.

Вывод. Использование специальных алгоритмов фиксации и анализа информации об агрессивном поведении граждан с помощью сервисов доверия можно считать универсальным.

Антикриминальная пропаганда преступлений террористической направленности в идеале должна быть стратегическим направлением профилактики любого вида преступности. Однако, как обычно, имеется ряд нюансов.

Современное индустриальное общество ориентировано на либеральные ценности, среди которых выделяется свобода информации. Под свободой информации реально следует понимать право личности на получение любой информации, прямо не ориентирующей её (в виде призывов или рекламы) на преступную деятельность. Под свободой информации для значительного числа людей прежде всего понимается получение информации, в лучшем случае спорной с позиции морали и нравственности, в худшем – противоречащей им.

Неудивительно, что, прикрываясь свободой информации, в доступ обывателям предоставляется информация и о преступлениях террористической направленности, но не с точки зрения их критики, а с позиции скрытой рекламы.

Прежде всего фигура «бунтующего преступника» (которая является одновременно реальной и социально сконструированной) может быть даже соотносима с дилеммой «тварь я дрожащая или право имею», очень популярная среди лиц, формирующих ту самую основу террористических движений, которую исследователи называют «группа пассивной поддержки терроризма» [110, с. 90].

Современная массовая культура, главным образом зарубежная, давно сформировала отдельную нишу, посвященную преступлениям террористической направленности с четко обозначенными областями:

- специальные издания вроде журнала «Убийство может быть забавой»;

- сайты в сети Интернет и отдельные Интернет-сообщества. Так, например, некоторые рубрики сайта «Интернет-архив преступности» («Internet Crime Archives») <http://www.mayhem.net/Crime/archives.html> однозначно ориентированы на формирование у посетителя асоциальной установки;

- настольные игры. В качестве примера приведем появившуюся в продаже в начале XXI века настольную игру под названием «War on Terror» от фирмы «TerrorBull Games». Начало партии в War on Terror напоминает самую известную игру про захват территории – Risk: игроки, представляющие мировые империи, аннексируют новые земли, строят города и наращивают военную мощь. Затем происходит неизбежное: интересы империй пересекаются в ключевых, богатых нефтью регионах и начинаются первые вооруженные конфликты. На этом этапе в игру вступает специальная «ось зла», которая случайным образом превращает одну из империй в «злую» и снабжает ее мощными террористическими картами. Справедливости ради отметим, что на пространстве российских Интернет-ресурсов мы нашли только настольные игры с выраженной антитеррористической направленностью;

- открытки и коллекционные предметы;

- комиксы. Комиксы выступают хоть и примитивной, но формой художественного произведения, ориентированной на детей и на лиц, для которых энергозатратно восприятие иных форм текстовой информации. Наглядным примером выступает комикс «Террор. Террор. Террор.»;

- художественные фильмы. Жанр «триллер» давно включил в себя «пугательные» истории противодействия главного героя группе террористов. К счастью, создание образа положительного террориста для Голливуда пока не характерно, однако элементы харизматичности отрицательного героя и некоторой неоднознач-

ности положительного в описываемых фильмах присутствуют достаточно явно (смотрите, например, «Мюнхен» (2005), «Повелитель бури» (2008), «Террорист» (2008)). Можно сказать, что мы находимся на первой стадии формирования асоциальных установок у зрителя. В свое время замена образа отрицательного преступника на условно положительного произошла в отношении серийных преступников. По аналогичной схеме в рамках «окон Овертона» (алгоритма масштабной манипуляции общественным мнением) развивается ломка стереотипов в отношении личности террориста сегодня.

Современная индустриальная цивилизация базируется на пропаганде корысти, насилия и безнравственности. Незаметно именно эти три явления стали системообразующими для мировосприятия среднестатистического обывателя. Информационный прессинг направлен на запугивание обывателя, стимулирования его эгоистического начала, высмеивания ценностей коллективистского общества (образа идеальных родителей, учителей, правоохранителей, правителей и пр.). Средства массовой информации в своей деятельности пытаются воздействовать на элементы негативной природы человека, делая невозможной политику реализации оптимального баланса в воспитании [16, с. 288].

Практика пропаганды социально приемлемого восприятия феномена преступлений террористической направленности в целях профилактики уже продемонстрировала эффективность отдельных направлений этой пропаганды:

- замалчивание картины террористической активности, как показывает и Советская, и современная российская практика, в профилактическом плане достаточно эффективно, в отличие от профилактики замалчивания картины по иным видам преступлений;
- пропаганда, базирующаяся на аморально нравственных составляющих личности террористов, на природе их аморальности и чуждости для нормального человека, как показывает практика ряда европейских и североамериканских стран, является неэффективной в силу не интересности её аргументов для обывателя;

■ наибольшая эффективность пропаганды, ориентированной на профилактику преступлений террористической направленности, достигается, когда речь идет не о чуждости ценностей личности террориста для нормального человека, а о неполноценности личности рассматриваемого вида преступников.

Эффективна антитеррористическая пропаганда, опирающаяся на распространение информации о негативной составляющей личности террориста, об её дефектности, её неполноценности как психологической, так и биологической. Неудачник не может быть образом антигероя и злодея для обывателя, который имеет predisposition к террористической деятельности.

В силу сказанного становится понятным, что антикриминальная пропаганда террористической активности, которая в идеале должна быть стратегическим направлением профилактики рассматриваемого вида преступности, в условиях современного общества либеральных ценностей реализована быть не может, что актуализирует необходимость использования иных форм профилактики рассматриваемых преступлений.

Вывод. Антитеррористическая пропаганда, которая ограничивается воспеванием общечеловеческих нравственных ценностей, недостаточно эффективна. Антитеррористическая пропаганда, которая сводится к высмеиванию образа личности террориста как неудачника, обладает профилактическим потенциалом выше среднего.

Виктимологическая профилактика террористической активности

Виктимологический аспект преступности – крайне проблемная исследовательская сфера. Результаты исследований отечественных криминологов в области анализа жертв терроризма невелики. Не то чтобы не имеют ценности утверждения о том, что «виктимологическая профилактика терроризма – это сложная и многоплановая деятельность, которая призвана обеспечить готовность противостоять терроризму на основе специальных мер воздействия на его потенциальных жертв» [79, с. 29], «террористическая виктимность – это объективная возможность или способность

(«предрасположенность») любого лица, в том числе и юридического, стать непосредственной или опосредованной жертвой терроризма или террористической деятельности» [44, с. 15] и т. п., скорее, проблема в том, что, как правило, дальше поиска методологических основ исследования не идут. А ведь можно утверждать, что именно виктимологический аспект в конечном счете определяет понимание населением степени страданий, пережитых жертвами террористического акта, а следовательно, часто определяет саму эффективность этого террористического акта. Однако мало разработать правовые основы по оказанию обязательной государственной социальной, медицинской, психологической, правовой и иной защиты и помощи жертвам терроризма и террористической деятельности и реализовать их механизм на федеральном [2, 4–6] и региональном [7] уровнях. Необходимо определить адресный комплекс или хотя бы вектор воздействия на жертв террористических актов с целью виктимологической профилактики преступлений террористической направленности.

Адресность исключает общий подход, поэтому виктимологическая профилактика должна быть ориентирована на отдельные группы жертв преступлений террористической направленности. Использование типологического подхода и есть реализация идеи адресности виктимологической профилактики.

Наиболее целесообразной типологией (Ахмедшина Н.В., 2011) жертв мы полагаем их деление на случайных и закономерных жертв с различными формами виктимности. Под виктимностью следует понимать свойство лица, формируемое в процессе социализации и детерминирующее повышенную степень вероятности претерпеть вред от преступных действий.

Виктимность в форме дезадаптации у закономерных пассивных жертв выступает при наличии у них нерациональных моделей поведения как результата особенностей воспитания либо переживаемого психотравмирующего события.

Виктимность в форме анадаптации у закономерных пассивных жертв наблюдается в случае отсутствия у них каких бы то ни было сценариев реагирования на криминальную ситуацию.

Виктимность в форме легкомыслия наблюдается в тех случаях, когда лицо, переоценивая свои способности по урегулированию криминальной ситуации, тем не менее активно стимулирует ее возникновение и развитие, надеясь в любой момент по своему желанию справиться с потенциальными негативными последствиями. Носитель этой виктимности ошибается в своей способности не допустить виктимную ситуацию.

Виктимность в форме агрессии детерминирует криминальную ситуацию путем активного (агрессивно-наступательного) воздействия на преступника, осуществляемого без учета возможных последствий. Носитель этой виктимности ошибается в своей способности выйти из криминальной ситуации без потерь [18, с. 83–98].

На первый взгляд террористический акт направлен на неопределенный круг лиц, именно этим создается атмосфера страха, а жертвы террористического акта в подавляющем большинстве своем относятся к группе случайных жертв. Профилактику случайной виктимности реализовывать трудно, так как её границы установить можно крайне приблизительно. Но это только на первый взгляд.

Действительно, террористический акт направлен на неопределенный круг лиц, но необходимо учитывать, что во времени террористический акт может быть представлен совершенно несхожими стадиями.

Стадия 1. Непосредственный террористический акт – взрыв, поджог, затопление, начальная стадия множественного убийства, захват заложников.

Стадия 2. Развитие негативных последствий террористического акта – распространение обрушений от взрыва, огня от пожара, ликвидация свидетелей массового убийства, взаимодействие террористов с заложниками.

На второй стадии уже можно говорить о закономерных жертвах последствий террористического акта, а значит, и о полноценной виктимологической профилактике террористической активности.

Виктимность в форме адаптации, как в целом и случайная виктимность, преодолевается информированием широкого круга

лиц о наиболее выгодных и безопасных линиях поведения при пребывании в условиях непосредственной террористической угрозы. Государственные службы и работодатели должны обеспечить прохождение широким кругом лиц курсов повышения квалификации, направленных на преодоление или снижение виктимологических рисков в случае совершения террористического акта. Вот пример корпоративного задания для тематических антитеррористических курсов повышения квалификации: «Обучение действиям в рамках защиты от терроризма должно быть адресовано всем участникам на всех уровнях участия, поскольку эти люди являются членами скоординированного подразделения, в котором требуется командная работа. Фонд командной координации – это полное понимание индивидуальных заданий. Обучение поисковых команд может осуществляться без привлечения помощи специалистов; однако органы полиции, а также специализированные консультанты по вопросам безопасности могут оказывать помощь или провести дополнительное обучение. Тренировочные занятия должны включать полное объяснение плана действий как в теории, так и на практике, чтобы обеспечить его эффективность» [110, с. 41].

Отметим, что в силу некоторой консервативности государственных органов из-за свойственной им «инерции-вялости или нежелания меняться, развиваться или действовать, нежелание многих учреждений принять более точные последовательные алгоритмы достижения цели является иллюстрацией этой инерции» [142, с. 23]. Следовательно, повышение квалификации в плане ликвидации и недопущения последствий террористических актов широкого круга лиц должно инициативно исходить больше от общественных, чем от государственных организаций.

Подчеркнем, что виктимность в форме адаптации преодолевается преимущественно простым информированием об эффективных моделях поведения в условиях террористической активности.

Виктимность в форме дезадаптации проистекает из того, что имеющиеся модели поведения, как правило из-за избыточной пассивности, оказываются неэффективными в условиях террористи-

ческого акта. Пусть учения, проводимые МЧС в нашей стране, и раздражают обывателей, но их бесспорную ценность могут подтвердить участники этих учений, сравнивая эвакуацию из учреждения в первый раз и, скажем, раз в четвертый.

Навыки покидания опасного здания, в котором происходит чрезвычайное происшествие, алгоритм поведения под завалами, правила безопасности при обнаружении подозрительного предмета, правила поведения при химической и гидродинамической аварии, правила безопасного поведения в толпе, испытывающей страх, традиционно выступают целью преодоления виктимности в форме дезадаптации, а знания этих алгоритмов – виктимности в форме анадaptации.

Заметим, что виктимность в форме дезадаптации преодолевается преимущественно многократными повторениями в рамках учений, действий, направленных на минимизацию последствий террористической активности.

Виктимность в форме легкомыслия также свойственна преступлениям террористической направленности и проистекает, как правило, из двух ситуаций.

- Ситуации игнорирования правил безопасности первичного осмотра места происшествия, а именно игнорирования того обстоятельства, что «сцена преступления может содержать вторичные взрывные устройства, установленные специально для того, чтобы уничтожать работников правоохранительных органов» [107, с. 16]. Каноническим примером выступает террористический акт, приведший к крушению скоростного фирменного поезда № 166 «Невский экспресс», следовавшего по маршруту Москва – Санкт-Петербург 27 ноября 2009 года. Второй взрыв, произошедший через 15 часов 30 минут. В непосредственной близости от второго взрыва находился председатель Следственного комитета при прокуратуре, руководитель Главного управления криминалистики Следственного комитета, руководитель Московского межрегионального следственного управления на транспорте и другие сотрудники Следственного комитета. Только по счастливой случайности перечисленные лица, нарушившие правила безопасности, не погибли.

- Ситуации игнорирования здравого смысла в силу желания получить больше информации о происходящем террористическом акте. Лица, желающие наблюдать происходящую картину террористического акта, легко могут пополнить списки его жертв – демонстрируя наличие виктимности в форме легкомыслия в чистом виде. То же самое касается жертв захвата заложников, активно разглядывающих террористов и пытающихся наладить с ними психологический контакт, не имея на то ни сформированных навыков ведения переговоров с террористами, ни даже общих познаний в экстремальной психологии.

Виктимность в форме агрессии наблюдается при попытке активно противостоять террористам. Так, во время террористического акта на Мюнхенской Олимпиаде 5 сентября 1972 г. представитель команды Израиля М. Вайнберг вступил в схватку с террористами, но, получив огнестрельное ранение, был нейтрализован. Впоследствии раненый М. Вайнберг снова напал на террористов, дав возможность одному из заложников сбежать. В завершении М. Вайнберг нокаутировал одного из террористов и нанес ножевое повреждение другому, после чего был террористами убит.

Не менее характерный случай произошел при захвате пассажирского самолёта Ан-24Б рейса № 244 15 октября 1970 г. В ответ на противодействие со стороны экипажа террористами было сделано более двух десятков выстрелов, убита бортпроводница, ранены командир экипажа, штурман и бортмеханик.

Агрессивная виктимность может быть и залогом успешного противодействия террористам, примером чего могут выступить действия Э. Бахшиняна, в результате героических действий которого 10 сентября 1961 года была сорвана попытка захвата самолета Як-12М рейса № 44348 Ереван – Ехегнадзор. Самолет разбился около города Еревана, при этом погиб один из угонщиков, а остальные были схвачены и осуждены.

Мы рассмотрели единичные случаи успешного сопротивления террористам, встречающиеся в практике противодействия рассматриваемому феномену нечасто. В основном агрессивная виктимность проявляется в попытках прямого неподчинения террористам, критике их поведения в их присутствии. Неудивительно,

что одной из наиболее известных рекомендаций взаимодействия гражданских лиц с террористами является рекомендация избегания конфликта, недопущения провокаций, которые находящимся в состоянии эмоционального взвода террористам видятся почти в каждом активном поведенческом акте жертвы.

В целом же агрессивная виктимность для преступлений террористической направленности не свойственна.

В завершение отметим, что виктимологическая профилактика преступлений террористической направленности – это экономичный и эффективный комплекс приемов противодействия террористической активности.

Вывод. Виктимологическая профилактика наиболее эффективна на групповом уровне, базирующемся на типологии жертв выраженной прикладной направленности.

Разработка планов противодействия террористической активности на гражданских объектах

Рассматриваемая разработка планов противодействия террористической активности, в том числе стратегических, представляет из себя деятельность, направленную на планирование предотвращения террористического акта, и деятельность по ликвидации его последствий, если он произошел. «Планирование предстоящего инцидента предполагает подготовку в надежде, что событие никогда не произойдет. Планирование включает сбор информации, анализ рисков, организацию, обучение, определение логистических потребностей и получение необходимых материалов и оборудования. Последующая деятельность должна включать все, что необходимо для оказания помощи представителям уполномоченных органов при расследовании инцидента, а также в восстановлении до состояния, в котором будет возобновлен нормальный режим функционирования» [110, с. 34]. Познавательной основой разработки данных планов должен являться синтез двух ключевых элементов природы познания – интуиции и опыта [150, с. 103].

Отдельно отметим, что планы противодействия террористической активности в настоящее время должны быть разработаны еще на стадии проектирования, если речь идет о планировании

противодействия террористической активности посредством уменьшения вреда от неё. Так, «проектировщик или аналитик должен дать разумную оценку действия различных по типу систем оружия, которые могли бы быть применены к рассматриваемой структуре. Рассмотрение разрушительного потенциала военных боеприпасов важно не только для проектирования защитных сооружений военного типа, но и для гражданских объектов, так как многие самодельные взрывные устройства (СВУ) есть либо украденное, либо брошенное оружие» [124, с. 41].

Хотя «основное внимание здесь уделяется неядерным взрывным устройствам, типичным для террористической деятельности» [124, с. 50], в настоящее время это можно признать недостаточным. Так, например, некоторые отечественные исследователи уже опубликовали результаты анализа, которые четко говорят, что «имеется полное основание считать, что акты терроризма на уральских ядерных объектах возможны» [34, с. 202].

Вывод. Планы противодействия террористической активности на уровне инструкций, схем проводимых тренингов и семинаров должны стать обязательной структурной частью документооборота предприятий, организаций и учреждений.

Практика контроля общественных организаций

Антитеррористическая политика, выражающаяся в принципе «никаких уступок и сделок с террористами» [110, с. 23], не исключает эффективных методов воздействия на общественные организации с выраженным радикальным потенциалом.

«Относительно простая тактика при сборе информации о группах, которые могут вызвать проблемы в будущем, – это отслеживание писем-протестов от связанных с ними лиц. Почти каждая радикальная группа, в пределах и за пределами США, начала свою деятельность в качестве заинтересованной гражданской организации, которая впоследствии была радикализирована или породила выделившиеся радикальные группы» [110, с. 37].

Для нашей страны учет протестного потенциала общественных организаций также крайне значим, но имеет свою специфику. Существенное количество политически активных организаций

носит выраженную национальную природу землячеств, центров национальной культуры и национальной истории.

«С позиции контрразведывательной работы надо реально осознавать и то, что в любой момент эти организации могут стать базой для тех экстремистски настроенных лиц, которые могут сюда приехать и на их базе обосноваться и вынашивать планы совершения тех или иных терактов» [34, с. 220].

Гипотетически мы можем описать некоторые приемы эффективного контроля рассматриваемых радикальных организаций с выраженным террористическим потенциалом.

Эффективно противопоставить интересы одних радикальных групп другим, вызывая тем самым конфликт между ними. Сами по себе радикальные группы – это сообщества скорее «беспокойных», а не «идейных», поэтому канализация негативной энергии в противостоянии с такими же группами отвлекает их от более социально опасной деятельности, например террористической. При организации противостояния необходимо учитывать актуальность ограниченного конфликта между радикалами, что исключается при противоположности точек зрения. Так, крайне сложно погасить возникший конфликт между двумя религиозными общественными объединениями, например между христианами и мусульманами. Гораздо менее энергозатратно урегулировать избыточно разгоревшийся конфликт между теми же мусульманами или христианами, с одной стороны, и политическими экстремистами, неважно патриотической или либеральной направленности, с другой.

Весьма перспективно нагнетание напряжения между криминальным сообществом и представителями радикальных групп. Например, проведение дополнительных сверх обычного лимита оперативных мероприятий (обыски, задержания, выявление притонов, пресечение активности мелких и средних по размеру каналов наркотрафика) после совершенного в регионе террористического акта или акции протеста радикальных организаций включит механизм эскалации конфликта между рассматриваемыми сторонами. Учитывая же более высокий организационный и кадровый потенциал криминального сообщества по сравнению с группами

радикальных девиантов, мы, провоцируя эскалацию с легко прогнозируемым результатом победы криминалитета, тем самым задействуем весьма эффективный механизм контроля террористической активности в регионе.

Без сомнения, приведенные методы крайне спорны с этической точки зрения, однако их эффективность возможно предопределяет их задействование в пресечении террористической активности, пополняя перечень средств профилактики преступлений террористической направленности. Проблемой реализации этих методов мы видим не в природе этичности, а в высоких требованиях к политической воли власти и высокому профессиональному уровню работников МВД и ФСБ России.

Вывод. Практика контроля общественных организаций должна быть направлена на правильную канализацию как положительной, так и деструктивной энергии их участников.

Система контроля населения и система финансовых санкций для лиц, причастных к террористической деятельности

Вероятно, рассматриваемый вектор профилактики преступлений террористической направленности наиболее спорен. Идея рассматриваемого вида профилактики сводится к тому, что, желая безопасности, гражданин должен пожертвовать частичкой свободы. Приведем в качестве примера четыре законодательных акта разных государств.

- США. USA PATRIOT Act (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001) – «Патриотический акт» (Акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» 2001) от октября 2001 г. Закон, в котором в целях необходимости борьбы с терроризмом ряд спецслужб наделяются широкими возможностями по слежке за гражданами США, реализуя мероприятия по подслушиванию и электронной слежке. Официально действовал до июня 2015 г.

- Великобритания. Investigatory Powers Act – «Акт о полномочиях следствия» от ноября 2016 года. Закон, в котором в целях

необходимости борьбы с терроризмом ряд спецслужб наделяются широкими возможностями по слежке за подданными Великобритании, в том числе правом взламывать телефоны и компьютеры, массово собирать персональные данные и т. п. Провайдеры страны должны собирать списки посещённых пользователями сайтов и хранить их в течение года, предоставляя правоохрнительным органам доступ к данным.

- Российская Федерация. Пакет Яровой-Озерова – Федеральный закон от 6.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и Федеральный закон от 6.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Закон, в котором в целях необходимости борьбы с терроризмом устанавливается запрет на использование несертифицированных средств кодирования. Операторы мобильной связи страны должны с 2018 года хранить информацию о фактах приёма, передачи и содержимое голосовой информации, а также сообщения (от полугода до трёх лет), естественно обеспечив правоохрнительным органам доступ к данным.

- Китайская Народная Республика. Закон о кибербезопасности КНР, принятый в октябре 2016 года, детально прописавший государственную политику, направленную на безопасность Интернет-пространства за счет его анонимности. Пожалуй, это единственный закон, который не только вводит слежку за гражданами, но и предоставляет им защиту от потери виртуальной информации и защиту внутреннему IT-сектору Китая от иных государств.

Отдельно отметим эффективную в профилактическом аспекте работу Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), которая в рамках исполнения п. 2.1 ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных пре-

ступным путем, и финансированию терроризма» организует операции по блокированию банковских счетов граждан и организаций, причастных к террористической деятельности. Напомним, что для внесения лица в список террористов достаточно (приведем для краткости только два пункта):

- процессуального решения о признании лица подозреваемым в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 281.1–281.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации;

- постановления следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 281.1 - 281.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Вывод. Система контроля населения и система финансовых санкций в адрес лиц, причастных к террористической деятельности, – объективные реалии сегодняшнего дня, найденный баланс между свободой и безопасностью, доктринальностью и целесообразностью.

Предупреждение совершения преступлений террористической направленности

Предупреждение совершения преступлений террористической направленности может быть представлено комплексом мероприятий, содержательно сильно отличающихся, но направленных на решение рассматриваемой задачи. Описываемый комплекс может быть представлен в виде деятельности, направленной:

- на режим в исправительных учреждениях как средство исправления преступника;
- ликвидацию или эффективную изоляцию преступника;
- на коррекционные психологические тренинги.

Режим в исправительных учреждениях как средство исправления преступника. Система предупреждения не может быть эффективной без профилактики в пенитенциарной системе –

это аксиоматичное положение в теории в последние десятки лет на практике целенаправленно игнорируется.

В рамках профилактики рассматриваемых преступлений необходимо понимать, что в местах лишения свободы преступники-террористы делятся на две разнородные группы. Представители первой группы, незначительной по объему, гармонично интегрируются в криминальную среду, меняя свои идейные террористические установки на не менее идейные криминальные. После отбытия наказания такой человек продолжает свою криминальную карьеру, но дистанцируется от террористических и экстремистских сообществ. С одной стороны, его общественная опасность снижается, с другой стороны, агрессивность этого лица, в ходе террористического прошлого закрепившаяся на уровне психологического свойства, выливается в частые всплески жестокости в быту и в рамках его новой криминальной жизни.

Про представителей второй группы преступников говорят, что, даже будучи признаны виновными и приговорены к тюремному заключению, они по-прежнему остаются опасными [118, с. 23]. Представители рассматриваемой группы способны только извлечь из отбывания наказания криминальный опыт, затрудняющий их поимку в будущем.

Представителю второй группы и в процессе отбывания наказания, и после него отойти от привычной модели самоидентификации с борцом за все хорошее против всего плохого фактически невозможно. «Будучи членом террористической организации, он получает защиту от своего страха, и любое нападение на группу воспринимается им как нападение на себя лично, а каждая акция против организации извне соответственно усиливает групповую сплоченность» [46, с. 148].

Вывод. Режим в исправительных учреждениях как средство предупреждения преступлений террористической направленности – конструкция весьма полемичная. На сегодня отбывание в местах лишения свободы часто только формально ориентируется на исправление личности, а порой вообще игнорирует эту возможность. Но сказанное является не следствием неэффективности пенитенциарной системы, а скорее

следствием тех либеральных благоглупостей, которые доминируют даже в современной пенитенциарной практике, не говоря уже о послушной ведомственным правилам пенитенциарной науке.

Учитывая сказанное, можно заключить, что режим в исправительных учреждениях как средство предупреждения преступлений террористической направленности – это проблема, которую только еще предстоит решить.

Ликвидация или эффективная изоляция лица, осужденного за террористическую деятельность. На первый взгляд, ликвидация и изоляция рассматриваемого преступника выступает предметом не только предупреждения, но и профилактики террористической активности. На самом деле страх наказания вполне способен остановить формирующегося преступника-террориста.

Отметим научную решительность авторов, обосновавших бесперспективность профилактических мероприятий в отношении группы преступников, характеризующихся феноменом зависимого криминального поведения, в наиболее чистом виде проявляющимся у серийных преступников, но не чуждого и террористам.

«У зависимой личности никаких альтернативных линий поведения нет, и она не рассматривает никакой спектр возможностей. Перед ней только один путь, по которому она должна следовать, причем лицо может вполне осознавать, что этот путь вреден и для него, и для окружающих, что он нарушает нормы морали и права. Поэтому никакой ситуации выбора реально не существует ... Его поведение не избирательно и не свободно, даже самой ситуации выбора для него нет» [15, с. 14].

Целесообразность ликвидации (смертной казни) и эффективной изоляции (пожизненного заключения) как меры предупреждения преступлений террористической направленности, как и любой иной, трудно оспорить. Нельзя совершить еще один террористический акт будучи уничтоженным или навсегда изолированным.

Хотя граждане традиционно позитивно относятся к смертной казни применительно к лицам, совершившим резонансные преступления, к каковым часто относятся террористические акты, целесообразность этого несколько спорна. Исследователи отмечают,

«что по сравнению с эмоционально пресной информацией, эмоциональный материал обрабатывается более глубоко и интегрируется более широко в когнитивные (и, возможно, нейронные сети)» [162, с. 303]. Неудивительно, что при рассмотрении резонансного уголовного дела в суде атмосфера судебного заседания часто близка к истерической [139, с. 48], а следовательно, вероятность судебных ошибок крайне высока. Сказанное значительно понижает целесообразность физического уничтожения приговоренного как меры необратимой.

Пожизненное заключение, с одной стороны, несет высокий уровень страданий заключённого, совершившего преступления террористической направленности, с другой стороны, именно неестественность пожизненного пребывания в заключении делает вероятным трансформацию личности преступника в нечто иное. Естественным, что измениться в худшую сторону убежденному преступнику сложно, поэтому личностная трансформация скорее будет ему во благо.

Вывод. Ликвидация и эффективная изоляция преступника-террориста как действенное средство предупреждения террористической активности может оспариваться разве что политиками. Никогда не потеряет актуальности высказывание известного либерала А. Н. Рыбакова: «Нет человека, нет проблемы» («Дети Арбата», 1987; «Роман-воспоминание», 1997).

Коррекционные психологические тренинги. Традиционно эффективность психологических тренингов определяется потребностью человека в достижении успеха в них. Однако часть преступников либо отрицает, либо принижает тяжесть содеянного ими. По результатам проведенного нами опроса осужденных доля отрицающих свою вину преступников составляет 64 %. Понятно, что применительно к названной группе традиционные стратегии психологического воздействия становятся неэффективными. Как же преодолеть неосознанное или осознанное нежелание человека оправдать совершение единичного и/или повторного преступления, для этого не признающего своей вины?

Необходимо понимать, что отрицание своей вины – процесс в определенной степени объективный. Террорист формирует пред-

ставления о себе как о носителе большого количества ценностей в различных сферах, демонстрирующих его успешность.

Представляет интерес оригинальная стратегия формирования у лица, осужденного за террористический акт, убежденности в своей неуспешности как основы возможной личностной трансформации в лучшую сторону. Упомянутая стратегия содержательно сводится к следующим этапам.

- «Первоначально основной упор делался на закрепление его сомнений в различных сферах поведения. Человек начал понимать, что он какой-то недовоцерковленный, недосемейный, да и блатной из него тоже никакой.

- Параллельно ему прививались навыки правопослушной жизни на воле. Приблизительно через год он заявил, что понял, что любовь и Божия, и семейная выше любых понятий и надо просто забыть о прошлом» [80, с. 168].

Вероятно, данный алгоритм воздействия на личность лица, совершившего террористический акт, который фактически отрицает свою вину, сбрасывая её на провокационное поведение общества, свое тяжелое детство и прочее, позволит достичь задач предупреждения совершения им новых преступлений террористической направленности.

Вывод. Коррекционные психологические тренинги с отрицающим вину клиентом ввиду обязательной включенности исследуемого в процесс будут интересны прежде всего участникам террористической деятельности истероидной акцентуации, с их готовностью быть в центре внимания, в том числе и в рамках психокоррекционных тренингов.

Классические коррекционные психологические тренинги в силу схожести их целевой аудитории будут иметь высокую эффективность при работе с некоторыми представителями «аморфного типа» личности террориста (обладающих высокой конформностью) из-за серьезного груза переживаний прошлого, свойственного ему.

ГЛАВА 5

ПРОФИЛИРОВАНИЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ

Мы разграничиваем криминалистическое профилирование и профайлинг. Криминалистическое профилирование – это процесс построения поискового описания неизвестного преступника, базирующегося на анализе отражения его личностных свойств в следах преступления. Профайлинг – это аппаратный анализ эмоционального состояния лица, в контексте ситуации предполагающий наличие у него противоправных намерений. Реализация приемов профайлинга в противодействии терроризму подтверждено богатой зарубежной практикой, а также практикой отечественной, пусть и в меньшей степени.

В рамках криминалистического профилирования выделился ряд направлений, которые достаточно автономны. Среди этих направлений наиболее значимыми выступают профилирование личности преступника по следам совершенного преступления и профилирование личности по результатам его непреступной деятельности прежде всего в цифровом пространстве [49, с. 73–75].

Ранее говорилось, что под терроризмом следует понимать контркультурную идеологию системного нагнетания страха посредством совершения преступных действий в виде насилия или угрозы его применения в отношении индивидуально неопределенных жертв, реализуемую субнациональными группами или секретными агентами третьих государств в целях дискредитации власти, направленную на запугивание граждан, подрывающую их веру в силу государства и выступающую как форма политической борьбы между государствами в асимметричном конфликте. Столь сложное определение необходимо для отграничения круга явлений, образующих крайне многоплановый феномен терроризма от родственных или внешне схожих с ним явлений и феноменов.

Отметим, что среди англо-саксонских исследователей есть мнение о спорности существования такого явления, как терроризм, спонсируемый государством [121, с. 15]. В этой главе речь пойдет о рядовом составе террористического движения, что дела-

ет неактуальным изучение фигуры куратора (заказчика) террористической активности в контексте проводимого исследования, а значит, неактуальными споры о причастности государств к террористической активности. Та же самая ситуация свойственна и отечественным исследованиям личности террориста, в которых, рассуждая об этой личности в целом, авторы затрагивают только личностные особенности исполнителей террористических актов [65, с. 150–156].

Почему же состоятельна идея существования типового профиля террориста? Прежде всего потому, что есть мнение о существовании элементов психопатии в структуре личности террориста. Зарубежные исследователи настаивают на психопатической составляющей личности террориста, хотя и признают, что уровень этой составляющей не может быть системообразующим [121, с. 35–39]. Учитывая, что преступная деятельность психопата есть объективно обусловленное отражение его личности вовне, можно говорить о принципиальной пригодности приемов профилирования, в том числе и криминалистического, при расследовании террористических актов.

«Серийность» как элемент преступного поведения террориста также проистекает из значимости этой незаконной деятельности для преступника, из её длящегося характера, получающего максимальную выраженность в событии очередного террористического акта.

Напомним, что получению эффективной техники профилирования очередной группы преступников предшествует очень долгое исследование этой группы, которое объективно ведется с помощью криминологического знания. Неудивительно, что индуктивные модели криминологического профилирования всегда предшествуют индуктивно-дедуктивным моделям профилирования криминалистического. На данный момент смоделированные криминалистические профили преступников-террористов, имеющие высокую эффективность, нам неизвестны.

Профилирование, неважно, криминологическое или криминалистическое, базируется на типологическом подходе. Это естественно, ведь чем более однородная совокупность представлена в

рамках одной типовой группы, тем конкретнее описание этой группы, тем меньше используется абстрактных и неконкретных понятий.

Наибольшей прикладной ценностью среди зарубежных типологий, по нашему мнению, обладает типология, включающая в себя следующие достаточно уникальные группы преступников-террористов: террорист-психопат; этнотеррорист; террорист-мститель.

Террорист-психопат кратко может быть охарактеризован следующим образом:

- носитель деформированного мировоззрения;
- системообразующая идея преступной деятельности – удовольствие;
- психологически наиболее близок к такому типу серийных преступников, как «гедонист».

Этнотеррорист кратко может быть охарактеризован следующим образом:

- носитель солидаристского мировоззрения;
- системообразующая идея преступной деятельности – единство;
- психологически наиболее близок к такому типу серийных преступников, как «визионер».

Террорист-мститель кратко может быть охарактеризован следующим образом:

- носитель индивидуалистского мировоззрения;
- системообразующая идея преступной деятельности – мессианство;
- психологически наиболее близок к такому типу серийных преступников, как «миссионер».

Профиль террориста-психопата включает в себя следующие типовые элементы:

- возраст варьируется;
- аморальность (испытывает недостаток в суперэго);
- криминальность;
- легковозбудимость;
- эксплуататор;

- импульсивность;
- лицемерность;
- интеллектуальность;
- безответственность;
- манипулятивность;
- самовлюбленность;
- отсутствие цели в жизни;
- неразвитые способности к планированию;
- неэтичность (испытывает недостаток в суперэго);
- расстройство личности;
- лживость.
- суицидность не выражена [121, с. 50].

Профиль этнотеррориста включает в себя следующие типовые элементы:

- тесные семейные узы;
- подмена понятия «преступление» понятием «война»;
- обучаемость;
- эгоцентричность;
- эмоциональная доминанта;
- внешнее суперэго;
- семейная обусловленность и лояльность;
- идеологический;
- негибкий;
- интеллектуальность;
- мужчина или женщина;
- суицидность – мученик «за дело»;
- жесткий;
- ищет контроль;
- ставит перед собой конкретные цели;
- юный или молодой [121, с. 64].

Профиль террориста-мстителя включает в себя следующие типовые элементы:

- возраст варьируется;
- тесные семейные узы;
- обучаемость;
- этичность;

- хорошее использование психологических защитных механизмов, но возможны аффекты;
- беспомощность;
- безнадежность;
- интеллектуальность;
- мужчина или женщина;
- может позже присоединиться к группе поддержки;
- моральная история;
- нет предпочтений лояльности к определенной группе;
- отсутствие предболезненных черт, приводящих к расстройству личности;
- имеет личное отношение к объекту посягательства;
- серьезная психическая травма в молодости;
- различает цели;
- социализация без правовых проблем;
- суицидность – «по личным мотивам» [121, с. 74].

Криминалистическое профилирование фигуры террориста – интересная и очень перспективная область исследований, если, конечно, абстрагироваться от фактора организатора террористической активности.

ГЛАВА 6

О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ ПСЕВДОТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ (ОБОБЩЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Терроризм, как и любое социальное явление, претерпевает эволюционные изменения. Время, когда относительно автономные группы террористов совершали террористические акты (стихийный терроризм), прежде всего террористические взрывы, уже позади. Как показывает анализ практики расследования террористических актов, на смену стихийному терроризму приходит системный терроризм, под которым мы понимаем такую разновидность террористической деятельности, в которой наиболее активной стороной выступает иностранное государство, лоббирующее свои экономические, реже чисто политические интересы, организующее террористический акт на территории другого государства. Одной из разновидностей системного терроризма является терроризм корпоративный, точнее, транскорпоративный, когда за террористическим актом стоит куратором (заказчиком) крупный банковско-производственный конгломерат, имеющий свои коммерческие интересы, на территории которой планируется совершение террористического акта. Терроризм сегодня становится обыденным инструментом геополитики и экономики.

Увеличение видового многообразия террористической деятельности породило интересный феномен, который в криминалистической литературе освещен достаточно слабо – псевдотеррористический акт, то есть преступное событие, имеющее внешние черты террористического акта, но направленное не на дестабилизацию деятельности органов власти / международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а на достижение иных целей. Заказчиком псевдотеррористического акта выступает не внешняя сторона и не экстремистски настроенная социальная группа, а лица, имеющие достаточно высокий социальный статус и выступающие гражданами той страны, на территории которой организуют псевдотеррористический акт, часто обладающие достаточными властными полномочиями.

Как известно, у псевдотерроризма как явления распространённого и объективного есть свои противники и свои сторонники.

Напомним о том, что в техногенной катастрофе в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. исследователи насчитывают четыре эпизода: попадание рейса 11 American Airlines в башню ВТЦ-1; попадание рейса 175 United Airlines в башню ВТЦ-2; падение рейса 93 United Airlines, лишённого управления, в поле около Шанксвилл в штате Пенсильвания; попадание рейса 77 American Airlines в здание Пентагона. Современные исследователи, изучающие феномен терроризма (и, следовательно, псевдотерроризма), в процессе анализа события 11 сентября разделились на две группы.

Одна группа исследователей на нижеприведённых фотографиях повреждённого здания Пентагона видит обломки авиалайнера Boeing 757-223 и, следовательно, абсолютно уверена, что в данном случае мы имеем дело с террористической активностью. Вторая немногочисленная группа сторонников конспирологических версий отказывается увидеть на нижеприведённых снимках следы авиакатастрофы и наивно настаивает на псевдотеррористической природе данного события. Мы не будем навязывать своего мнения и попросим читающего на основании просмотра фотодокументов определить с позицией (рисунки 6.1–6.4).

Как и любое явление, псевдотеррористический акт обладает рядом признаков, отличающих его от сходных явлений. Так, в отличие от террористического, псевдотеррористический акт обладает следующими выраженными признаками:

- происходит в утренние часы в деловых учреждениях либо днём в местах компактного проживания, что обеспечивает минимальное количество жертв при высоком уровне общественного беспокойства;
- происходит на территории явно малозначительных объектов инфраструктуры, что обеспечивает как малое количество жертв, так и низкий ущерб;
- заявление от правоохранителей об установленных целях и кураторе (заказчике) преступления поступает от правоохранителей в первые сутки;

Рисунок 6.1 – Здание Пентагона на следующий день
после теракта 11.09.2001

Рисунок 6.2 – Здание Пентагона на следующий день
после теракта 11.09.2001

Рисунок 6.3 – Здание Пентагона на следующий день после теракта 11.09.2001

Рисунок 6.4 – Здание Пентагона на следующий день после теракта 11.09.2001

■ заявление о предполагаемых преступниках, содержащее конкретную информацию, поступает от правоохранителей в первые сутки;

- ответственность за совершение террористического акта в первые дни никто на себя не берет, ниспровергая саму логику террористической деятельности, которая, как говорилось ранее, базируется на широком и подробном информировании мирового сообщества о целях и личностях «героев, ведущих борьбу за правое дело» (широко известен факт о том, что когда выяснилось, что за теракты в США 11 сентября никто не берет на себя ответственности, о причастности к их совершению заявила террористическая организация «Красная армия Японии», которую в том же году Государственный департамент США вычеркнул из списка действующих террористических организаций);

- на месте преступления сразу или спустя три – пять дней находят носитель информации, который содержит данные о группе преступников, совершивших акт;

- на месте преступления спустя несколько дней находят косвенное свидетельство о причастности к совершению террористического акта какой-либо группы, после чего этот факт активно тиражируется средствами массовой информации как доказательство высшего порядка (например, по делу о террористическом взрыве в зданиях Всемирного торгового центра в аэропорту Коран правоохранители нашли инструкцию по вождению самолетов на арабском языке, что подалось как убедительнейшее доказательство «исламского» следа);

- заявление о результатах расследования делается не представителем министерства, отвечающего за разведку и контрразведку, а представителем госструктуры, осуществляющей общее следствие или дознание;

- основные подозреваемые погибают при задержании;

- через месяц с основного подозреваемого снимаются обвинения, либо в течение недели основной подозреваемый заканчивает жизнь самоубийством, или с ним происходит несчастный случай;

- длительное время сохраняется анонимность террористов, родственники имеющих подозреваемых заявляют, что задержанные никогда не тяготели ни к экстремистской, ни к террори-

стической деятельности, на родине подозреваемых не культивируется их образ как героев;

- в передачах СМИ о личности террориста фигурирует большое количество фактов, не имеющих отношение к самому преступному событию: показывается мечеть/церковь, школа, закусочная, которая часто посещалась подозреваемым, его машина и компьютер – то есть подаваемая информация о личности подозреваемого носит явно отвлечённо-компенсационный характер;

- наблюдается подозрительное стечение обстоятельств, в результате которых меняется насыщенность территории предстоящего преступления патрулями или понижается эффективность пропускной системы;

- у правоохранителей находятся «затерявшиеся» документы, в которых содержится информация о подготовке расследуемого террористического акта;

- незадолго до произошедших событий правоохранители проводят учение или тренинг по преодолению террористического акта, совершенного при обстоятельствах, близких к реальным (например, Миннесотское отделение ФБР устроило «мозговой штурм», в ходе которого прорабатывался вариант участия будущего исполнителя террористического акта Муссауи в атаке на башни Всемирного торгового центра;

- параллельно с обсуждением произошедшего события в СМИ идет активная кампания, направленная на пропаганду целесообразности корректировки кадрового состава региональной власти;

- центральные или местные каналы СМИ в течение небольшого срока вдруг начинают располагать целым циклом передач, затрагивающих террористическую тематику в аспекте текущей политической ситуации;

- изъятые из редакций СМИ файлы с аналитическим обзором произошедшего террористического акта программно датируются временем, предшествующим преступному событию;

- при обсуждении последствий террористического акта уже с первых дней фигурируют достаточно конкретные размеры последствий, оцененные в денежном эквиваленте;

- замалчивается или игнорируется информация, полученная с помощью «телефонов доверия» или «горячих линий»;
- становятся известными широкой общественности показания свидетелей, однако экспертные исследования, если они не сделаны в течение первых трех дней, не освещаются;
- присутствует элемент сценарийной (интригующей, нецелесообразной с точки зрения эффективности, но целесообразный с точки зрения эффектности) организации события преступления – преступник с холодным оружием, преступник на автомобиле, преследующий жертв в людном месте и пр.;
- активно публикуются заключения специалистов о результатах проведенных в первые дни после террористического акта исследований;
- появляются сведения, что последствия террористического акта должны были быть еще более ужасными, но правоохранительные органы предотвратили эти ужасные последствия, снизив их до «приемлемых» (хорошей иллюстрацией выступают заявления ФБР о предотвращенном в 1993 году взрыве башен-близнецов, который, будучи сам по себе разрушителен, должен был сопровождаться еще отравляющим воздействием облака цианидов) [156, с. 287–288];
- представители правоохранительных органов и политические лидеры заявляют о наличии у них неопровержимых доказательств, источники которых они не могут раскрыть, так как это создаст угрозу жизни внедренных в окружение противника агентов (к примеру, такие заявления лидеров США громко звучали по делу о взрывах во Всемирном торговом центре, от лидеров Великобритании по делу об отравлении Скрипаля).

Гипотетическая проработка обстоятельств, которая может сориентировать следователя на то, что он имеет дело со случаем псевдотеррористического акта, на наш взгляд, является актуальной и целесообразной. Анализ террористических актов, произошедших на территории европейских государств в 2015–2016 гг., показывает, что наличие большинства из названных в главе обстоятельств заставляет задуматься об их истинной природе.

Заключение

Изучение явления терроризма стало областью приложения усилий многих исследователей наук исторического, правового, психологического и социологического направления. Однако бросая взгляд на результаты поистине титанических исследовательских усилий, с печалью убеждаешься в недостаточности достигнутого. В чем же дело?

Может быть, в сложности самого явления терроризма? Нет, потому что явление терроризма не более сложно, чем иное, так как не обладает принципиально новой структурной составляющей человеческой деятельности.

Может быть, в недостаточности современного уровня исследовательского инструментария, с помощью которого затруднительно познать столь сложное явление? Снова нет. Терроризм есть сочетание давно изученных феноменов – корысти, идейности, жестокости как способа восприятия окружающего.

Может быть, дело в особенной, до сих пор не встречающейся форме организации террористического сообщества? Опять нет, так как сложность террористической организации варьируется в пределах от такой привычной формы организации, как армейская, до такой не менее изученной организации, как бандитское формирование.

Может быть, в том, что террористическая деятельность не просто связана, а интегрирована в деятельность политическую? В том, что бессмысленно воспринимать террористическую активность вне банковского сообщества и отдельных группировок власти в тех государствах, которые называются «сверхдержавы»? В том, что терроризм ближе к политике, чем к криминалу? В том, что сегодня важнее знать, почему условный банкир Джон выделил финансы в поддержку конкретной террористической группы, а не почему безработные условные Саид, Франц, Иван решили участвовать в террористическом акте?

Пусть все вышеприведенные вопросы будут свидетельством необходимости дальнейших, более глубоких исследований явления терроризма, а точнее, его современной ипостаси – революционного терроризма XXI века.

Контрольные задания

1. Определите признаки государственного внутреннего терроризма.
2. Определите признаки государственного внешнего терроризма.
3. Определите признаки государственного политического (революционного) терроризма.
4. Определите признаки национально-освободительного терроризма.
5. Дайте определение терроризма, укажите его признаки.
6. Заполните таблицу о теориях причинности преступности террористической направленности.

Теории	Основная идея
<i>Биологические</i>	
1.	
2.	
<i>Социальные</i>	
1.	
2.	
<i>Личностные</i>	
1.	
2.	

7. Отметьте в таблице наиболее распространенные формы терроризма в четырех произвольно взятых странах:

Страны	Экспансионистский терроризм	Сепаратистский терроризм
1.		
2.		
3.		
4.		

8. Разработайте комплекс противодействий террористической деятельности (7–8 пунктов) применительно к образовательным учреждениям: вузам/школам/ДОУ.

9. Идентифицируйте личность лица, захватившего заложников, исходя из особенностей письменной и устной речи, отразившейся в его заявлении.

10. Разработайте стратегию переговоров с лицом (группой террористов), учитывая его(их) индивидуально-психологические особенности.

Приложение А

Речь Робеспьера в Национальном конвенте Франции 26 июля 1794 года

«...Против свободы общества существует заговор; своей силой он обязан преступной коалиции, интригующей в самом Конвенте; эта коалиция имеет сообщников в Комитете общественной безопасности и во всех бюро этого Комитета, где они господствуют; враги республики противопоставили этот Комитет Комитету общественного спасения и таким образом установили два правительства; в этот заговор входят члены Комитета общественного спасения; созданная таким образом коалиция стремится погубить патриотов и родину. Как исцелить это зло? Наказать изменников, обновить все бюро Комитета общественной безопасности, очистить этот Комитет и подчинить его Комитету общественного спасения; очистить и самый Комитет общественного спасения, установить единство правительства под верховной властью Национального конвента, являющегося центром и судьей, и таким образом под давлением национальной власти сокрушить все клики и воздвигнуть на их развалинах мощь справедливости и свободы: таковы принципы. Если невозможно требовать их, не прослав честолубцем, я делаю вывод, что и принципы устранены и что среди нас царит тирания, но что я не должен об этом молчать: ибо что можно возразить человеку, который прав и который умеет умереть за свою страну?»

Приложение Б

Перечень основных террористических организаций современности

Название – *Ирландская республиканская армия* (Irish Republican Army).

Статус¹ в Российской Федерации – не запрещена.

Идеология² – национально-освободительная / сепаратистская.

Регион³ – Северная Ирландия.

Описание – военизированная группировка, целью которой является достижение полной самостоятельности Северной Ирландии от Соединённого Королевства, в том числе – и главным образом – прекращение военной оккупации Северной Ирландии (части Ольстера). Основана в 1919 году. Не является единым целым, представляя, скорее, достаточно нестабильный союз отдельных группировок. С 1969 года ИРА перешла к тактике городской герильи и разделилась на ряд законспирированных автономных ячеек.

Характерный почерк – предварительное телефонное предупреждение за 90 минут до подрыва начинённого взрывчаткой автомобиля. Данный подчёрк, характеризующий стремление понизить эффективность и повысить эффектность, делает объективной идею о псевдотеррористичности значительного количества акций, совершенных ИРА в последние полвека. На данный момент фактически прекратила террористическую деятельность.

¹ Статус террористической организации может варьироваться как формально, так и содержательно. Если деятельность организации запрещена, то этот запрет может быть как формальным, так и доходить до уровня ритуализации с обязательным проговариванием псевдомолитвы (например, обязательная фраза – «запрещенная в Российской Федерации»). Понятно, что если государство и объявило движение запрещенным, это не означает, что оно фактически с ним не взаимодействует.

² Идеология террористического движения определяет не столько специфику его деятельности (тут вариаций немного), сколько кадровую «кормовую» базу. Как ранее уже говорилось, между псевдонационально-освободительными и религиозными организациями на кадровом уроне имеются различия.

³ Понятно, что крупные террористические организации могут иметь ситуационные интересы в различных регионах, а также реализовывать политику «приписывания» отдельных террористических акций, совершенных не ими, однако объективно наличие у каждой подобной организации ограниченной территории, своеобразной «кормовой» площадки с наработанными культурными, политическими и экономическими связями.

Подконтрольность⁴ – Соединенные Штаты Америки, СССР (ранее), Великобритания (с учетом псевдотеррористической природы).

Название – *Хамас, «Исламское движение сопротивления»*.

Статус в Российской Федерации – не запрещена.

Идеология – национально-освободительная / экспансионистская.

Регион – Палестина, Израиль.

Описание – современной целью группировки провозглашается уничтожение государства Израиль и светской Палестины для создания мусульманской республики на их территории. Движение существует с 1987 года (Первая палестинская интифада). Активно используют террористов-смертников. Характерный почерк – ракетный обстрел самодельными ракетами с территории гражданских объектов. Крайне высокая интеграция в гражданские структуры Палестины. Активно реализует социальные программы на территории Палестины. В настоящее время продолжает активную деятельность.

Подконтрольность – Исламская Республика Иран.

Название – *Хезболлах, «партия Аллаха»*.

Статус в Российской Федерации – не запрещена.

Идеология – революционная / экспансионистская.

Регион – Ливан.

Описание – Шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства. Была создана в 1982 г. С помощью пусковых установок реактивных систем залпового огня (РСЗО) обстреливает населённые пункты на севере Израйля. Имеет организационную структуру, основанную на принципах главенства религиозных лидеров. Тесно взаимодействует с Хамас. Активно реализует социальные программы на территории Ливана.

⁴ Понятно, что являясь своеобразными корпорациями, ориентированными на получение доходов, крупные террористические организации готовы на тактическом уровне взаимодействовать с различными государствами, однако на стратегическом уровне взаимодействия оно гораздо более однозначно и гораздо менее подвержено изменениям, так как ориентировано на одного геополитического «хозяина». Таким образом, можно говорить о координационном центре из конкретного государства для каждой крупной террористической организации.

Подконтрольность – Исламская Республика Иран, Сирийская Арабская Республика.

Название – *Аль-Каида, «основа»*.

Статус в Российской Федерации – запрещена.

Идеология – революционная / экспансионистская.

Регион – Ближний Восток, отдельные акции по всему миру.

Описание – ультрарадикальная группировка представляет ваххабитское направление ислама. Возникла в 1988 г. с целью свержения светских режимов на территории Ближнего Востока и создания единого Великого халифата. Характерный почерк – взрывы государственных учреждений (посольств) и убийства государственных деятелей. Ведет активный наркобизнес.

Подконтрольность – Соединенные Штаты Америки, Королевство Саудовская Аравия, Государство Катар.

Название – *Имарат Кавказ, «Кавказский эмират»*.

Статус в Российской Федерации – запрещена.

Идеология – революционная / экспансионистская (еще раз повторимся – не сепаратистская !!!).

Регион – Российский Кавказ.

Описание – исламистская террористическая организация ваххабитского толка, ставившая своей целью создание независимого исламского государства на Северном Кавказе. Кавказский эмират был провозглашён 7 октября 2007 г. Кавказский эмират представляет собой структурированную иерархическую сеть, где лидеры территорий назначаются и подчиняются верховному амиру. Характерный почерк – жертвами нападений боевиков становятся сотрудники силовых структур. Активно используют убийства мирных жителей на основании решений шариатских судов. Сейчас активность организации в РФ фактически не наблюдается. В настоящее время переориентирован на взаимодействие с террористическими организациями Ближнего Востока.

Подконтрольность – Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Турция.

Название – *Талибан, «учащиеся медресе»*.

Статус в Российской Федерации – запрещена.

Идеология – революционная / экспансионистская.

Регион – Афганистан, Пакистан (северо-запад).

Описание – исламистская террористическая организация ханафитского толка (суннизм), ставившая своей целью создание независимого исламского государства. Возникла в 1994 г. Характерный почерк – активные боевые действия, использование смертников. Доходы, помимо финансирования спецслужбами, включают в себя наркоторговлю и торговый трафик. Контролирует территорию Афганистана. Сотрудничает с «Аль-Каидой».

Подконтрольность – Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия, Китайская Народная Республика.

Название – *Лаишкар-Е-Тайба, «Армия чистых»*.

Статус в Российской Федерации – запрещена.

Идеология – революционная / экспансионистская.

Регион – Индия, Кавказ, Пакистан.

Описание – радикальное боевое крыло религиозно-политического объединения, известного под названием «Марказ-е Дават-уль-Иршад». Была создана в 1980 г. Декларируемая цель – джихад в Израиле и Соединенных Штатах Америки. Характерный почерк – массовые убийства гражданских лиц. Многократно меняла названия в целях конспирации. На данный момент группировка ведет военные действия в штатах Кашмир и Джамма (Индия).

Подконтрольность – Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика.

Название – *«Рабочая партия Курдистана»*.

Статус в Российской Федерации – не запрещена.

Идеология – революционная / сепаратистская.

Регион – Турция.

Описание – националистическая террористическая организация сепаратистского толка, ставящая своей целью создание курдской автономии в составе Турции или независимого государства. Возникла в 1978 г.

Методом борьбы «Курдского народного конгресса» является террор. Акции в рамках него проводятся в Турции и за ее пределами, направлены против всех ее представительств и мирных граждан. Характерный почерк – партизанский метод ведения боевых действий, опирающийся на городской терроризм. Последнее время в акциях регулярно участвуют смертники-шахиды.

Подконтрольность – Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика.

Название – *Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, «Исламская партия освобождения».*

Статус в Российской Федерации – запрещена.

Идеология – экстремистская / панисламистская.

Регион – Ближний Восток.

Описание – международная экстремистская группировка религиозного характера. Основана в 1953 г. в Сирии. Цели террористических организаций: борьба с сионистами, освобождение палестинского региона, массовая исламизация населения и в перспективе – создание единого мусульманского государства-халифата. Представители «Хизбут-Тахрир» активно разжигают этническую нетерпимость и религиозную рознь, акцентируют внимание на социально-экономических проблемах.

Подконтрольность – Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия, Государство Кувейт.

Приложение В

Соотношение и общая характеристика акцентуированных типов⁵

К. Леонгард	П.Б. Ганнушкин	А.Е. Личко	Комплексная
		Лабильный циклоид	
Лабильный	Циклоиды	Циклоидный	Циклоид
Сверхподвижный		Лабильный	
Демонстративный	Истерические	Истероидный	Истероид
Ригидно- аффективный	Эпилептоиды	Эпилептоидный	Эпилептоид
			Застревающий
Сверх- пунктуальный	Параноики		Параноид
		Психо- стеноидный	
Неуправляемый			
	Шизоиды	Шизоидный	Шизоид
Интравертный			
Эмотивный		Сенситивный	Сензитив
Боязливый			
Неврастеничный	Астеники	Астено- невротичный	Гипотим
Экстравертный		Гипертимный	Гипертим
	Неустойчивые	Неустойчивый	
Слабовольный		Конформный	Конформный

Из представленного разнообразия разными авторами психологических типов было выделено 10 типов, обладающих характерологической, а главное, поведенческой уникальностью. Пять из них имеют выраженную экстравертную (истероид, эпилептоид, застревающий, циклоид, гипертим) природу, пять – выраженную интро-

⁵ При описании синтезированы результаты исследований К. Леонгарда, П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко – особенности характера; Т.А. Алексеевой – коммуникативные характеристики; результаты собственных исследований – внешние данные, конфликтные ситуации и типовые страхи. Описание психологических типов исходит из наиболее часто встречающихся в их поведении характеристик, теоретически не исключающих иные характеристики.

вертную (сензитив, конформный, параноид, шизоид, гипотим) природу.

Выделенные типы образовали пять пар, представители каждой из которых характеризуются повышено-выраженным механизмом неосознаваемой психической защиты. В каждую пару входит один экстравертный и один интровертный тип. Конечно, для каждого человека в той или иной мере характерно наличие всего спектра механизмов неосознаваемой психической защиты, однако каждый тип выделяется ярким доминированием какого-то конкретного механизма по сравнению с другими типами.

Механизм психической защиты	Экстравертные типы	Интровертные типы
Проекция	Истероид	Сензитив
Перенос	Эпилептоид	Конформный
Сублимация	Застревающий	Параноид
Отрицание	Циклоид	Шизоид
Рационализация	Гипертим	Гипотим

1. Истероид (истероидный)

Базовые свойства. Экстравертный тип, базовый механизм защиты – проекция.

Внешние данные. Эктomorphicный или эндоморфный тип телосложения. Оригинальная прическа, одежда, отдельные детали костюма. Любит ярлыки и фирменные знаки на одежде. Шумное, эпатазирующее, привлекающее внимание поведение. Артистичен. Самостоятелен и независим. Уровень пластичности высокий. Движения вялые, плавные.

Особенности характера. Эгоцентризм – стремление быть в центре внимания; тяга к эпатажу; эгоизм; сосредоточенность мыслей на себе; ориентация только на собственные желания; завышенная самооценка; стремление «напрашиваться на комплимент»; энергичность; быстрое угасание после всплеска энергии; развитие чувственного начала в ущерб волевому; неустойчивость настроения; обидчивость; мнительность; чрезвычайное честолюбие; преувеличенные требования к благодарности от ближнего; вера в свою исключительность. Морально-этические крайности – редко демонстративная аскетичность, в основном распушенность как явная, так и скрываемая.

Прерывистая и в целом нестабильная работоспособность, быстрая истощаемость энергетического потенциала. Сильно развитые актерские способности. Склонность к интригам, демагогии и оппозиционности при неудовлетворенном эгоцентризме; игра в вожака вместо настоящего лидерства; ненадежность, лживость и лицемерие; трусость; необдуманный риск (в присутствии зрителей); хвастовство; явно завышенная самооценка; обидчивость при задевании личности; склонность к острым аффективным реакциям. Нередко парафилическая составляющая. Эмоциональная черствость. Стремление всегда выделяться приводит к нелюбви к физическому труду.

Типовой страх – страх остракизма, физической боли.

Коммуникативные характеристики. Предпочитает монологи о себе. Любит публичные формы общения. Общается с теми, кто им восхищается. Часто меняет круг общения. Общение для него – средство продемонстрировать себя, но не установления контакта с людьми. В общении манипулятивен. Истероид характеризуется громким голосом, быстрым темпом и нестабильностью указанных вокальных характеристик. Нестабильность проявляется в выделении голосом отдельных слов, на которых истероид заостряет свое внимание, возвращаясь после этого в исходный стиль повествования. Истероид очень удачно расставляет паузы, в том числе и стилистические, хорошо владеет ораторским искусством, без труда может привлечь внимание к своей персоне, произнося монологи на различные темы. Паузы по длине и частоте средние, так как нужно выдерживать время для преподнесения очередной мысли слушателям. Особенностью устной речи истероидов является то, что речевые паузы выполняют не столько синтаксическую, сколько смысловую функцию, варьируясь по частоте и длительности в зависимости от ситуации, от той роли, которую выбрал для себя указанный психологический тип. Интонация неравномерная, причем указанный психологический тип наиболее удачно из всех владеет интонационными переходами, варьируя их в зависимости от ситуации. Диапазон голоса средний.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты возникают по следующим причинам: вольное или невольное уязвление его самолюбия; равнодушие со стороны окружающих, тем более сознательное игнорирование его личности; критика его достижений,

способностей и таланта; вынужденное одиночество или ограничение круга его общения, поклонников; невозможность проявить себя в полной мере; отсутствие ярких событий и возможности проявить свои способности; удары по эгоцентризму, разоблачение его вымыслов, тем более высмеивание.

2. Сензитив (сензитивный)

Базовые свойства. Интровертный тип, базовый механизм защиты – проекция.

Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Одевается со вкусом, умеренно. Добродушное и внимательное выражение лица. Уровень пластичности высокий. Движения медленные, плавные.

Особенности характера. Тревожность, мнительность, страх; некоммуникабельность; эмпатия; доброта и отзывчивость; деликатность и умение быть благодарным; нетребовательность к людям; неспособность противостоять влиянию сильных личностей; повышенная ранимость; стыдливость и стеснительность. Предупредительность: следит за реакциями других. Исполнительность и преданность. Пугливость; замкнутость; склонность к самобичеванию и самоуничтожению; растерянность в трудных ситуациях; повышенные обидчивость и конфликтность. Склонность к капризам. Болезненная оценка собственных психоролевых характеристик. «Реакция гиперкомпенсации» – периодический выплеск агрессии. Манипулятивен.

Типовой страх – страх непонимания, одиночества.

Коммуникативные характеристики. Очень общителен, коммуникативен. Общение для него – средство установления контакта с людьми, прежде всего эмоционального. Богатая эмоциональная насыщенность. Сензитив отличается тихим голосом, быстрым темпом и нестабильностью вокальных характеристик, что является следствием эмоциональности указанного психологического типа, богатой палитрой чувств, выражающихся, в том числе, и в речи. Сензитив является самым эмоциональным из психологических типов, что находит непосредственное отражение в его речи в виде многотональности голоса и широком диапазоне. Сензитивы обладают ровной интонацией с плавными переходами вверх и вниз, при этом легко варьируют тон своего голоса с высокого на низкий, с громкого на тихий, в частности, переходя на шепот. Темп речи

рассматриваемого психологического типа средний. Наиболее подходящее определение голосу указанного психологического типа – мягкость и некоторая восторженность.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: несправедливые подозрения или обвинения в неблагоприятных поступках, особенно публично; критика или насмешки над ним или его поведением; открытое соперничество; грубость и хамство; регламентированные проверки его деятельности или поведения; недоброжелательное внимание к нему; вынужденное одиночество; угроза репутации; невозможность поделиться своими переживаниями с другом.

3. Эпилептоид (эпилептоидный)

Базовые свойства. Экстравертный тип, базовый механизм защиты – перенос.

Внешние данные. Мезоморфный или эндоморфный тип телосложения. Одет аккуратно: обычно классический стиль одежды, однако выбор подстиля происходит в большинстве случаев в контексте ситуации. Уровень пластичности ниже среднего. Движения резкие порывистые. Склонность к «монументальным» позам.

Особенности характера. Значительный психоэнергетический потенциал; высокий уровень активности; возможна активизация деятельности в экстремальных ситуациях; гневливость, взрывчатость, готовность обвинять, придирчивость; злопамятность, мстительность; консервативность в отношении с другими людьми; развитые организаторские способности. Требователен и придирчив к окружающим и себе. Выраженная склонность к лидерству. Не склонен к случайным знакомствам. Быстро принимает решения, стремление доминировать как базовое. Эгоцентризм и жестокость; нетерпимость к инакомыслию; нечувствительность к чужому горю; чрезмерная требовательность, приводящая к раздражительности в связи с замеченным отсутствием у других присущих ему положительных черт; ревность и злопамятность; периодические периоды слабомотивированной злобы; сутяжничество, нетерпимость к критике. Игнорирование эмоционального состояния других людей. Выраженная способность к оперативному реагированию. Слабые способности к планированию

деятельности. Тяга к регламентации. Формализм. Высокая способность к интегрированности в иерархические структуры. Наиболее близок к холерическому типу темперамента.

Типовой страх – страх конкуренции.

Коммуникативные характеристики. Говорит четко и громко. Речь хорошо организована и понятна. Общение для него – средство демонстрации собственного статуса, но не установление контакта с людьми. Добросовестно выполняет нормы ритуального общения. Не раскрывается, не стремится глубоко познать других. Не понимает эмоционального общения. В общении или доминирует, или подчиняется. Для эпилептоида характерен громкий голос и быстрый темп, но при этом они не отличаются стабильностью в силу импульсивности личности этого психологического типа. Интонация речи неравномерная, чаще носит восходящий характер, т. е. каждое предложение заканчивается на интонационном подъеме, что создает ощущение некоторого давления на собеседника. Для речи эпилептоида характерна агрессивность, которую нельзя путать с эмоциональностью, так как крик и агрессия являются свидетельством состояния гнева в конкретной ситуации. В силу быстрого темпа речь эпилептоида характеризуется короткими паузами, диапазон голоса низкий.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: изменение и ломка устоявшихся порядков и установленных правил, особенно если это приходится делать самостоятельно; жесткая конкуренция со стороны таких же сильных и энергичных людей; ограничение возможности проявлять свой авторитет, свою власть над другими людьми; критика действий и насмешки над его недостатками; повседневная работа, требующая длительных усилий при отсутствии возможности выделиться среди окружающих; ущемление его прав и интересов; неподчинение ему лиц, не являющихся для него авторитетами; измена близкого человека.

4. Конформный

Базовые свойства. Интровертный тип, базовый механизм защиты – перенос.

Внешние данные. Эктоморфный в большинстве случаев или мезоморфный тип телосложения. Диапазон внешности сильно варьируется. Стил – от официального до спортивного. Аккуратность от средней до большой. На лице выражение готовности, создается впечатление, что он прислушивается. Уровень пластичности от среднего до высокого. Движения неторопливые, плавные.

Особенности характера. Осторожность. Неверие в себя. Зависимость. Высокие способности к адаптации. Неспособность постоять за себя. Склонность копировать поведение лидера. Значительный аналитический и эмпатийный потенциал.

Типовой страх – страх ответственности.

Коммуникативные характеристики. Ведомая роль в общении. Вопросительные интонации даже в утвердительных предложениях. Тихий голос и медленный темп речи. Темп речи и количество пауз во многом будет зависеть от человека, с которым он ведет беседу. Общение для него – средство установления контакта с людьми. Конформный характеризуется некоторой неуверенностью и зависимостью от мнения окружающих, поэтому темп его речи и количество пауз во многом будет зависеть от человека, с которым он ведет беседу. В ситуации допроса со следователем, который не смог расположить к себе представителя указанного психологического типа, речь конформного будет характеризоваться средним темпом с многочисленными паузами. В ситуации же установления психологического контакта речевые паузы будут выполнять только синтаксическую функцию, существенно не увеличиваясь в количестве и продолжительности. Тембр голоса конформного обычно средний или выше среднего. Интонация голоса ровная, без резких интонационных скачков. Конформные также отличаются широким диапазоном голоса, многотональностью и эмоциональностью речи.

Модель конфликтного поведения. Конфликтные ситуации возникают по следующим причинам: попытки переложить на него ответственность за принятие решения; критика уже принятого решения; открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения; необходимость быстрой адаптации к новой группе лиц; необходимость быстро принять сложное для него решение; внезапное или длительное физическое и психическое напряжение.

5. Застревающий

Базовые свойства. Экстравертный тип, базовый механизм защиты – сублимация.

Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Активный, энергичный. Одевается практично и строго. Постоянно в движении. Ровная осанка и уверенность в движениях. Уровень пластичности средний. Движения четкие, выверенные.

Особенности характера. Склонен к руководству «сверхценной» идеей порядка, проистекающей из базовости деятельности сверхконцентрации. Слабая переключаемость внимания. Аналитический тип ума. Развитые волевые характеристики, целеустремлен; способен к самопожертвованию во имя долга; самостоятелен; неготовность преступить нормы и законы. Невысокий уровень развития эмпатии; навыки психосаморегуляции; ровность настроения; честолюбие. Аналитический тип ума. Дисциплинированность. Пунктуальность. Предельные способности к алгоритмизации действий. Предельно слабая переключаемость внимания. Патриотизм. Категоричность. Подчинение долгу. Развитые понятия чести, применительно к требованиям социальной группы.

Типовой страх – страх революционных, резких изменений.

Коммуникативные характеристики. В общении на значимые цели с оппонентами конфликтен. Общение для него – средство достижения цели, прежде всего получение информации, в меньшей степени – установление контакта с людьми. В общении внутренне агрессивен, хотя внешне часто корректен. Вокальные особенности проявляются в громком голосе и среднем темпе, при этом сохраняется стабильность указанных компонентов. Застревающему типу свойственно четкое произношение слов, у него очень хорошая артикуляция, темп средний с четким соблюдением интонационных пауз (средних по длине), как и во всем остальном, в речи присутствует четкость, правильность, синтаксические паузы соблюдаются очень хорошо. Этот психологический тип является некоторым исключением из всех, так как он может быть как экстравертом, так и интровертом. В зависимости от этого будут отличаться интонационные особенности речи: интровертный застревающий характеризуется ровной интонацией, а экстравертный – неравномерной. Однако и в том, и в другом случае наблюдается эмоциональная холодность,

низкий диапазон, отсутствие многотональности речи. Еще одной особенностью указанной акцентуации является интонационная завершенность каждого предложения, т. е. вначале интонация идет вверх, а к концу фразы — вниз, подчеркивая окончание повествования. Разница в силе интонационных скачков будет зависеть от выраженности интровертности или экстравертности психологического типа.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: стороннее требование нарушения корпоративных норм; эмоциональное отвергание со стороны значимых для него людей; коренная ломка жизненных стереотипов, привычек; неожиданные поручения, личные просьбы, требования с угрозой, противоречащие текущему настроению; психические нагрузки, особенно в стадии спада настроения.

6. Параноид (параноидный)

Базовые свойства. Интровертный тип, базовый механизм защиты — сублимация.

Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Активный, энергичный. Одевается практично и удобно. Постоянно в движении. В действиях ориентируется на целесообразность, а не на внешнее впечатление. Уровень пластичности средний. Движения неторопливые, уверенные. Выраженная «шаблонная» мимика — четкая и однозначная.

Особенности характера. Склонен к формированию и руководству «сверхценными идеями», предельно развитые волевые характеристики, целеустремлен; пренебрегает интересами окружающих во имя цели; способен к самопожертвованию во имя идеи; автономен, самостоятелен; готовность преступить нормы и законы; четкое позиционирование окружающих на «чужих» и «своих»; жестокость, имеющая отношение к сверхценной идее, равнодушие ко всему остальному, подозрительность. Склонность к навязыванию своей точки зрения. Бескомпромиссность. Фанатичность. Агрессивность по отношению к чужим, раздражительность; склонность к обвинениям; альтруизм по отношению ко всему человечеству; невысокий уровень развития эмпатии; навыки психосаморегуляции; честлюю-

бие, непоследовательность. Высокий самоконтроль. Реализм. Стрессоустойчивость. Внешняя ровность настроения, не исключая ситуационные вспышки раздражительности, обидчивости и придиристости; проявление недовольства и грубости в ответ на реплики и замечания; замкнутость и безразличие.

Типовой страх – страх предательства.

Коммуникативные характеристики. В общении на значимые цели с оппонентами конфликтен. Общение для него – средство достижения цели, но не установления контакта с людьми. В общении с неприятными ему людьми сдержанно агрессивен. Вокальные особенности проявляются в громком голосе и среднем темпе, при этом сохраняется стабильность указанных компонентов. Параноид характеризуется средним темпом и низким тембром голоса, даже женский голос имеет тембральные характеристики ниже средних. Интонация равномерная, что является следствием интровертности данного психологического типа, однако на отдельных словах, имеющих значимость для параноида, делается интонационный акцент, при этом диапазон голоса низкий, отсутствует многотональность, что говорит о неэмоциональности и сдержанности речи указанного психологического типа.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: стороннее требование нарушения корпоративных норм; эмоциональное отвергание со стороны значимых для него людей; коренная ломка жизненных стереотипов, привычек; неожиданные поручения, личные просьбы, требования с угрозой, противоречащие текущему настроению; психические нагрузки, особенно в стадии спада настроения, аморальное поведение оппонента.

7. Циклоид (циклоидный)

Базовые свойства. Экстравертный тип, базовый механизм защиты – отрицание.

Внешние данные. Экторморфный тип телосложения. В одежде предпочитает свободный стиль. Чувство стиля в одежде выражено слабо. Уровень пластичности ниже среднего. Движения резкие, порывистые.

Особенности характера. Смены фаз гипертимности и гипотимности. Болезненное стремление к независимости. Цинизм. Рациональность. Эмоциональная незрелость. Значительный, но кратковременный психоэнергетический потенциал; высокий уровень активности; гневливость, готовность обвинять; дистанционирование в отношении с другими людьми; незрелые организаторские способности. Склонен к случайным знакомствам. Требователен к окружающим и одновременно терпим к инакомыслию. Быстро принимает решения. Стремление осознавать причины и последствия окружающего как базовое. Эгоцентризм и равнодушие; нечувствительность к чужому горю. Способность к стратегическому планированию, реагированию. Слабые способности к организации деятельности.

Типовой страх – страх зависимости.

Коммуникативные характеристики. Речь организована и понятна. С трудом выполняет нормы ритуального общения. Не раскрывается, стремится глубоко познать других. Не понимает эмоционального общения. Общение для него, скорее, средство включенного наблюдения, но не установление контакта с людьми. В общении склонен к автономности. Говорит быстро, четко и громко. Громкий голос и быстрый темп, часто изменяется на средние показатели за время произнесения устного сообщения. Особенность вокальных характеристик циклоида в том, что хотя они отличаются высокими показателями: громкий голос и быстрый темп, но могут часто изменяться на средние показатели за время произнесения устного сообщения, что является показателем нестабильности. Особенностью циклоида является сочетание характеристик гипертимного и гипотимного психологических типов. Интонация речи циклоидов неравномерная, преимущественно восходящая, может несколько предложений говорить на восходящей интонации и только в конце смыслового отрывка интонация пойдет вниз (или интонация идет вверх и вниз в каждом предложении). Интонационные изменения также являются отличительным признаком речи циклоидов. Создается ощущение, что они говорят на вдохе. Несмотря на интонационные скачки, речь циклоидов характеризуется низким диапазоном, а следовательно, отсутствием многотональности голоса. Речевые паузы короткие или средние, в зависимости от того, в какой стадии

находится указанный психологический тип: гипертимной или гипотимной.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: давление со стороны; ограничение свободы; сближение со стороны лиц, интеллектуальный потенциал которых оценивается низко; привлечение его к активной деятельности в гипотимной стадии.

8. Шизоид (шизоидный)

Базовые свойства. Интровертный тип, базовый механизм защиты – отрицание.

Внешние данные. Мезоморфный или эндоморфный тип телосложения. Пассивный, неэнергичный. Внешне замкнут, мимика слабовыраженная, часто рассогласована с эмоциями. На лице – выражение замкнутости, погруженности во внутренний мир. Позы и походка, как правило, рассогласованы. Неаккуратен в одежде или выражает отсутствие стиля. В выборе ее зависит от окружающих, наиболее часто предпочтение мешковатому, свободному стилю. Уровень пластичности низкий. Движения медленные, неловкие. Много и беспорядочно двигается, задевает предметы.

Особенности характера. Ярко выраженная интровертность. Мрачность, негативизм, нелюдимость. Богатство внутреннего мира. Предельно высоко развиты способности противостояния манипулированию. Самодостаточность. Погруженность в свои мысли и личное мировосприятие. Независимость мнения и оригинальность суждений. Способности к объективной оценке людей. Повышенная критичность. Невысокий уровень социального взаимодействия, частое неприятие социальных шаблонов, часто непредсказуемые поступки. Ярко выраженное мыслительное, познавательное начало; богатство идей; вторичность для субъекта внешнего мира; нетребовательность к комфорту; хорошая память; слабая энергетичность; эмоциональная бедность; малозависимость эмоционального состояния от внешних причин; отсутствие честолюбия; неавторитарность; трудности с общением. Замкнутость; эмоциональная холодность; рассудочность; эгоизм, неспособность замечать чужую беду; самолюбие и ранимость при критике его системы ценностей; малоактив-

ность и малоэнергетичность при интенсивной работе; невысокий потенциал работоспособности при высоком потенциале эффективности работы. Склонность поддерживать уже устоявшиеся связи с другими людьми. Негибкость в отношениях. Неспособность к эффективной деятельности в условиях ограниченного времени. Низкая способность к интегрированности в иерархические структуры. Наиболее близок к флегматическому типу темперамента.

Типовой страх – страх сойти с ума.

Коммуникативные характеристики. В общении весьма избирателен. Несмотря на богатый словарный запас, уровень сложности речи невысокий. Очень ограничен круг общения. Общение для него – средство вербализовать свое понимание мира, но не установление контакта с людьми. Речь слабо артикулированная, рваная, плохо модулированная, с задержками и паузами. Очень тихий по громкости и медленный по темпу голос, стабильность которого сохраняется достаточно продолжительное количество времени. Устная речь шизоида отличается медлительностью, по темпу можно сказать, что этот психологический тип говорит медленнее всех, следовательно, для него характерно наличие большого количества продолжительных пауз. Интонация отличается предельной равномерностью, шизоиды обладают самым низким диапазоном голоса, это самый мало-эмоциональный психологический тип.

Модель конфликтного поведения. Конфликтные ситуации возникают по следующим причинам: смена устоявшихся стереотипов, сложившихся привычек поведения; необходимость устанавливать неформальные контакты с окружающими, даже близкими людьми; необходимость разговора по душам; необходимость руководить другими людьми; необходимость выполнения интеллектуальной работы по заранее спланированным схемам и правилам; групповая и коллективная деятельность; вторжение посторонних людей в его внутренний мир; покушения на личную свободу, зависть к социально-адаптируемым личностям.

9. Гипертим (гипертимный)

Базовые свойства. Экстравертный тип, базовый механизм защиты – рационализация.

Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Одевается в ярком спортивном или смешанном стиле. Степень аккуратности внешнего вида средняя. Богатая положительными эмоциями мимика. Заразительный смех. На лице – выражение радости и веселья или готовности к ним. Склонность проявлять эмоции вовне. Уровень пластичности средний. Движения быстрые, размашистые.

Особенности характера. Высокая энергетичность; медленная утомляемость; повышенный фон настроения; неустойчивая эмоциональность; легкомысленность и «толстокожесть». Предельно развитые экстравертные характеристики. Высокоразвитые коммуникативные способности. Сверхобщительность. Авантюризм. Безответственность. Повышенная активность. Оптимизм. Слабая адаптированность под монотонную деятельность. Прекрасный генератор идей. Предельные способности к эффективной деятельности в условиях ограниченного времени, ограниченного объема информации или иных стрессовых условий. Неумение делать выводы из прошлых проблем. Слабая способность планирования и предвидения. Наиболее близок к сангвинистическому типу темперамента.

Типовой страх – страх взрослости, нормативного поведения.

Коммуникативные характеристики. Повышенная общительность. Высокая контактность. Быстрый темп речи, соответственно короткие паузы в небольшом количестве. Интонация как у наиболее яркого представителя экстравертного типа неравномерная. Общение для него – средство фактически безадресной коммуникации, но не установление контакта с людьми. Обладает самым громким голосом и быстрым темпом, сохраняя при этом стабильность вокальных характеристик. Гипертима отличает быстрый темп речи, соответственно короткие паузы присутствуют в небольшом количестве, часто не соответствуют синтаксическим, что создает ощущение некоторой сумбурности: не понятно, где закончилось предложение и началось новое. Несмотря на речевую активность и словоохотливость указанного психологического типа, диапазон его голоса низкий, монотонный.

Модель конфликтного поведения. В целом неконфликтен. Причинами же нечастых конфликтов выступают, как правило, попытки ограничить его активность, переключение на монотонную деятельность, изоляция от окружения, длительная пассивность.

10. Гипотим (гипотимный)

Базовые свойства. Интровертный тип, базовый механизм защиты – рационализация.

Внешние данные. Мезоморфный или эндоморфный тип телосложения. Одевается в нейтральном стиле. Степень аккуратности внешнего вида средняя. На лице – выражение недовольства, расстройства, а не спокойствия. Не склонен проявлять агрессивные эмоции вовне. Уровень пластичности средний. Движения медленные, неторопливые.

Особенности характера. Слабая энергетичность; быстрая утомляемость; пониженный фон настроения; неустойчивая эмоциональность; ранимость и обидчивость; неудачливость. Капризность и плаксивость; вялость; неуверенность в себе; застенчивость и пугливость; неспособность постоять за себя. Настороженность. Критически фиксирует внимание всех на отрицательных сторонах жизни. Выраженная аутоагрессия. Наиболее близок к меланхолическому типу темперамента.

Типовой страх – страх болезни.

Коммуникативные характеристики. Общение признает как средство изложения жалоб, претензий. Общение для него – средство установления контакта с людьми. Любит потрясать слушающих его людей невероятными сообщениями. Очень выраженная артикуляция, поэтому речь очень внятная. Очень тихая по громкости речь, стабильность которой сохраняется достаточно продолжительное количество времени.

Темп речи гипотима, как правило, средний, ближе к медленному. Речь отличается частыми, но короткими паузами, которые могут не совпадать с синтаксическими и создают ощущение передышки, в том числе за счет некоторой усталости в голосе гипотима. Интонация у данного психологического типа ровная, нисходящая, если и наблюдается подъем интонации, то он незначительный и кратковременный, за которым непременно следует спад. Это один из наиболее малоэмоциональных типов, с преобладанием монотональности речевых характеристик и низким диапазоном голоса.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: насмешки над его слабостями, ошибками, неумелы-

ми действиями; вынужденное активное общение с большим количеством людей; необходимость быстрого переключения в работе или общении; необходимость проявить определенную силу воли; внезапное или длительное физическое и психическое напряжение; работа в условиях недостатка исходной информации, аморальное поведение контрагента.

Нормативные источники

1. Решение Международного суда ООН от 27 июня 1986 года по делу «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) : [сайт] «Cour internationale de Justice – International Court of Justice». URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 1.02.2023).

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федер. закон от 6.07.2016 № 374-ФЗ.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федер. закон от 6.07.2016 № 375-ФЗ.

4. Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в г. Будёновске Ставропольского края: постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 1995 г. № 579 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 26. Ст. 2477.

5. Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в январе 1996 года в Республике Дагестан: постановление Правительства Российской Федерации от 23 января г. № 58 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 483.

6. Об утверждении Правил осуществления реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом: постановление Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 года № 6 (в ред. от 25.03.2013 № 257) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 3. Ст. 452.

7. О мерах социальной поддержки семей граждан, смерть которых явилась последствием террористического акта, совершенного 24 августа 2004 года на борту самолета ТУ-134, следовавшего рейсом № 1303 «Москва – Волгоград: закон Волгоградской области от 18.05.2005 № 1062-ОД // Волгоградская правда. 2005. 25 мая.

8. Послание Президента Российской Федерации от 03.12.2015 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) : [сайт] «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542> (дата обращения: 1.02.2023).

Литература

9. Абрамова А.А., Воронин С.Э. Теория и практика расследования финансирования терроризма. Красноярск: АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2022. 303 с.
10. Александров А., Телегин С., Кара-Мурза С. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили. М.: Алгоритм, 2005. 528 с.
11. Алиева С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование) : 12.00.08 : дис. ... канд. юрид. наук. 2014. 221 с.
12. Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории : историко-публицистическое повествование. М. : Отечество, 1993. 72 с.
13. Антонова Е.Ю. Финансирование терроризма: источники и меры по противодействию // Вестн. университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1 (87). С. 100–107.
14. Антонян Ю.М. Проблемы природы и причин современного терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М. : Наука, 2002. С. 10–21.
15. Антонян Ю.М., Леонова О.В., Шостакович Б.В. Феномен зависимого преступника. М. : Аспект Пресс, 2007. 192 с.
16. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления: научно-популярное издание. М. : Амальтея, 1993. 320 с.
17. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2020. 514 с.
18. Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2011. 202 с.
19. Бактыбаева А.Н. Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 4. С. 304–314.
20. Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 57–66.

21. Белов А.К. Искусство партизанской войны. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. 303 с.

22. Бобков А.И. «Квазирелигиозный терроризм» как методологическая составляющая социальной технологии преодоления распространения идеологии терроризма // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXI междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. Т. 2. С. 331–336.

23. Бобков А.И. Кентавр-понятие «этнорелигиозный терроризм» как фактор искажения понимания квазирелигиозного фундамента идеологии терроризма // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов 20-й междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. Т. 2. С. 157–162.

24. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2000. 96 с.

25. Бочарова К.Н. Концепция «признания» Ф. Фукуямы, культурная идентичность и терроризм // Вестн. Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. Вып. 2 (94). С. 54–63.

26. Брагин В.А. Мотивы совершения террористического акта и способы самооправдания современного террориста : 19.00.05 : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 182 с.

27. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.

28. Валиуллина Е.В., Шиллер В.В., Боровикова З.В. Психологические особенности толерантности коммуникативного контроля и моральной нормативности лиц, осужденных за экстремизм и терроризм // Вестн. общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 4. С. 55–59.

29. Ведерников Н.Т., Юань В.Л. Перспективы использования типологического подхода в теории и практике моделирования

личности: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 460. С. 234–238.

30. Витюк В.В. Под чужими знаменами – лицемерие и самообман «левого» терроризма. М. : Мысль, 1985. 206 с.

31. Ганишина И.С. Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних : 19.00.06 : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 160 с.

32. Гишинский Я.И. Терроризм: мифы и реальность // Криминалист. 2020. № 2 (31). С. 19–25.

33. Гончарова Т.А. Первоначальный этап расследования терроризма : 12.00.09 : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 199 с.

34. Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории: учеб. пособие / под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород : ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. 242 с.

35. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М. : Эксмо, 2017. 560 с.

36. Делере Ш. Превращения животного мира / пер. Ю. Жемчужникова ; под ред. и с предисл. А. Борисака. Петроград : тип. М. Стасюлевича, 1915. 269 с.

37. Доронин С.П., Федорова К.В. Феномен женского терроризма и проблема его интерпретации в обществе // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 172–176.

38. Дыбкина А.Н. Этнорелигиозный терроризм в условиях глобализации // Науч. тр. КубГТУ. 2020. № 3. С. 195–202.

39. Желтов В.В., Желтов М.В. Исламское государство. Опыт политологического исследования : моногр. М. : ФЛИНТА, 2016. 116 с.

40. Зникин В.К., Морозов А.С. Противодействие оперативных подразделений ФСИН России вовлечению подозреваемых, обвиняемых и осужденных в экстремистскую и террористическую деятельность : учеб. пособие. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 60 с.

41. Илларионов С.И. Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М. : ПрофЭко, 2003. 592 с.

42. Иншаков С.М. Криминология : учеб. М. : Юриспруденция, 2000. 432 с.

43. Ищанова Г.Т., Гаитов А.А., Медеубеков Т.Ш. Терроризм как явление и трудности в определении его классификации // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 5 (39). С. 228–230.

44. Кабанов П.А. Виктимология терроризма. Вопросы формирования и развития // Виктимология. 2016. № 4 (10). С. 12–22.

45. Кабанов П.А. Политический терроризм: Криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск : НКФ МГЭИ, 1998. 40 с.

46. Кафтан В.В. Противодействие терроризму. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2018. 261 с.

47. Кашников Б.Н. Гуманитарный терроризм как высшая и последняя стадия асимметричной войны // Философские науки. 2020. Т. 63, № 1. С. 66–84.

48. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Использование судебной экспертизы при изучении личностных особенностей террористов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 55–62.

49. Ключкова Е.Н. Выявление интернет-страниц несовершеннолетних, потенциально подверженных проявлению экстремизма // Противодействие терроризму и экстремизму в информационных сферах: сб. науч. ст. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 73–75.

50. Красинский В.В. Финансирование терроризма с использованием незаконного оборота наркотиков // Сетевой журнал «Современное право». 2022. № 7. С. 114–123.

51. Ланцов С.А. Терроризм на ближнем востоке: основные этапы эволюции // ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 2. С. 282–292.

52. Лысова А.В. О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия в семье // Социс : Социологические исследования. 2012. № 4. С. 110–117.

53. Ляхов Е.Г., Попов А.В., Ляхов Д.Е. Общественность и контроль над терроризмом и международным терроризмом (исто-

рия и современность) // Северо-Кавказский юрид. вестн. 2021. № 4. С. 104–119.

54. Меджидова С.М. Психологический портрет Андерса Брейвика : сайт // Психология. URL.: <http://psychology.az/blank%20breivik.php> (дата обращения: 5.03.2023).

55. Мелихов И. Эволюция ваххабитского фактора в Саудовской Аравии // Родная Ладога. 2016. № 2. С. 251–261.

56. Мельникова А.А. Терроризм: исследование феномена и современной специфики // Вестн. ЗабГУ. 2020. Т. 26, № 1. С. 108–113.

57. Методика расследования преступлений экстремистской направленности : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 103 с.

58. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. № 8. С. 84–91.

59. Михайлов А.Е. Международный терроризм как системный риск в современном обществе: проблемы минимизации правовыми средствами // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 545–552.

60. Мохаддам Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов : что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / пер. В. А. Соснина. М. : Форум, 2011. 288 с.

61. Наследственные болезни : справ. / Л.О. Бадалян [и др.] ; под ред. Л.О. Бадаляна. Ташкент : Медицина, 1980. 414 с.

62. Новиков А.В. Оценка влияния этнического экономического неравенства на угрозу терроризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18, Вып. 5. С. 848–875.

63. Новикова О.Н. Терроризм «одиноких волков» // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 188–207.

64. Новые направления в социологической теории / под общ. ред. Г.В. Осипова ; пер. с англ. Л.Г. Ионин. М. : Прогресс, 1978. 392 с.

65. Ольшанский Д.В. Психология террора. Екатеринбург : Деловая кн. ; М. : Акад.проект : ОППЛ, 2020. 320 с.

66. Паненков А.А. Особенности вовлечения в организованную террористическую деятельность отдельных представителей титульной нации в Северо-Кавказском федеральном округе: (на ма-

териалах Республики Ингушетия) // Российский следователь. 2011. № 8. С. 21–26.

67. Петров П.А., Сальников М.В. Терроризм: история возникновения и правового регулирования // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 97–106.

68. Пимакова О.Г. Личность преступника террориста // Викимнология. 2018. № 4 (18). С. 54–58.

69. Пожаров А.И. Политический терроризм как форма проявления политического экстремизма в послевоенном развитии СССР // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 3. С. 19–27.

70. Пономарева А.Ю. Смысловое наполнение концепта «терроризм» в русском языковом сознании: по данным ассоциативного эксперимента // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 5. С. 97–102.

71. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / науч. ред. О.Т. Вите. – СПб. : Изд-во Алетея, 2007. 720 с.

72. Ратинова Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных преступлений : 19.00.06 : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 229 с.

73. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. 420 с.

74. Самищенко А.С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития : 12.00.12 : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 212 с.

75. Самищенко С.С. Атлас необычных папиллярных узоров. М. : Юриспруденция, 2001. 320 с.

76. Сарафанников А.А. Оперативное сопровождение по уголовным делам о терроризме // Следственная практика. 2005. Вып. 167. С. 260–270.

77. Сердюк Л.О. Формировании агрессии современного терроризма // Уголовное право. 2005. № 2. С. 107–109.

78. Сильва Дж. Р. Формирование отношения к массовым расстрелам гражданского населения в новостных средствах массовой информации: доступность оружия, психические нарушения, наси-

лие для развлечения, терроризм // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 332–359.

79. Скобелев А.Е. Виктимологическая профилактика терроризма // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 27–30.

80. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К. Подсознание террориста / под ред. Д.В. Сочивко. М. : ПЕР СЭ, 2012. 192 с.

81. Станкевич А.М., Пушкин А.В. Особенности криминологического портрета личности современного террориста // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 185–190.

82. Стариков Н.В. Хаос и революции – оружие доллара. СПб. : Питер, 2018. 368 с.

83. Старков О.В. Криминальная субкультура. М. : Волтер Клуб, 2010. 240 с.

84. Стародубцева М.А. О некоторых аспектах определения термина «терроризм» // Legal Linguistics. 2020. № 16. С. 16–18.

85. Старшиков Ю.В. Стилиевые детерминанты противоправного агрессивного поведения личности : 19.00.06 : дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2004. 156 с.

86. Стекольников В.А. Раскрытие и расследование террористических актов, совершаемых с применением оружия и взрывных устройств : 19.00.05 : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 197 с.

87. Сукиасян С.Г. Другой взгляд на феномен терроризма // The scientific heritage. 2022. № 98. С. 57–61.

88. Телегина Е.Г., Разметов П.Ю. Терроризм как форма проявления международной преступности: криминологический аспект // Алтайский юрид. вестн. 2021. № 1 (33). С. 92–97.

89. Топорков В.М. О подходах к понятию «международный терроризм» в Исламской Республике Иран // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 72–78.

90. Тыркалова В.В. Медиа и терроризм. Теракт 11 сентября 2001 года в освещении СМИ // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 29. С. 277–285.

91. Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // Собрание сочинений : в 3 т. / отв. ред. проф. М. И. Виноградов ; под ред. Л. А. Орбели, М. И. Виноградова. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1. 328 с.
92. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. – М. : АСТ, 2010. 588 с.
93. Хайретдинов М. Джихад сквозь призму современной эпохи. М. : Медина, 2014. 150 с.
94. Хомушов С.Д. Терроризм в современном информационном пространстве // Таджикистан и современный мир. 2018. № 1 (60). С. 56–64.
95. Хоффман Б. Терроризм - взгляд изнутри. М. : Ультра. Культура, 2003. 264 с.
96. Хромых Д.Н. Методика расследования актов терроризма с использованием взрывных устройств : 12.00.09 : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 215 с.
97. Цзыхао Ч., Савкин Д.А. Подходы к пониманию явления «терроризм» и сравнительный анализ его определения в ключевых юрисдикциях мира // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, Вып. 3. С. 342–348.
98. Чернядьева Н.А. Соотношение понятий «терроризм» и «международный терроризм» в международном праве // Правосудие. 2020. Т. 2, № 4. С. 62–76.
99. Чистикин А.Н., Яровенко В.В. Опыт определения психопатологических состояний методом дерматоглифики // Актуальные проблемы правоведения в современный период : сб. ст. : в 2 ч. / под ред. В.Ф. Воловича. Томск : Изд-во ТГУ, 1993. Ч. 2. С. 145–146.
100. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестн. Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. № 4 (34). С. 556–564.
101. Шерышева М.Н. Терроризм в современной России: причины, способы противодействия // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1, № 12 (29). С. 668–671.

102. Щербаха С.А. Влияние агрессивности личности на ее отношение к правонарушениям : 19.00.06 : дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2003. 150 с.

103. Шестакова Ю.В. Предпосылки склонности подростков к терроризму // Студент и наука (гуманитарный цикл). Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2022. С. 1322–1324.

104. Юань В.Л. Биографический метод как базовый метод изучения личности допрашиваемого перед допросом // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 30-летию кафедры криминалистики ЮИ ТГУ. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2014. С. 112–114.

105. Юань В.Л. Биографический метод в системе криминалистических методов исследования личности преступника // Российское правоведение: трибуна молодого ученого: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 274–275.

106. Юнусов А.М. Современный терроризм как социально-политическое явление // Международный правовой курьер. 2020. № 2. С. 15–20.

107. A guide for explosion and bombing scene investigation – research report. Washington, U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2000. 64 p.

108. Altheide D.L. The Columbine shootings and the discourse of fear // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52, N 10. P. 1354–1370.

109. Beaver K.M. Molecular Genetics and Crime // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 50–72.

110. Bolz F., Dudonis Jr. K.J., Schulz D. P. The counterterrorism handbook: tactics, procedures, and techniques. 2nd ed. New York : CRC Press, 2002. 266 p.

111. Cassese A. Terrorism, Politics and Law: The Achille Lauro Affair. Cambridge: Polity Press, 1989. 285 p.

112. Cederman L.E. Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency // Order, Conflict, and Violence / ed. by S.N. Kalyvas,

I. Shapiro, and T. Masoud. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 242–270.

113. Conflicts of law and morality / ed. by T. Honore, J. Raz. Oxford : Oxford University Press, 1987. 400 p.

114. Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. 285 p.

115. Corancez L.A. Histoire de wahabis. Cahie Orie Edit, 2008. 224 p.

116. DeLisi M. Neuroscience and the Holy Grail: genetics and career criminality // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 209–224.

117. Einstadter W., Henry S. Criminological theory: an analysis of its underlying assumption. Fort Worth : Harcourt Brace College Publishers, 1995. 358 p.

118. Eterno J.A., Roberson C. The detective's handbook. New York: CRC Press, 2015. 380 p.

119. Farrington D.P. Crime causation: psychological theories // Dressler J. Encyclopedia of Crime and Justice. 2nd ed. Macmillan Reference USA, 2016. P. 315–324.

120. Fox R.J. The XYY offender : a modern myth? // The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1971. Vol. 62, N 1. P. 59–73.

121. Hamden R.H. Psychology of terrorists: profiling and counteraction. Boca Raton : CRC Press, 2018. 160 p.

122. Hewlett N. Blood and Progress. Violence in Pursuit of Emancipation. Edinburg : Edinburg University Press, 2016. 200 p.

123. Kiely T.F. Forensic evidence: science and the criminal law. Boca Raton : CRC Press, 2001. 345 p.

124. Krauthammer T. Modern protective structures. New York : CRC Press, Taylor & Francis Group, 2008. 530 p.

125. Kurtz Ch.J., Hunter R.D. Dark truths: modern theories of serial murder. London : Virgin Books Ltd, 2004. 229 p.

126. Kushner Harvey W. Encyclopedia of terrorism. SAGE Publications, Inc., 2003. 523 p.

127. Laverne G.M. Worse than death: The Dallas nightclub murders and the Texas multiple murder law. Denton : Texas, University of North Texas Press, 2003. 270 p.
128. Lyman M.D. Criminal investigation: the art and the science. 6th ed. New York: Prentice Hall, 2011. 526 p.
129. Marsh I. Theories of crime / I. Marsh [et al.]. New York : Routledge, 2006. 537 p.
130. Maslow A. Motivation and Personality. 3-ed. New York : Addison-Wesley. 1987. 336 p.
131. Mazur A. Testosterone and violence among young men // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 190–204.
132. Mills L.G. The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings. New York : Springer International Publishing, 1998. 296 p.
133. Moore T.M., Scarpa A., Raine A. A meta-analysis of serotonin metabolite 5-HIAA and antisocial behavior // Aggressive Behavior. 2002. N 28. P. 299–316.
134. Morrall P. Murder and society. Atrium : John Wiley & Sons Ltd, 2006. 208 p.
135. Netanyahu B. Fighting terrorism: How democracies can defeat domestic and international terrorists. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997. 180 p.
136. O'Hara Ch.E., O'Hara G.L. Fundamentals of criminal investigation. 7-th ed. Springfield : Illinois Ch. C Thomas Pub Ltd, 2003. 991 p.
137. Palmer C., Thornhill R. Serial rape: an evolutionary perspective // Serial offenders: current thought, recent findings / ed. by L.B. Schlesinger. Boca Raton : CRC Press, 2000. P. 50–64.
138. Pontell H. Social deviance: readings in theory and research. Prentice Hall : Upper Saddle River, 1999. 482 p.
139. Prothero M. Defending Gary: unraveling the mind of the Green River Killer. San Francisco : Jossey-Bass, Wiley Imprint, 2006. 558 p.
140. Raine A. The psychopathology of crime: criminal behavior as a clinical disorder. San Diego : Academic Press, 1997. 377 p.

141. Redsicker D.R., O'Connor J.J. Practical fire and arson investigation. 2-nd ed. New York : CRC Press, 1997. 432 p.
142. Rossmo D.K. Organizational traps: groupthink, rumor, and ego // Criminal investigative failures / ed. by D.K. Rossmo. Boca Raton : CRC Press, 2009. P. 23–34.
143. Roth M.P. Global organized crime: a reference handbook. Santa Barbara, California, ABC-CLIO, LLC, 2010. 329 p.
144. Schmid A.P. Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. New Brunswick : Transaction Books, 1998. 700 p.
145. Siegel L.J. Criminology: The Core. 4-th ed. Wadsworth : Cengage Learning, 2011. 500 p.
146. Silva J.R., Capellan J.A. A comparative analysis of media coverage of mass public shootings: Examining rampage, disgruntled employee, school, & lone-wolf terrorist shootings in the United States // Criminal Justice Policy Review. 2019. Vol. 30, N 9. P. 1312–1341.
147. Silva J.R., Capellan J.A. The media's coverage of mass public shootings in America: Fifty years of newsworthiness // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2019. Vol. 43, N 1. P. 77–97.
148. Schurman-Kauflin D.S. The new predator: women who kill: profiles of female serial killers. New York : Algora Publishing, 2000. 240 p.
149. Sofsky W. The order of terror: The concentration camp. Princeton : New Jersey, Princeton University Press, 1997. 356 p.
150. Stubbins D., Stub N. On the horns of a narrative: judgment, heuristics, and biases in criminal investigation // Criminal investigative failures / ed. by D.K. Rossmo. Boca Raton : CRC Press, 2009. P. 99–142.
151. Tehrani J.A., Mednick S.A. Crime causation: biological theories // Dressler J. Encyclopedia of Crime and Justice. 2nd ed. Macmillan Reference USA, 2016. P. 292–302.
152. The terrorism reader: a historical anthology / ed. Walter Laqueur, Yonah Alexander. New York : New American Library, 1987. 405 p.

153. Theories of crime / ed. by I. Marsh. New York : Routledge, 2006. 205 p.
154. Thornhill R., Palmer C.P. A natural history of rape. Cambridge : The MIT Press, 2000. 272 p.
155. Tiihonen J. Genetic background of extreme violent behavior // *Molecular Psychiatry*. 2014. Vol. 20, N 6. P. 1–7.
156. Tilstone W.J., Savage K.A., Clark L.A. Forensic science: an encyclopedia of history, methods, and techniques. Santa Barbara : California: ABC-CLIO, 2006. 307 p.
157. Trier T.A. Criminal enterprise investigation. Boca Raton : CRC Press, 2017. 215 p.
158. Turk A.T. Crime causation: political theories // Dressler J. *Encyclopedia of Crime and Justice*. 2nd ed. Macmillan Reference USA, 2016. P. 308–315.
159. Walsh A., Beaver K.M. Introduction to Biosocial Criminology // *Contemporary biosocial criminality* / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 7–28.
160. White J.R. Terrorism and homeland security. Belmont : Wadsworth Publishing, 2005. 398 p.
161. Wilkinson S.I. Which group identities lead to most violence? Evidence from India // *Order, Conflict, and Violence* / ed. by S.N. Kalyvas, I. Shapiro, T. Masoud. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 271–300.
162. Williams K.D., Jones A. Trial strategy and tactics // *Psychology and law: an empirical perspective* / ed. by N. Brewer, K.D. Williams. New York : The Guilford Press, 2005. P. 276–321.
163. Witt R., Witte A.D. Crime causation: economic theories // Dressler J. *Encyclopedia of Crime and Justice*. 2nd ed. Macmillan Reference USA, 2016. P. 302–308.
164. Wright J.P. Inconvenient truths: science, race, and crime // *Contemporary bio-social criminality* / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 137–153.
165. Wright J.P. The Ghost in the Machine and Criminal Behavior: Criminology for the 21st Century / J.P. Wright [et al.] // *Contemporary biosocial criminality* / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 73–89.

166. Yeisley M., Krebs C.P. Race and crime // Dressler J. Encyclopedia of Crime and Justice. 2nd ed. Macmillan Reference USA, 2016. P. 1295–1300.

Учебное издание

Ахмедшин Рамиль Линарович
Ахмедшина Наталия Владимировна

**ТЕРРОРИЗМ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ,
ИНФОРМАЦИОННЫЕ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Учебное пособие

Подписано в печать 00.00.23. Формат 60х84/16.
Усл.-печ. л. 10,93. Тираж 100 экз. Заказ № 000.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники»
634050, г. Томск, пр. Ленина, 40.
Тел. (3822) 533018.